

Димитрий ПАНИН
Мысли о разном

«РАДУГА»

Димитрий ПАНИН
МЫСЛИ О РАЗНОМ

Димитрий ПАНИН

Мысли о разном

Том

I

Москва
ОАО Издательство «РАДУГА»
1998

ББК 87.3

П16

Составление, послесловие и примечания *И. Паниной*
Оформление *Т. Иващенко*

Панин Д.

П16 Мысли о разном. Т. I, М.: ОАО Издательство «Радуга», 1998. — 288 с.

В настоящем издании собраны размышления и беседы выдающегося русского философа XX века Д. Панина, записанные им на диктофон в последние годы жизни в эмиграции во Франции. Автор таких оригинальных концепций, как «мир-маятник» и «теория густот», поведаст о событиях, современниках, прочитанных книгах.

Благодаря бережной расшифровке этих записей читатель ощутит живое биение мысли талантливейшего челонска, почувствует себя собеседником знаменитого философа.

П $\frac{0301020000 - 050}{030(03) - 98}$ без объявления

© Составление, текст, послесловие и примечания И. Панина, 1998

© От издателя и оформление ОАО Издательство «Радуга», 1998

ISBN 5-05004623-8

От издателя

Перед Вами необычная книга, читатель. Вы словно слышите дошедший через годы живой голос выдающегося русского мыслителя Дмитрия Михайловича Панина (1911—1987), поверявшего во время прогулок заветные свои мысли всегда находившемуся при нем диктофону. Бережно сохраненные, расшифрованные и выстроенные композиционно вдовой Иссой Яковлевной Паниной, чье послесловие завершает публикацию, кассеты эти выдержали проверку временем. Подобно живому собеседнику неординарного мыслителя, Вы вовлекаетесь в широкий круг его духовных исканий, ощущаете живое биение панинской мысли. Перед Вами — не просто отдельные “мысли по случаю”, перед Вами впечатляющая внутренняя лаборатория щедро одаренного Богом человека свободной воли, всю жизнь искавшего реальные пути совершенствования мира. Полезно прочесть эту книгу, будучи уже знакомым с основными трудами ученого. Но даже если это Ваша первая встреча с Дмитрием Паниным, будьте уверены: разрозненные фрагменты сложатся в итоге в цельную картину, и Вы почувствуете себя полноправным собеседником философа, чьи труды по-своему завершают плодотворнейшую линию русской философской мысли, изгнанной в эмиграцию после семнадцатого года. Вместе с Паниным Вы задумаетесь над тем, “как наладить жизнь в новой России”.

И последнее. Мы не считали для себя возможным сокращать или редактировать Панина. Отдельные шероховатости, свойственные любой устной речи, создают живой эффект присутствия, Вы словно слышите панин-

ский голос, особую его интонацию, обозначавшую прежде всего движение и развитие понятий. И если Вам покажется, что по тому или иному поводу Панин рассуждает слишком уж подробно, вдаваясь во все мельчайшие оттенки явления, а где-то, наоборот, позволяет себе высочайшую концентрацию мысли, заставляя по нескольку раз перечитывать жесткие лаконичные постулаты, в течение долгих и трудных лет обретшие свою отточенную форму, — что ж, общение с великими людьми никогда не было простым занятием, а чтение их трудов — легким чтением. Но зато и вознагражден бывает идущий по дороге познания более щедро. Пройдите по путям этой книги, читатель. Вы многое поймете не только в открываемой сегодня в России философии Димитрия Панина, Вы многое поймете и в сегодняшней нашей с Вами жизни.

I

К СТАТЬЕ В. БРОВКИНА «П. ТКАЧЕВ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ» («НОВЫЙ ЖУРНАЛ», НЬЮ-ЙОРК, № 128, 1977)

Прежде всего следует подчеркнуть, что в свое время в ряду теоретиков народничества Ткачев был едва замечен. Ему и другим из их числа хотелось немедленно совершить революцию, свергнуть самодержавие и приостановить развитие капитализма. В тех условиях это было совершенно нереально и, по сути дела, шло против закономерности развития народа. Тем не менее никому из революционеров это не казалось препятствием. Ткачев вообще отбросил народ как сброд, толпу. Он считал, что должна быть создана какая-то новая порода людей, которая совершит переворот, в сущности говоря, заговор, возьмет власть в свои руки и начнет с помощью террора внушать народу, что ему нужно делать и в чем его счастье. По Ленину. Знакомая теперь концепция. Через тридцать с лишним лет Ленин выдвинул проблему, представлявшую собой мечту Ткачева, а еще через двадцать почти лет ее реализовал.

Для нас здесь самое интересное — сила мысли. Соображения Ткачева были высказаны им за пятьдесят лет до катастрофы 1917 года. За тридцать лет до нее они попали на благоприятную почву, и Ленин начал осуществлять, собственно, то, о чем говорил Ткачев: создавать своих профессиональных революционеров. Ну, а далее все шло целиком по схеме Ткачева. Марксизм явился только программным материалом, с ним не

очень считались, хоть, конечно, оформление идей шло по линии марксизма. Все, что было желательно Ленину, — захват власти, осуществление диктатуры — по сути дела, шло по Ткачеву. Это не противоречило марксизму, тоже стоявшему за захват власти, за диктатуру пролетариата и относившемуся к пролетариату как к ширме, за которой находилась партия, а за партией ее лидеры. А быть может, Ткачев хорошо понял марксистскую схему. Для нас это не так важно. Пускай историки разбираются. Главное, что два веяния, ткачевское и марксистское, совпали в вопросах, существенных для Ленина, и он их удачно соединил.

Ткачеву в его время можно было бросить обвинение в том, что он не реалист, а утопист из какой-то новой, еще не созданной породы людей, что он хочет затормозить развитие капитализма вопреки даже марксизму и немедленно свергнуть самодержавие. В тех условиях его желания были бредом. Тем не менее, как мы видим, через тридцать — пятьдесят лет идеи Ткачева оказались вполне уместными для Ленина и были осуществлены им и его инквизицией. Поэтому, если идея сейчас не находит сторонников и не оценена, не следует прекращать ее разрабатывать. Сейчас она не нужна, но на поверку окажется нужной со временем.

Следует добавить, что ткачевские планы для своей реализации через пятьдесят лет потребовали их связи с марксизмом. Сама по себе идея Ткачева могла остаться мертворожденной. Людям нужны были приманки, их дал марксизм. Речь теперь шла не просто о новой породе людей, которая неизвестно ради чего начнет уродовать уклад. Марксизм укрепил ткачевскую голую схему, наполнил ее ложным, но вместе с тем каким-то действенным содержанием, которое увлекало людей.

Аморализм Маркса и Ткачева тоже пришелся по душе Ленину и был им полностью осуществлен. Равно как и террор, на котором все они были вскормлены. Идей положительных у этих голубчиков не было, а злобы было много. Вот они и начали ее выливать. Появлению ткачевых и нечаевых в значительной мере способствовала аристократия.

В моей концепции мира-маятника¹ этический контроль² должны взять в руки люди доброй воли,³ лучшие люди. Это совершенно реально. Не нужно изобретать каких-то новых людей, сверхчеловеков. Надо только дать людям цель, привлечь их, заинтересовать. Надо поставить как бы перед человеком зеркало, чтобы он в него посмотрел, определил свои силы, свое место. Это гораздо более реально, чем не допускать развития капитализма в стране и ратовать за свержение самодержавия, которое держалось тысячу лет.

«АЗЕФ» РОМАНА ГУЛЯ⁴

Это очень хорошая книжка и написана с большим знанием данного исторического периода. Видимо, Гуль в молодости сам был эсером, или, во всяком случае, в эсеровской среде основательно крутился. Самое главное: его книги — исторический документ на хорошем литературном языке; речь действующих лиц действительно подкупает. Надо знать, что Чернов⁵ говорил именно прибаутками, мужицкими оборотами. Гуль знает, поэтому может и выводы делать достаточно обоснованные. Го-

¹ «Мир-маятник» (Тель-Авив, 1977) был опубликован сначала по-французски под названием «Осциллирующий мир» (Le Monde Oscillatoire, Monte-Carlo, 1974), Здесь и далее прим. составителя.

² Идея этического контроля впервые изложена Д. Паниным в «Осциллирующем мире». Он к ней возвращался неоднократно в своих работах, включая последнюю рукопись 1987 года — «Держава созидателей».

В 1990 году А. Солженицын в своей брошюре «Как нам обустроить Россию?» призвал к этическому контролю, но не назвал автора этой идеи.

³ «В человеках благоволение» (Евангелие от Луки 2:14) переводилось в Новом Завете и как «люди доброй воли» (напр., французский перевод Библии Bourasset et Janvier — Tours, 1966, Ed. Alfred Mame et fils). Д. Панин употребляет выражение «люди доброй воли» в его евангельском смысле. Для него это те люди, что ведут борьбу с носителями зла, чтобы установить мир на земле.

⁴ Нью-Йорк, Мост, 1959.

⁵ Чернов В. М. — эсер, министр земледелия во Временном правительстве.

ловка всех эсеров и других партий — это, конечно, бесы Достоевского. Гуль их описывает честно, так, как было, не сгущает краски. И то, что он сумел выразить на бумаге, в значительной мере отвечает действительности. Примерно так я свои лагерные мемуары⁶ писал — о том, что есть. Описанное Гулем само за себя говорит. Эпоха интересная, страшная. Картинка получилась мрачная и отвратительная. Связь эсеров с охранкой. Совершенно естественно, что охранка действует, используя революционеров; это ее право. Атмосфера, нравы верхушки эсеров, конечно, омерзительны: жизнь человеческая ничего не стоит, идет торговля человеческой кровью. Эсеры намечают жертву и хладнокровно выполняют свой замысел. И этих людей изображают какими-то идеалистами! Какие они идеалисты? Они — убийцы. Впрочем, идеалист еще вредней, еще хуже, чем хладнокровный наемный убийца: он свалит не одного человека; если нужно, то миллион. Мы на своей спине испытали этих благодетелей-идеалистов, во всяком случае последствия их идеализма в кавычках.

Борис Савинков — хлыщ, кабацкий завсегдатай. Азеф и вся эта компания террористов не могут жить без богатства, блядства, девок, ежедневных возлияний, кутежей. Нравы самые страшные: убить человека в своей среде, приговорить без всяких оснований своего же товарища-функционера. При этом даже суда, разбирательства нет. Что-то жуткое. Как русское общество могло такой гадости аплодировать и ее приветствовать? Вырождение этого общества говорит само за себя. Что-то страшное. Как же охранители общества не возмутились, не прокляли этих людей, не подвергли их остракизму?

Охранное отделение государя было маленьким — всего десять тысяч жандармов на колоссальную империю. Неполитическое государство и уж никак не жандармское; маленькая слабенькая паутинка каких-то борцов, которые что-то еще делали. И против них настро-

⁶ Д. Панин. Лубянка — Экибастуз, М., Скифы, 1991 и М., Обновление, 1990. На Западе книга вышла в 1973 г. под названием «Записки Сологодина» (Франкфурт-на-Майне, Посев, 1973).

или разные слои общества, и рабочих, и солдат. Как в этих условиях можно было охранять государство? Неудивительно, что министров стреляли, как рябчиков. Моральный уровень охранного отделения был недостаточным. Надо было благородных людей туда посадить. А раз там использовали изменников, революционеров-provokаторов, то надо было держать ухо востро. Происходило что-то страшное: как только появлялся хороший человек, большой человек, внутренне мужественный, его обязательно убивали. Столыпина убили, Зубатова⁷ отстранили. Среди министров, которых перебили, тоже были хорошие люди: например, Сипягин⁸; думаю, что великий князь Сергей был умный и сильный человек. Плеве⁹ ругают. Но, может, ругают за то, что он порядок наводил? Конечно, в этом случае будут ругать. Но так или иначе, охранное отделение странно себя в некоторых случаях вело. В отношении Плеве, например. О явном преступлении армии знали в охранке; а если недостаточно знали, то это тоже ее никак не оправдывает.

Страшная характеристика всей эсеровской партии у Гуля: во главе ее боевого отдела стоял в течение десяти лет или больше provokатор царской охранки. Дальше ехать некуда. Эсеры его защищали, любили, с ним целовались, ему верили, в сущности, даже его спасли. Ведь в конце концов он избег партийного суда. Несчастливого Гапона повесили в Финляндии на одинокой даче. А Азефу эсеры даже дали уехать. Так в книге Гуля и написано. Куда этот provokатор потом делся, неизвестно. Скорей всего, уехал в Южную Америку, где и жил. Деньги у него были. Много денег. В чем же дело? Гуль не скрывает своего мнения: головка эсеровской партии выпустила Азефа. Может, потому, что Азеф знал слишком много и пригрозил, что в случае его смерти

⁷ Зубатов С. В. — начальник московского охранного отделения и особого отдела Департамента полиции 1896 -1903 гг.

⁸ Сипягин Д. С. — министр внутренних дел России с 1900 по 1902 год, когда был убит эсером Балмашевым.

⁹ Плеве В. К. С 1902 г. министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов. Убит эсером Созоновым.

будут опубликованы документы. В общем, подозрительно. Вдруг эсеры выпускают человека, который их не знаю как замарал. Казалось бы, они могли его смертью в какой-то мере себя оправдать: «...с кем не бывает такого дела... Верили ему беззаветно, а он, скотина такая, нас подвел. Вот мы его теперь...» Нет, они этого не сделали. Видимо, сами от Азефа немногим отличались. Во всяком случае, кто-то из них был такой же. Страшная вещь! Их партия берет власть в свои руки, когда приходит Временное правительство. Керенский — такой же негодяй, как другие; Савинков, в сущности, уголовный преступник, который своими руками ничего не делал. А это еще хуже. Может, он и не способен был ничего делать, кроме как руководить по-барски. И этот барин становится чуть ли не верховным комиссаром армии. Вместо кого-нибудь из лучших русских офицеров ставят в командующие уголовного бандита. И надо восхищаться эсеровской партией, Временным правительством! Ужас какой-то. Если головка эсеровской партии была такая, то что спрашивать с рядовых членов? Они такие же, как те, кто в головке. Преступники. Взяли бы эсеры власть во время октябрьского переворота, было бы немногим лучше, чем при Ленине. Единственное их преимущество перед Лениным, что им голову быстро свернули бы: с ними справиться было гораздо легче.

Если эсеры могли индивидуальный террор проводить, почему не бросить его в массы? Никаких оснований для террора у них не было, ни моральных, ни других. Для политики это нужно было, и все. Как подло они себя вели по отношению к большевикам. Во время гражданской войны они призывают бороться с большевиками только идейными средствами, все силы военные направить против контрреволюции. На сей раз правильно большевики их осудили в двадцать втором году. Продажные люди, связанные с охранкой и способные на все.

Террор был связан с деньгами. Все время стоит вопрос о деньгах. Прямо и откровенно эсеры так и говорят: нужно проводить террор, потому что иначе нам не дадут денег. Дело дошло до того, что во время Японской войны Япония давала деньги на террор. Господи!

Даже Савинков говорит Азефу: «Послушайте, мы как изменники, если вскроется». А тот отвечает: «Какая нам разница. Пусть убивают больше русских солдат, все равно они способны только на то, чтобы революционеров убивать». Вот такие рассуждения этих изменников, павших людишек. Лишь бы только деньги. Купаться в деньгах и вести веселую и барскую жизнь за границей и в Петербурге; конечно, под видом конспирации. В Японии и Германии эсеры проводили террор. Вещи встали на свое место. Они были разрушителями общества, разрушителями России. Это не шутка. Ни о каком идеализме и речи быть не может.

А их идиотская крестьянская программа? Как крестьяне могли на эту удочку попасться? Действительно, мы какие-то ослы. Не разобраться в таком простом вопросе, не понять, что каждому крестьянину нужна своя земля, а не земля, которая вертится, как карусель: сегодня ты ее обрабатываешь, завтра сват Ивана, через тридцать лет она опять к тебе вернется. В этом сказалося убожество самой партии эсеров. Что ж она предлагала? Какой-то рабский хомут и низкую производительность, отвратить крестьян от земли. Поразительно тоже, как мужички в этом не разобрались.

Книгу Гуля, о которой идет речь, к сожалению, я оставил в Америке. На ней я пометки сделал, и надо было о каждой пометке сказать пару теплых слов. На свою слабую память не надеюсь; наверное, девяносто процентов из этих пометок я упустил. Сейчас делюсь лишь тем, что закрепилось в голове.

Нравы эсеров. Каляев¹⁰ — поляк, ненавидел Россию не знаю как. Он должен был бросить бомбу. Эсеры его даже хотели судить за то, что он не бросил бомбу, так как в карете оказались дети. Необходимо подчеркнуть, что Каляев не убил в тот раз в присутствии детей не потому, что у него человеколюбивые чувства появились, видимо ему совершенно незнакомые. Он сообразил, что это может иметь очень отрицательные последствия для

¹⁰ Каляев И. П. — эсер. Убил бомбой московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича.

самих террористов. Здесь уж общество могло бы действительно возмутиться: начинают женщин и детей убивать. Так что он поступил так в силу своей сообразительности, а не моральной чистоты. Это — чудовища! Им совершенно безразлично — убить ли великого князя одного или с детьми и женой. Не важно также им было, что при этом убивали казаков, кучеров, служилых людей, охранников. Ведь они — не люди. Как и у большевиков, у них было мерзостное отношение к человеку. Большевики были марксисты, а эсеры — явные ткачевцы — недалеко от них ушли.

Гуль описывает террористов, боевиков, как их называют, в большинстве своем как людей с какими-то комплексами. Один рабочий убивает Татарова и заодно его мать. Этот рабочий — типичный мясник, будущий чекист. Такие чекисты брались из народа, из тех же русских, латышей. В данном случае это был русский. Тупой человек. Ему сказали, что такой-то предал революцию, революционеров. Всё. Он принимает сообщение безоговорочно. Надо, значит, убить. Просто повторяет фразу, которую ему сказали. У него рука не дрогнет. Он убил бы не только мать; если было бы пять человек детей, он убил бы их. Этот скот был на службе революции. Он предвосхитил чекистов. Хорошо Гуль об этом написал. У него каждый боевик какой-то урод. Только Созонов из старообрядцев был кудрявый, румяный, уравновешенный. Умом не вышел, и вдруг ясное знамение: надо людей уничтожать. Конечно, мог и нормальный человек к эсерам попасть. Вполне возможно, и такие люди у них были. Но в основном — террористы из преступного или надпреступного мира; у них комплекс ненависти. Такой террорист дрожит, ненависть в нем клокочет. Он ненавидит всех офицеров, потому что они власть имеют, потому что ему приходится им дорогу уступать. Он готов весь мир уничтожить.

Если такие люди будут устраивать человеческое общество, то мы не вылезем из катакомбы жертвенных преступлений. Додуматься до такой вещи: устроить хорошую жизнь за счет преступлений. Как раз то, что Достоевский говорил насчет слез ребенка. А им на это совершенно наплевать. А как реагировало общество?

После того как Достоевский открыл ему глаза, его представители ничегошеньки не возмутились. Наоборот. Устраивают для эсеров банкеты и деньги им дают. Все время вопрос стоит о деньгах: нужно делать террористические акты, потому что иначе деньги не будут идти. Германия, Япония, какие-то богатые люди дают деньги.

Что ж это такое? Что ж это за общество? А со стороны царской власти — или растерянность, или неумелость. Как же так? Одного министра за другим бьют, а власть не может охранить министра. Одна и та же всегда тактика: человек подходит к карете и бросает в нее бомбу. Можно было все же принять меры. Азеф подробно описывает, как ехал Плеве в окружении министров. Кони, кареты мчались, кавалькада сыщиков на велосипедах. Телохранитель рядом с кучером сидел, в карете Плеве был один-одинешенек. Допустим, карета быстро двигалась, но она все же не автомашина. В карете была впряжена лошадь. Можно было городовым на углах сказать, чтобы задержали движение, когда проезжала эта карета; но даже такая вещь не была предусмотрена. Убит Плеве был, когда на перекрестке устроили пробку; в данном случае, может быть, случайно. Сами революционеры не загородили движение; видимо, не додумались до этого. Они действовали довольно примитивно, всегда по одной и той же схеме, не меняли ее: наблюдение, потом ставили людей. Боже мой, если были бы опытные сыщики! Дело дошло до того, что около самого охранного отделения убили Плеве. Это уже совсем наглость. Наблюдение велось открыто. Филеры шныряли. Что за филеры? Спросить бы кучера, почему он должен здесь быть? Сказать ему: «Здесь нельзя стоять, проезжайте». Ведь его могут убрать. Надо же было бороться с террором. Маршрут Плеве к Зимнему дворцу можно было проконтролировать, очистить близлежащие улицы, на перекрестках поставить городовых, задержать движение, когда нужно, в определенное время все это сделать, согласовать действия. Даже немножко удивительно, что в этих условиях находились смелые люди. Надо понять, что их жизнь не была по-настоящему ог-

раждена. Сами они не умели это делать, а охранное отделение по сравнению с КГБ — дети, детский сад.

Интересно, что Азефу и Савинкову генерал Герасимов сказал (возможно, Азеф и он договорились): «Я вас не трогаю, вы можете действовать совершенно свободно. Вы у меня под наблюдением находитесь, однако вы можете жить беспрепятственно». Поэтому Азеф и Савинков жили припеваючи в Петербурге, в Москве — где им было нужно. Савинкова после разоблачения Азефа сделали главой эсеровской боевой организации. Начал он с того, что заломил двадцать тысяч. Опять главным был вопрос о деньгах. Без денег он двигаться не мог. На затребованные деньги он жил в Париже. Охранка поручила наблюдение за ним одному парижскому полицейскому, который ей донес следующее: «Можете быть совершенно спокойны. Савинков опустился, пьянствует, бражничает. Он никаких террористических актов не организует». Так оно и вышло. Сыщик оказался совершенно прав. Савинков не думал ехать в Петербург, он писал романы, проживал деньги, а его боевики бездействовали, ни на какие акты он их больше не посылал. Видимо, за террористов в это время взялись, начали вешать по-настоящему.

Прочтя Гуля, я понял, что Савинков совершенно бесславно вел себя до революции. У меня было впечатление, что он, как Сидней Рейли¹¹, нырял, совершал невероятные подвиги. Ничего подобного. Очень неприглядная картина. Из тюрьмы его освободили. Сам он не освободился бы никогда. В отношении своей партии он оказался растратчиком: взял деньги из каких-то закрытых фондов, которые ему поручили. И у большевиков потом закрытые фонды были. Почти одно и то же, и те и другие одного поля ягода. Несчастье для нашей страны, что мы таких себе освободителей нашли и не сумели в них разобраться вовремя.

¹¹ Английский разведчик. Расстрелян ВЧК.

Это книга о Николае II; в основном о том, как он царствовал в последние годы войны и отрекся от престола. Ульянов связывает события с неземной чрезвычайно развитой цивилизацией, которую нашел на Сириусе. Эта цивилизация оказывает вредное влияние на нашу планету с 1914 года. Думаю, что не следовало строить такую гипотезу, потому что сейчас, кажется, уже окончательно доказано, что неземных цивилизаций нет, и, во всяком случае, все доводы сводятся к тому, что Земля — единственное место жизни. Но есть знаменитая работа профессора Чижевского, который был удостоен в Лондоне степени доктора исторических наук, хотя был физиком. Он доказал на основании исторических и астрономических исследований, что корона Солнца, солнечные протуберанцы очень сильно действуют на Землю. Он считал, что большинство войн, которые происходили в восемнадцатом — девятнадцатом веках, обязательно были связаны с возмущениями от солнечной энергии на Солнце. Если воздействие Солнца доказано, то его приходится принимать во внимание. Но основное — наше зло, которое действует в мире.

Художественная ценность «Сириуса» близка к нулю. Ульянов, конечно, не художник и не настоящий писатель. И далеко ему до Солженицына и до Алданова. Будем считать, что это произведение историка.

Ульянов — враг Николая II; он отыскивает у него одни недостатки. У Николая II недостатки действительно были, но были и большие достоинства, которые не указаны: удивительное спокойствие, огромная выдержка, предельная английская вежливость (дань его английскому воспитанию), внимательность, ум, великолепная память и на лица, и на факты, и на географические карты, и на события. Для управления великой империей, да еще во время войны, ему требовались верные умные слуги, а их-то у него и не было. Если Николай II жил бы, скажем, во время Александра II, когда интеллигенция только на-

¹² Нью-Хэвен, 1977.

чала разрушать нашу страну, он был бы вполне на месте. И царедворцы, и помощники, и полководцы у него были бы; он прекрасно со всем управился бы. Но мало того, что обстановка очень изменилась и война была незаурядная — никогда еще в жизни не было таких войн, — главное, что самодержавие уже так подточили со всех сторон, столько наговоров, клеветы, помоев на него вылили, что как-то стало оно просто не в моде и от него отшатнулись хорошие люди. Оставались министры, например, Витте — замечательный человек, который делал хорошее для России. Но другом-то государя он никогда не был, а, скорей, был его врагом. Николаю II нужны были такие люди, как Столыпин: твердые, умные, которые могли дать хороший совет, любили бы его, боготворили и превозносили бы выше всего Россию. Столыпин, конечно, был исключительное явление. Об исключительных людях не будем говорить. Нужен был просто верный человек, вполне надежный, который мог дать вовремя умный совет. Почему-то таких людей с умными советами было мало. Все приходили к нему да начинали: «Государь, Вы не проявляете твердости, нужна твердость, надо кулаком ударить». Это все так. Но как эту твердость проявить? Каким образом? Сами действия как-то не подсказывались. Когда Николай II взял командование армией в пятнадцатом году, в ее разгром, в силу его прибытия произошел крутой перелом: отступления прекратились и началось наступление. Этого нельзя отрицать. Это было. В семнадцатом году, когда император принял решение ехать в ставку из Петрограда, на нем прямо все повисли: «Да не уезжайте! что Вы, государь! да если что-нибудь случится! да вы здесь должны быть...» А он правильно рассудил: там ставка, армия, его армия. Уж если что случится, он из армии будет действовать и с ее помощью подавит все. Тут-то советники и должны были его поддержать. Но не нашлось ни одного человека, который ему сказал бы: «Да, государь, Вы делаете правильно. Только в Петрограде оставьте все-таки кого-нибудь потверже». Хабалов, Протопопов, Долгоруков — совершенно безликие фигуры; хуже, по-моему, не придумаешь. Надо было вместо Хабалова оставить Иванова Николая Иудовича, который

1905 год усмирят. У него уже опыт был, рука не дрогнула бы, и, кстати, он без дела был. Вот кому надо было государю подсказать. Боюсь, что всякие царедворческие интриги уже шли: как бы ножку другому подставить, как бы сделать, чтоб такой-то не выдвинулся. Окружение очень большое значение имело для Николая II. И мода. Вертелись вокруг Думы. Все туда слетались, как шершни, как трутни. Там было выгодно: для карьеры, для денег, для всего. А во дворце только шаркуны остались и, может, несколько верных людей, но без больших умственных способностей. Это и загубило империю.

Ульянов приводит пример: где-то, кажется на станции Дно, когда остановили поезд Николая II, нашелся какой-то офицер, который сказал коменданту, начальнику дворцовой охраны: «Давайте я соберу несколько сотен солдат и офицеров, мы пробьемся в Петроград». Но Войков не сказал ничего Николаю II; Войков сам, своей волей решил: прогнал этого офицера. А надо было собраться, принять решение: сейчас же обратно, в ставку. Военская сила была довольно хорошая: был генерал Иванов, были еще три сотни георгиевских кавалеров. Набралась бы тысяча человек, и двинулись бы в ставку. Ставка на военном положении. В ней измена. Приехал бы император и начал бы там офицеров как изменников наказывать. Все можно было бы наладить. Растерялись совершенно неизвестно отчего, и все взвалили на Николая II.

Конечно, Николай II не был Петром Великим; не был он и Николаем I. Но Петр Великий и Николай I не были в такой обстановке, в такой громадной империи, и такой еще войны никто из них не вел. Николая II очень сильно нельзя упрекать. Я больше упрекаю окружение. Где же были люди в такой громадной империи? Что же все в Думу налетели, собрались вокруг таких трепачей, как Милюков и Гучков? Это позор. Где же головы-то были у людей? Приехали бы в ставку, а из ставки мобилизовали бы несколько полков, послали бы их на Петроград с Ивановым, предоставив ему полномочия диктатора: вешай и стреляй. И все утомилось бы в два счета. Разве только что государыню взяли

бы в заложницы, на это у них хватило бы ума, а может быть, подлости.

Николай II не хотел войны; он делал все, чтобы войны не было. Об этом как-то тоже люди забывают. На конференции в Гааге он предлагал разоружение. С Германией тогда заключили союз на какие-то вольности для кораблей. Сами царедворцы, как Извольский¹³, все поломали. А потом они же убегают в кусты, и оказывается, что Николай II и неумный, и неволевой. Побывал бы кто-нибудь на его месте. Николай Николаевич¹⁴ только армией командовал, и от поражения на фронте страшные с ним были состояния. Он боялся, в истерике валялся. А Николай II говорил всегда спокойно, мелодично, никого не ругал, никого не поносил, не расстреливал. И дело шло. До последнего момента он принимал достаточно правильные решения. В такой обстановке действительно нужны были хорошие умные советники. Умного советника у Николая II не было.

У Ульянова неправильный взгляд на войну. Все, что белые принесли в жертву, дав при этом союзникам возможность вздохнуть, он рассматривает как какую-то глупость или чуть ли не измену. Как же так? Войну ведут обязательно с союзниками. Союзник нажимает, он просит тебя, ты начинаешь нажимать, союзнику легче становится. Почему-то мы забываем совершенно, как Франция чуть не год держала Верден. Ведь там лучшие германские силы были прикованы. Наша самсоновская армия погибла частично, зато мы Париж спасли. Когда говорят, что нашу гвардию в шестнадцатом году погубили в Белоруссии, то опять забывают, что приходилось затыкать фронт лучшими частями. Не было вооружения, но говорят, что царский режим виноват, а о царе: «Какой он недалёковидный, уничтожил свою гвардию». Но он уничтожил ее ради России, не ради себя. Он оставил бы ее для себя, если был бы эгоистом. Очень много не-

¹³ А. П. Извольский — министр иностранных дел России, затем посол в Париже. Способствовал консолидации стран Антанты.

¹⁴ Великий князь Николай Николаевич Романов.

справедливых суждений, а Историю надо писать с пристальным вниманием.

Попов в думе был вредитель, прогрессист. Потом он перекинулся внезапно к царю, стал любителем Распутина. Темное дело. Ведь Попов успокаивал до последнего момента, говорил, что все в порядке. Когда начались беспорядки в семнадцатом году, сам он убежал в Думу, начал каяться. Хлыст Распутин — тоже несчастье для России; доказательство, почему так плохи секты. Был бы он простым православным старцем, с ним Бог, даже если были бы у него какие-то грешки тайные. Но тут хлыстовщина: при всех такое сказать, с цыганкой какой-то пьянствовать. Хлыстовские радения у него в крови сидели, православным он уже не был. Все шло от секты; его секта нас погубила. Вел себя Распутин совершенно невозможно. Его убили. С убийством, конечно, нельзя согласиться, но в какой-то мере можно его понять.

О думцах, о думской шатии Ульянов правду сказал. Он не ненавистник именно Николая II — и других не обеляет. Хорошо показано у него, как князь Львов, Гучков и иже с ними разрушили Россию, власть.

Ульянов правильно определил роль царской фамилии и, главное, аристократии. Действительно вся эта так называемая революция шла из дворцов и дворянских домов. Там занимались сплетнями, всякие гадости выдумывали. Все шло от интеллигенции, от нее к горничным, от них на улицу, и таким образом сами устроили февральскую революцию, будь она проклята.

Ульянов пишет о том, что наши унтер-офицеры, которых уничтожили, были замечательными. Верно, замечательными. Без оружия, без снарядов в пятнадцатый год. Кем надо было затыкать фронт? Лучшие люди и погибли, зато фронт выдержал. По-моему, он, как историк, не понимает этого совершенно. У него даже есть какая-то историческая вещь, где он доказывает, что все русские войны были дурацкие. Так нельзя. Если так рассуждать, то вообще получается, что не нужно воевать. Но воевать приходится. Народ — живой организм и должен себя отстаивать, иначе будет поработен. Для этого и войны.

В «Новом журнале» и в «Вестнике РХД», по странному совпадению носящих один и тот же номер¹⁵, были помещены воспоминания Вырубовой и проза Солженицына о Николае II.

У Вырубовой бесхитростное описание: что она видела, о том и пишет. Все на своем месте. К ее воспоминаниям испытываешь полное доверие. Она рисует образы чистых, прекрасных людей, любит их и вместе с тем не скрывает их недостатков, их трудностей. Пишет друг и очень честный человек.

Когда читаешь добродия Солженицына, впечатление такое, что он говорит с чужого голоса, неведомо как воспринял услышанное и совершенно недобросовестно его передал. Впечатление, что «добродия» превратился в графомана, утонул в архивах, во всяких воспоминаниях, которые ему эмигранты посылали. Нашел у кого черпать! Он ищет объяснения у тех, кто похоронил монархию, загубил Россию. В подробностях добродий просто запутался. Он не знает, что брать. Вероятно, он руководствуется своей ясной установкой: Николай II — бездарный царь и именно он погубил самодержавие; он отказался от России, а не Россия от него. Тезис добродия один из самых неверных, которые только можно было изобрести. Императора мы увидим в его дальнейшем повествовании, а пока изображен молодой человек, плохо подготовленный к своему будущему занятию. Это неверно, Николай II был хорошо подготовлен. Солженицын не заметил даже его изумительной памяти, а это подчеркивается той же Вырубовой и всеми людьми, которые его очень хорошо знали. Никто из них не умаляет его памяти, а Солженицын лишил его памяти. Оказывается, он чуть ли не свою тронную речь плохо зазубрил, слова напутал: листок был в картузе, не доглядел какое-то слово, на самом деле нужно было другое слово

¹⁵ Неопубликованные воспоминания А. А. Вырубовой. Новый журнал, 1978, № 130; А. Солженицын. Главы из узла II «Октябрь Шестнадцатого», Вестник РХД, 1979, № 130.

сказать, и получилось, что у земских и деревенских деятелей какие-то безумные мечтания, чем и обидел их. Я думаю, что взял это Солженицын из арсенала той же клеветнической банды. Уж что-что, а Николай II мог всегда на память блестяще сказать речь. Из длинного, рыхлого, по моему, очень плохо составленного Солженицыным описания Николая II возникает совсем неживой его образ.

Вырубова не скрывает, что Николай II был застенчив. Из других воспоминаний: Николай II за все время своего царствования голоса не повысил. Ведь это ангел во плоти. Дай только такому ангелу хороших помощников, верных царедворцев — можно миром руководить, не то что Российской империей. Так нет. Его окружили негодяи, предатели или какие-то холуи, которые смотрели уже в другой карман.

Среди них были и негодяи, которые предали царя, предали страну. Они развратили народ своими отвратительными сплетнями, оболгали государя, натравили всех на Распутина, опозорили царскую семью. Эта шушера даже весть об убийстве Николая II, об убийстве царской семьи восприняла совершенно спокойно. Мне рассказывала об этом одна дама из высшей знати. Она еще не успела уехать за границу и гуляла по Павловску, когда пришла весть об убийстве царской семьи. Этого вроде все дожидались. Ничто не нарушило жизнь города: музыка продолжала играть, никаких истерик, криков, все совершенно спокойно, нормально.

Многие из них оказались за границей и теперь вершат опять свой суд над несчастными представителями нашего народа. Эмиграция осталась такой же слепой и глупой, как была: «Трест»¹ в двадцатые годы ее провел, сейчас ее новый трест проводит.

¹⁶ «Трест» — террористическая организация, созданная ЧК в 20-е годы. На удочку чекистов попался, в частности, бывший член царской Думы Шульгин, который, как он думал, тайно поехал в СССР по приглашению монархистов, оказавшихся в действительности чекистами «Треста». По возвращении он стал объяснять со слов своих новых друзей, что всякая антибольшевистская деятельность за границей лишь повредит антикоммунистам в России. Спустя некоторое время Шульгин вынужден был признать, что позорно обманут «Трестом».

Замечу, что про Вырубову говорили, что она была любовницей Николая II. На самом деле, когда при Временном правительстве ее посадили в тюрьму и там обследовали, выяснилось, что она девушка. Вот до чего доходила клевета интеллигенции¹⁷ и царедворцев на царскую фамилию. Такова и цена всей клеветы о Распутине. За клевету клеветники получили. Но в эмиграции отчасти они сами, а потом и их ближайшие потомки занимались тем же. Их специальность — интриговать, клеветать, рассказывать всякие небывлицы и сжигать людей со свету. Сжили со свету царскую семью, сжили со свету монархию. Сколько благородных людей они, наверное, так же оклеветали, а теперь продолжают здесь свою черную работу. Потом они вернуться в будущую Россию и будут себя считать мучениками за правду. Этому всячески надо воспрепятствовать. Честным историкам, а не партийной шпане надо заняться исследованиями.

Можно объяснить, почему разночинная интеллигенция — все эти поповичи, расстриги — так усиленно разрушала Российскую империю. Служить они были не обязаны: дворяне были освобождены от воинской службы, разночинцы вообще к ней не имели отношения. В общем, империю защищала армия специалистов. Вместо того чтобы разночинцам быть благодарными этой мирной жизни, они ее возненавидели. Именно воинские доблести и в крайнем случае дуэли рождают благородство. Без этого человек гниет, начинает заниматься черт те чем, и в голову ему лезут всякие подлые, низкие, разрушительные мысли. Разночинной интеллигенции было ненавистно мужское прекрасное начало подвигов

¹⁷ «Представители интеллигенции резко отличаются от людей умственного труда; они, как правило, получили поверхностное образование, отрицают Бога и христианскую мораль, широко используют в борьбе за власть террор, насилие, обман» («Держава созидателей», М., «Радуга», 1993, с. 108). См. также Письмо Глебу Струве, с. 181.

и благородства, и эта разрушительная интеллигенция породила идею свержения самодержавия.

При Николае II фронт держался, армия сражалась, и, не будь заговора, свергнувшего Николая II, война была бы доведена, вне всякого сомнения, до победного конца. Почему самодержавие у нас держалось, а без него мы не можем? Потому что нам палка нужна хорошая, тогда мы начинаем еще себя чувствовать людьми. В противном случае «разбредашася розно», как летописи говорили.

Нашему народу требуется хорошее силовое поле, которое всегда у него раньше было. Его можно понимать как душу народа или как какой-то организационный скелет, костяк, остов каждой вещи. Свергают Николая II — нарушается силовое поле. Нарушение остова империи в самый критический момент привело к анархии, к развалу.

В Советском Союзе мы находимся под влиянием адского силового поля, которое создает режим. Мы в какой-то мере испытываем его давление, мы его жертвы, а потому соразмеряем свои слова, поступки, желания, даже действия. Нас сковывает дисциплина. Мы друг друга понимаем, относимся друг к другу даже с известным сочувствием. Мы выделяем мерзость всех врагов, и наоборот, подбираем себе подходящих людей. Вокруг нас тоже силовое поле. В этом силовом поле по природе паршивый человек может вести себя достаточно хорошо...

* * *

Записки Тэффи о периоде гражданской войны. Киев, Одесса, Новороссийск. Попала она в самое раздолье послеоктябрьского бунта, когда нравы вполне себя обнаружили во всей красе. Первая половина восемнадцатого года. Нечего ссылаться на евреев, латышей — сами му-

жички и крестьянки великолепно себя проявили. Тэффи описывает, с какой ненавистью крестьяне относились ко всяким шляпкам, всех считали буржуями, совершенно не считались ни с чем. Если нужно, могли выдать на расстрел и выдавали кого угодно. Надо признать, что волна ненависти и страшной вражды вдруг поднялась из преисподней и захватила большое количество людей. Потом стали одумываться, продрозверстки появились — усилия новой власти. Но пока новой власти не вкусили, а старая распалась — распоясались. Надо прямо сказать, что русские проявили себя в своей отвратительной наготе.

Это еще не самая Тэффи. Но интересна ее жизнь. К чему она и ее окружение привыкли, что они считали правильным. Конечно, никаких сожалений о самодержавии у нее и близко не было. Но уж никак не могли ей нравиться совдеповские порядки. Из барыни, привилегированной писательницы она превратилась в мишень всякой ругани, а то и рукоприкладства; да и к стенке могли поставить.

Чем Тэффи заполняет свою талантливую книжку? У нее и глаз, и наблюдательность, и насмешливое представление о жизни. Все это было у нее ключом. Что же она прежде всего описывает? Половина книги заполнена похождениями одессита, который их вызволял из Совдепии. Говорит он на одесском жаргоне, который она прекрасно передает. Талантливо обыграла она одного импресарио, еврея Гуськина. На представителей своего класса она крайне скупа. Описывает какую-то артисточку, которая с ней ехала. Ограбили и ранили одну фабрикантку, вывозят ее полумертвой. Но об этом только два слова: как она на подводе ехала. Ни тени сочувствия со стороны Тэффи; не подошла она к ней, чтобы помочь. Видно, ехала фабрикантка, как прокаженная, на нее никто не смотрел, старались от нее подальше быть. В полной красе интеллигенция себя проявила.

Бывший помещик, у которого перстень впился в жирные руки, устроил скандал в Киеве, за то, что ему бифштекс и картошку не дожарили. Даже в такой обстановке подобные субчики орали на официантов! Только что вырвался из пекла и ничего не понял, баран бараном. Другой говорит: не хочу принимать участие в разгрузке

угля, я помещик. Господи! Это все уродство. На этом Белое движение погорело. Правильно, что Тэффи это отмечает. Но никаких выводов, ничего. Так, зарисовочки.

Последний этап из Совдепии. Когда Тэффи и ее спутники уже к Украине подъезжали, им дали четырех провожатых. О них тоже ровно два слова. По-французски сказала кому-то, что ей они странными кажутся, а один из них отвечает: мы студенты, офицеры, едем туда-то. Ничего не рассказала о них. Видит она своих спасителей, которые могут защитить, и ни слова теплоты, ласки, никаких человеческих взаимоотношений с будущими героями. И тогда они уже были герои, потому что прорвались через людоедские пространства. Как же так можно? В башке все перемешалось у этих интеллигентов: кто их спасает, кто выручает — ничего не понимают.

В трюм маленького пароходика в Новороссийске были погружены белогвардейцы: белая часть перебрасывалась с фронта на фронт. Что же Тэффи о них смогла написать? Ничего. Усталые трудовики спали: из одного пекла вышли, в другое их перебрасывают. В ее воспоминаниях о времени гражданской войны белые солдаты и офицеры какое-то инородное, совершенно чужое тело, какие-то работники, как она сама о них говорит. Она описывает белых вояк, которые в трюме на пароходике ехали, приблизительно так, как какая-нибудь барыня описала бы в двух словах артель пильщиков или артель косарей. Утомившиеся работники, с пилами, с косами, в тряпочки завернутыми, работали в одном поле, теперь едут работать в другом поле. Вот на таком уровне понимания, сочувствия и прочих чувств. Ни слова теплоты, никаких цветаевских настроений даже близко у нее не было. Офицеры были для нее чужаками, и до нее совершенно не дошло, что такое гражданская война.

Уровень восприятия интеллигентской барыни, при этом, слов нет, талантливой, замечательной писательницы. Но весь талант ушел, видимо, в разную гастрономию. Барыня из интеллигентских салонов на уровне «Нового Сатирикона». Отсюда ее отношение к народу и к событиям. Она выискивает смешные стороны, а если их почти нет, то теплых, человеческих описаний на их месте тоже почти нет.

С Тэффи взятки гладки. Ее и осуждать, может быть, нечего. Почему барыня, получившая определенное воспитание, должна все происходящее понимать верно? Но ее случай дает нам право вынести суд над ее средой. Интеллигенты лили свои крокодиловы, как мы теперь видим, слезы насчет участи народа. Когда народу стало действительно тяжело, когда народу надо было по-настоящему помогать, их не стало. Они куда-то исчезли. И на примере Тэффи видно, что в ее душе не родилась потребность помощи. Если она думала бы, как Цветаева: «Господи, Дон, надо спастись как-нибудь»¹⁸. Ничего решительно. О человеке из Одессы Тэффи много написала, потому что это смешно; это ее стихия, ее хлеб. И это хорошо удалось ей. Остальное — пустота. Наигранная пластинка для салонов: «Ах, бедный народ». По сути дела, интеллигенция народа не знала, не понимала его, не любила. И когда народу пришлось круто, когда он принял неверное направление, интеллигенция растерялась и ничегошеньки не поняла.

«Каждый день расстрелы. На днях сожгли живым генерала». Такая зарисовочка все-таки сделана Тэффи.

Уже в «Русской мысли» я прочел ее эмигрантский рассказ, где она описывает судьбу в Париже контуженого мальчика. Его прогнали с работы, потому что его правая рука не действовала, и он оказался без денег. Тогда он обратился к бывшему помещику, которому помог выехать, напомнил ему, что за него кровь проливал, но тот выгнал его в шею. Парень ушел и убил себя. Можно сказать, что в представлениях Тэффи произошла эволюция. Когда сама немного помучилась, поняла.

Видно, весь высший слой не понимал людей, народа. И сплетничал, плел интриги; началось с дворцов. Пишущая братия была от них тоже не ахти на каком расстоянии... вот так и проворонили все. Казалось бы, у писателей кругозор должен быть шире, понимать должны бы немножко. Нет, ничего не понимали. Ведь Тэффи уехала с Аверченко, он мог бы ей все-таки подсказать. Но он, как статист, — ничего, ни слова. А ведь

¹⁸ М. Цветаева. Лебединый стан.

весь вопрос в каком-то Гуськине. Когда начали понимать, уже поздно было. Народ наподдал жестоко дворянам, но в целом их высшая часть — отдельные люди не в счет — заслужила такое отношение. Ведь у них интереса никакого к народу не было, он был для них совершенно необходимой принадлежностью жизни. Как живут простые люди, их не интересовало.

Прочел прекрасную книгу «Рыцари тернового венца». Воспоминания члена Государственной Думы Л. В. Половцева о первом кубанском (Ледяном) походе генералов Алексеева, Корнилова и Деникина.

Начало организации Белой армии, первое полугодие восемнадцатого года. Белая гвардия боролась с местным населением, то есть с казаками, с иногородними фронтовиками, которые пришли. Это были исключительно русские люди, евреями и латышами и не пахло. Местные люди и распропагандированные фронтовики были уже сорганизованы. Большевики не дремали, у них было оружие, снаряды, орудия. Они представляли собой уже обстрелянные полки, умеющие сражаться. Это были воинские соединения, красная гвардия. Надо отдать должное большевикам: они оказались более оперативными, чем офицерские части, которые создавались на пустом месте, без оружия, без денег. Большевистская сторона превосходила во много раз кустарный уровень, который был вначале у белых. У красных были войска, хорошо обмундированные и в десять раз более многочисленные, чем маленькая горстка белых героев; у красных были бронепоезда.

Большевики вели чудовищную по лживости агитацию против Белой армии, совершенно искажившую ее цели: какие-то буржуи, хотят царя, помещиков. В таком духе. Постыдная большевистская агитация оказалась настолько заманчивой, что даже часть казаков на нее поддалась, а уж об иногородних фронтовиках и говорить нечего. Они по богатству мало отличались от казаков. Все было по-

строено на жадности, на разделении людей: он такой-то, ты лучше, ты должен взять у него. Играли на самых низких, самых отвратительных инстинктах. И выиграли. Богачей было огромное количество. Богатейшая страна ведь была. Все было в руках этих богачей, толстосумов, купцов, заводчиков. Белые собирают деньги по подписному листу. Генерал Алексеев ходит по толстосумам. Какие-то гроши. Приезжают красные. Конtribusiция, хватают в тюрьму, пытаются, убивают, выколачивают все богатства, все лучшее в бандитские лапы попадает. Кроме известных архимиллионеров Харькова, Екатеринослава, Ростова, Таганрога, были тысячи на вид невзрачных скрытых богатеев. Десятки миллионов контрибуции снимали с них потом большевики, а в Белую армию поступали гроши от бедняков. Если бы часть этих миллионов перешла к Алексееву и Корнилову, то большевики были бы стерты с лица земли. Спасибо надо говорить богатеям. Уже забыты эти невиданные в истории события.

В Ростове и в Новочеркасске было еще много офицеров. Позорное явление: они объявили себя нейтральными. В Белую армию пошли сербские офицеры, пьяные чехи, некоторые части офицеров, студенты, кадеты, юнкера, что пробрались к ним с Севера. Когда белые ушли из Ростова, нейтральные офицеры были с величайшим издевательством убиты. По подсчетам большевиков, их оказалось около трех тысяч. Это надо иметь в виду в первую очередь Западу. Вот как расплачиваются за трусость. Никакой нейтралитет не спасет. Ты находишься в списке, и кончено. Чем смелей ты будешь, тем больше у тебя шансов спастись.

Горстка людей, четыре тысячи, защищала Ростов в течение месяца против в двадцать раз более сильного врага, проявив беспримерное мужество и героизм. В Ростове и в Новочеркасске хранились в банках казенные деньги, около двухсот миллионов. Но ни Каледин, ни Добровольческая армия не считали себя вправе использовать эти суммы. Надо подчеркнуть, что три тысячи офицеров были замучены и расстреляны в Ростове после отхода Белой армии русскими же людьми, казаками. Вот до чего доводит отвратительная стихия агитации.

Казаки думали отсидеться, агитация их попутала, ду-

мали — наша хата с краю. Большевики говорили: мы казачков не трогаем, живите себе по-своему, мы будем жить по-своему. За доверчивость казаки заплатили смертью.

Ледяной поход доказал: собралась кучка решительных, храбрых людей. Без снарядов и патронов эти четыре тысячи прошли всю южную часть Донской области, пробежали север Ставропольской губернии, исколесили Кубань. Все, что становилось на их пути, отметали и шли, куда хотели. Армия боролась с войсками, состоявшими из местных жителей, или с присланными из соседней губернии им на помощь иногородними солдатами. Все крестьяне Ставропольской губернии были сплошь большевиками. Если пять процентов из них были боеспособными, то получается цифра в двести тысяч человек. К этому надо прибавить еще войска, присланные в большом количестве извне, а также распропагандированную казачью молодежь, что увеличит указанную цифру по крайней мере в полтора раза. Все эти большевистские воинские части были вооружены, снабжены артиллерией и большими запасами патронов и снарядов, которые они расходовали без всякой бережливости. В полном распоряжении большевиков были телеграф, телефон, железные дороги, броневые поезда, громадные склады обмундирования, винтовок, снарядов, всей казачьей артиллерии. Одним словом, все средства нападения и защиты. А против них боролись нищие, раздетые, разутые добровольцы, блуждавшие по местности. Против одного стояло сто. Такое несоразмерное численное превосходство и громадное преобладание в средствах борьбы, конечно, должны были дать немедленную победу большевикам. Отчего же произошло обратное? Ответ может быть один. У большевиков тогда не было опыта руководителей, и организация еще только нарождалась. Вкусив коммунистические прелести, к Добровольческой армии стала приставать интеллигенция.

В «Новом журнале» № 132 за 1978 год большая статья Романа Гуля о том, как он на Запад приехал. Он покинул Белое движение после Ледяного похода. Ему не понравилось, что гвардия была офицерская, а не народ-

ная. Ну и сделал бы ее народной. Именно это Врангель пытался сделать. Ему нужны были люди думающие, как Гуль. А он в это время был уже где-то в Америке или во Франции.

Важность своевременных идей можно пояснить примером Белого движения во время гражданской войны. Белое движение провалилось, потому что не было у него правильного взгляда на происходящее, уж не говорю — правильных идей; оно не имело правильных требований, правильных обещаний. Оно провалилось из-за убийственного лозунга о единой и неделимой России. Надо было обещать финнам, полякам, латышам, эстонцам, литовцам независимость, и с красной заразой в Петрограде и в Москве было бы покончено.

В Советском Союзе в кругу моих знакомых совершенно ясное мнение сложилось об этом лозунге. А здесь на Западе нет четкого мнения, несмотря на все мемуары и военную литературу. Нефедов пишет в «Новом русском слове»¹⁹, что лозунг о единой и неделимой России не испугал Пилсудского, что у него были свои соображения. Мало ли, что Пилсудского он не испугал; на его окружение лозунг подействовал. Да если бы не этот лозунг, и у самого Пилсудского, может быть, доверие образовалось бы, какие-то сдвиги произошли бы, какая-то договоренность появилась бы. Польша и Финляндия могли бы в тот момент решающую помощь оказать. А так этим лозунгом мы сами себе зарубили пути ко всем странам, которые хотели освободиться.

Вождей Белого движения не следует судить слишком строго — они воевали, где им было еще лозунги придумывать и продумывать. Но, к несчастью, не было вовремя заготовленной схемы, положений, на основании

¹⁹ Н. Нефедов. Неделимая Российская империя — «Новое русское слово», Нью-Йорк, 2 мая 1978.

которых можно было вести борьбу и знать, что такие-то вещи не дозволены.

Второй пример: крестьянский вопрос. Когда Белая армия приходила, начинали пороть крестьян, отдавать землю помещикам. Ведь это было совершеннейшим безумием, вершить это можно было лишь в умоисступлении. Но вершили. На том и провалились.

Ответ Нефедова в «Новом русском слове» на мою статью о революции в умах²⁰ написан дельно, вразумительно. С ним нельзя не согласиться. Что сказать в свое оправдание? Я не историк, но выразил мнение большинства мыслящих людей в нашей стране, когда сказал, что лозунг о единой и неделимой России подвел Белую армию. Я видел в лагерях достаточно много белых эмигрантов, кровно заинтересованных вопросом о единой и неделимой России. Они разделяли мое мнение; их точка зрения была главенствующей, подавляла все остальные.

Мое свидетельство интересно для эмиграции; она должна понять состояние наших умов и нашего народа. Все не так просто. У нас была одна жизнь, у эмигрантов другая. Мы были от эмигрантов отрезаны в течение многих лет. Впервые они к нам стали прибывать в сороковом году, потом в гораздо большем количестве с сорок пятого года. Так что вполне объяснимо, что у нас, оказывается, были неверные мнения. Вопрос о единой и неделимой России недостаточно ясен и самой эмиграции, как следует из статьи Нефедова, который ссылается на одну великолепную книгу Мацкевича²¹, не переведенную на русский язык. Мы ее не могли читать. Наши выводы — плод наших рассуждений, нашего опыта, опыта народа. Нам так казалось в нашем отрезанном мире.

Если в эмиграции считают, что исторически было иначе, надо это убедительно доказать не только для нас,

²⁰ Д. Панин. Революция и эмиграция. — В кн.: Горе — не беда! — Париж, 1978, и в виде краткого письма в «Русской мысли» (5 октября 1978).

²¹ Йозеф Мацкевич — польский писатель и публицист. Эмигрировал в Германию. Умер в Мюнхене в 1985 году.

но и для эмиграции. В данном случае хорошо бы, если Нефедов, видимо, хороший историк и знаток вопроса о единой и неделимой России, изложил бы этот вопрос в отдельной книге, где будут даны необходимые выдержки из Мацкевича и из других авторов и, главное, документально обосновано сказанное. Шесть лет я уже в эмиграции и читаю с жадностью то, что могу найти. Если была бы книга по этому вопросу, я, безусловно, ее прочел бы. А чтобы уяснить этот вопрос по мемуарам, статьям, отдельным высказываниям, надо быть историком. От каждого человека этого нельзя требовать.

Революция в умах²² необходима как в нашей стране, так и в эмиграции, ибо нужно внести ясность в ряд вопросов, в частности о крестьянстве, дать оценку лозунгу о единой и неделимой России, а также Февральской революции, Временному правительству, октябрьскому перевороту, гражданской войне и поведению партии эсеров и меньшевиков.

Страшно, если начнется третья мировая война и опять будут глупости, ошибки, провалы. Наш народ проворонит дорогое время, не сумеет создать себе союзников в тылу советского режима, хотя сейчас самое время этим заниматься, и ему не смогут ничего предло-

²² «Цель революции в умах — создание сил освобождения. Строй мирно или с наименьшим потрясением сменяется другим, когда у основной части населения утвердилось мнение о его порочности и о необходимости его замены. Чем основательнее такие мысли завладевают умами, чем шире они проникают в толщу народа, тем больше оснований для бескровной смены системы правления. Подобные условия могут быть созданы, когда в умах достаточно большого числа угнетенных произойдет революция и когда она затронет слои угнетателей до самых верхов. Революция в умах предпочтительна разбою и анархии на улицах. [...] На Западе революция в умах. — *И. П.*) будет способствовать прозрению руководящих западных кругов и необходима, чтобы покончить с господствующими лжеучениями, разрушающими человеческую цивилизацию» (Как провести революцию в умах в СССР. В кн.: Д. Панин. Держава созидателэй).

жить взамен социализма, коммунизма, коммунизма с третьим лицом. Коммунизм — живучий, он изворачивается все время. Если в Москве коммунизм плохой, то китайский, может быть, лучше; если китайский не очень-то привлекает, то предлагают социализм с европейским лицом или еврокоммунизм с человеческим лицом.

Пожалуй, можно будет назвать книжку, над которой я сейчас думаю, «Советы силам освобождения». Надо будет обязательно дать в ней описание эмиграции.

Многие остались в России, не хватило духу бежать. Бежали из нее не худшие, а из среднего слоя, даже более активного. В эмиграции оказались люди, проявившие самостоятельность, отважность. Однако эмиграция разваливалась в течение шестидесяти лет. Вначале был очень трудный момент. Его пережили: дети получили образование, средства к жизни, многие разбогатели. О третьем сорте людей говорить нечего. Будем говорить только о слое людей первого сорта, который, быть может, и не представляет собой сливки народа, но он выше среднего и по культурному уровню, и по мыслям. Люди в нем были созревшие, понявшие суть большевизма, нашедшие возможность с ним бороться. По эмиграции можно судить о высшем интеллигентном слое нашей России, ибо в нем она сконсервировалась, сохранилась.

Объединительные слова — как-то «классы», «эмиграция» — служат для очень приблизительной, грубой оценки. В каждом большом понятии надо всегда уточнять его структуру. Не буду говорить о части эмиграции из барынь и господ, которые никакого отношения к Белому движению не имели. Белое движение просто их спасло и дало им возможность убежать из России. Выехала из нее и титулованная шушера, которая продала, загубила империю, оклеветала царскую семью. Теперь в эмиграции служат молебны об убиенном государе.

Зубры, монархисты — честь на себя принять, обо всех надо писать — доживают свой век и потомков почти не оставили.

Когда говорят об эмиграции, передо мной всегда предстают герои, которые вели неравные бои и жертвовали собой. В армии Деникина, к примеру, были герои, которые сложили свои головы. Но ведь этих людей почти всех перебили... Из уехавших была только горстка действительно настоящих героев: юнкеров, кадетов, совсем мальчишек. Они делали, что могли, в эмиграции. Но ведь плетью обуха не перешибешь... В свое время очень хорошо было, что образовались воинские союзы. Но сейчас это лишь остатки юнкеров да кадетов из первой эмиграции. Живут какими-то старыми воспоминаниями, причитают, что Запад слабый, и создают себе каких-то кумиров.

Среди них такие люди, как Василий Васильевич Орехов. Он — честный офицер, в средних чинах, прошел мировую и гражданскую войну, строгий человек, мужественный, благородный. Вот уже пятьдесят лет он ведет свой журнал «Часовой», где историей занимается, что совсем не мало. Ореховым следовало как-то собраться. Я не вижу их объединения со второй эмиграцией.

Левая интеллигенция всюду себя хорошо показала и в эмиграции тоже себя зарекомендовала: заразила Америку социалистическими идеями. Среди двухсот человек, которых Ленин выпустил в 1922 году за границу²³, были прекрасные люди, но большинство было затронуто марксизмом. Вот и нашлись среди них те, кто издавал социалистический вестник. Потому для меня эта плеяда высланных под знаком вопроса, за исключением тех, которые действительно изжили марксизм, стали религиозными людьми.

В книге о франкмасонах Башилова²⁴ много и об

²³ В 1922 году Ленин выслал за границу более двухсот философов и писателей.

²⁴ Б. Башилов. Массонство и русская интеллигенция. — Изд. Русь.

эмигрантах. Это легко объяснить. Людям, не имевшим другой специальности, открывалась или мерещилась в масонстве возможность легкой жизни.

С простого народа взятки гладки. Стоящие казаки осели на земле, стали работать и более менее остались тем, чем были. Так что они не показательны. Я их плохо знаю, но надеюсь, что среди них есть еще народ, подходящий для будущей России.

Вторая эмиграция — это вояки и такие объединения, как РОА, СБОНР²⁵. Народ, видимо, подходящий. К сожалению, я совсем незнаком с программой СБОНР, в Европе его нет. Можно наскрести его членов в Аргентине, Бразилии, в Канаде. Не знаю, имеют ли эти объединения свои журналы. Наверное, впрочем, имеют, но до нас они не доходят. Третья эмиграция появилась, когда первая эмиграция, в частности ее мыслящая часть, уже умерла.

Самую большую часть эмиграции можно назвать иностранцами. Они уже натурализовались, выросли в западную жизнь, занимаются своими делами и своим благополучием, сохраняют очень слабенькую связь с Россией и даже с русским языком, который часто пересыпают иностранными словами. Они уже бельгийцы, американцы, французы. В громадном большинстве случаев они в Америке, но многие из них в Бельгии, во Франции, в Аргентине. В явном меньшинстве эмигранты, читающие русские газеты. Многие не сумели даже передать свой язык детям, которые в большинстве своем отошли от всего, связанного с Россией.

Есть довольно обширный слой, который ничего из себя не представляет. Его следует считать болотом. Эти люди живут какими-то надеждами, имеют смутные, искаженные представления о советском режиме и часто создают общественное мнение.

Наиболее даровитое большинство поняло давно, что из эмигрантского болота надо бежать, что в эмиграции

²⁵ РОА — Российская освободительная армия генерала Власова; СБОНР — Союз борьбы за освобождение народов России.

просто пропадешь. Талантливая, деловая часть ушла из нее, натурализовалась, и нельзя ее за это ругать.

Имеются в эмиграции остатки младороссов, евразийцев. Теперь уже доказано, что их организации были созданы советской агентурой и пронизаны ею. Они стали источником разложения эмиграции. Молодежь, вступившая в них, оказалась в тенетах: боевая программа была исключена и, наоборот, ей надо было обслуживать советский режим. Теперь это люди моего возраста, и среди них есть слой людей, которые снаружи белые, а внутри розовые или красные. Их ничто не научило. Они благожелательно относятся к советскому режиму и враждебно — к его явным врагам, как Панин. Одни эмигранты за царя-батюшку, другие мечтают о коммунизме с человеческим лицом. Сопrotивление режиму не удалось. Сразу нашлись люди, которые пошли в сменовеховском направлении²⁶. И потом, все эти казенбеки²⁷. Картина совершенно безотрадная.

Эмиграция могла бы быть силой, если была бы объединена вокруг какого-то центра. Казалось бы, это и есть естественное решение. Белые проиграли гражданскую войну, но все-таки проявили столько геройства и мужества, что вокруг своих вождей могли бы объединиться. Но сразу началась наша вековечная история, как первые летописцы отметили: разбредашася розно. Эмиграция оказалась, конечно, разделенной на анархистов, февралистов, на целый ряд течений. Это тоже понятно. Не обязательно всем думать одинаково. Но для чего-то главного все-таки должен был быть какой-то центр.

Никакого единства в эмиграции не было, не обрести его, да совершенно оно и не нужно. Надо уметь объединяться вокруг умов, а не всяких имен. В эмиграции надо выделить элиту, хотя бы десяток самых умных, благородных, волевых, стойких людей, на которых

²⁶ Журнал «Смена вех» в двадцатые годы в Париже призывал интеллигенцию к сотрудничеству с Советской властью.

²⁷ Казенбек — один из лидеров НТС, увлекавшийся национал-социалистской идеологией и уехавший в СССР, где и умер.

можно положиться. Из этой элиты можно создать центр координации, центр проведения революции в умах. Эти люди с их маленькими журнальчиками и самыми маленькими средствами могли бы делать погоду.

Эмиграция должна была быть центром сопротивления, борьбы против режима в СССР. И все в эмиграции должно было быть подчинено этой борьбе. Однако в ней имело место соглашательство с режимом, появлялись какие-то дурацкие статейки, его восхваляющие...

Наша беда, что русская православная зарубежная Церковь разделилась на четыре юрисдикции²⁸. В Канаде даже такие нравы, что прихожане из церкви одной юрисдикции не могут ходить в гости к прихожанам другой юрисдикции, о чем мне и сказали милые русские люди в Оттаве, у которых мы с Иссой провели два дня. К тому же православные ненавидят католиков. Разброд. Пора кончать с этим сектантством. Церковь одна.

У нашего православия с точки зрения догматической все обстоит прекрасно. Я с православием совершенно не порываю, считаю себя и православным, и католиком. Но православным, который обогащен правильными догматами католической Церкви. И самый главный ее догмат — о Папе. Эмигранты мне бросают в упрек, что я католик, но как бы наши потомки не переоценили этот вопрос и не поняли бы, что эмиграция прожила шестьдесят лет на Западе и в этом тоже не очень разобралась.

Эмиграция — и это она должна была учесть — находится в капиталистическом мире, мире торгашества. Слово противное, но это так. Рынок владеет сознанием людей, его определяет. Фирмы оказывают давление своим весом, своим капиталом. Страшное преступление западного мира в том, что он допустил рынок в область идей, где ему и на пороге быть не полагается. Обертки, реклама нужны для популярности фирмы при торговле мылом. В мире идей должна быть доказана их правильность. И все. Это надо было эмиграции понять давно.

²⁸ Константинопольская, Зарубежная, Американская автокефальная, Московской Патриархии.

Принципиальность людей трагически понизилась, и сейчас ее проявляют за обеденным столом, за хорошей выпивкой. Это почти то же самое, что в Советском Союзе, где миллионы людей вынуждены проявлять свой малюсенький уровень свободы только в своем самом узеньком микробратстве²⁹. Значит, на Западе уже до этого докатились.

Часто в эмиграции люди делают уступку за уступкой для того, чтобы создать себе какое-то условие существования, не ссориться, иметь какие-то связи даже с теми, с кем, может, им противно общаться. Приходится им делать хорошую мину при очень паршивой игре. Но это не свобода, это потеря свободы. Это внутреннее рабство. Мой пример показателен. Быть свободным, отстаивать свою свободу в условиях так называемого Свободного мира, и особенно в эмиграции, — тяжело. Это дело совсем не простое. Свобода завоевывается. Из этого следует очень важный вывод: если люди перестали отстаивать свободу в том смысле, какой я имею в виду, то происходит огромное снижение общего уровня; борцы превращаются в соглашателей.

На всех своих лекциях, в статьях, где мог только, я говорил, что должно создать центр координации. Это нужно и западному миру, и тем более эмиграции. Надо иметь зрячих людей, способных оценить как явления, так и появление людей, способных вынести свое мнение, свое суждение. Сколько раз я говорил тому же Василию Васильевичу Орехову, что у нас нет пушек, атомных бомб, вообще ничего нет, но есть голова, руки, а главное — заряд внутренней, душевной честности. В этом наша сила. И этой силы нет у наших врагов.

Надо тщательно исследовать эмиграцию и показать, что она из себя представляет, тогда разговор о старой

²⁹ «Подавляющая часть населения СССР состоит из микробратств. Я называю так естественно образовавшиеся и проверенные годами группки людей, полностью доверяющих друг другу» (Д. П а н и н. Как провести революцию в умах в СССР).

России будет более ясен. Почему столько революционеров в эмиграции развели? В местных салонах они ведут себя примерно так (но, наверное, несколько лучше), как вели себя в России, когда все было в их руках и предоставлены им были все привилегии. Можно представить себе, какая была обстановка в стране, когда князья и бары, все эти белоручки, могли какого-нибудь Писарева восстановить против себя. «Знаете, он не умеет себя вести, по-французски не говорит, какие-то слова употребляет...». И одна гостиная за другой закрылись перед ним. Писарев оказался в положении Панина. Способ не открытой борьбы, а замалчивания, не низвержения такой-то идеи, а, по совету Ленина, наклеивания на спину бубнового туза я познал с лихвой в эмиграции. Но за борьбу с мыслью, за захоронение идей, за нечестную борьбу придется платить.

Белая эмиграция, которая состоит из старой знати, интеллигентов, очень ревниво относится к слову «интеллигент». Я думал, что несколько громящих страниц об эмиграции в моих «Записках»³⁰ повторяют то, что давным-давно уже сказано. Мне даже неудобно было, что я лезу с этим. Оказалось, что я палкой в муравейник попал. Нельзя ничего плохого об эмиграции говорить. Табу. Эмиграция замечательная. С этого начался мой остракизм.

По приезде я не думал, что меня встретят с распростертыми объятиями, но считал, что завяжутся хорошие отношения. Ничего подобного. Человек, который отстаивает идеи и требует, чтобы ему дали возможность защитить свои убеждения, совершенно для эмиграции не пригоден. Ему объявляется бойкот. Он оказывается один. Все это я испытал, но выдержал, потому что, видимо, не из слабеньких. Спасли меня моя работа, мои идеи, Исса — жена, помощница, друг, единомышленник. Бог мне помогает, а сколько было людей, ценных,

³⁰ Д. П а н и н Записки Сологдина.

интересных, которые не пришлось ко двору. Сколько таких людей погибло, сколько людей могли бы что-то сделать, но когда их окружили ненавистью, тупым осуждением, непризнанием, сколько из них спились, бросили все это. По русской широкой натуре: «Ну нет, черт с ним. Пойду в Иностраннный легион». Это, конечно, лучше, чем в такси дамочек развозить по Парижу.

Эмиграция — очень тяжелое дело. Многие эмигранты так замарали себя, так запутались, что надо будет очень тщательно проверить их поведение, а также обратиться к их прошлому. Ведь были генералы, которые предали государя, разрушили монархию, Россию, царедворцы, которые своими сплетнями, интригами монархию взорвали. Их потомки живы, и живы интриги, осуждения. В условиях свободы, в условиях отличной жизни в эмиграции душат мысль, клеветуют, пресмыкаются перед советской властью.

Воображаемое единство эмиграции, в сущности, скрытая форма развала, круговой поруки и возможности ничего не делать, а сохранять благообразный вид. Ни разоблачений, ни борьбы в эмиграции нет. Если начинается какая-нибудь борьба, то в виде какой-то персональной склоки. По тому, как ведет себя сейчас эмиграция, можно заключить, как она вела себя в царское время и как будет себя вести, если попадет опять на гребень волны, на заливов народа. Нет, извините! Представителей такой эмиграции мы не допустим в будущие сословия России, пока они не покаются, не дадут обещания исправиться. Волей-неволей эмигранты как-то сплотились, какие-то эмигрантские объединения придут в страну. Во всяком случае, никаких тайных организаций эмигрантского типа нельзя допускать. Как бы они не захотели опять превратиться в господствующие силы! Этому надо положить конец. Хочешь быть в стране — на общем основании, честен — прекрасно, делай свое дело. Ты нечестный, скользкий — от ворот поворот.

Можно говорить не об эмигрантах, а об отдельных людях в эмиграции, которые что-то из себя представляют, в какой-то мере себя сохранили. И верней всего, это будут те люди, которые отошли от эмиграции.

Один из главнейших советов свободному миру: долой подлость. Запад ею пропитан, и эмиграция ею пропиталась. Все идеи, которые проникли в эмиграцию, как плюрализм, дурацкое равенство, — это путь диаволочеловечества. Нам не нужны в новой России люди, идущие по этому пути. Это не наш путь. Эмиграция — это ящик Пандоры, который полон всяких страшных вещей, и они могут начать давать свои разряды, пускать свои корни. В ящике Пандоры эмигранты нам принесут опять запас подлости, сдобренный всякими учениями, и это будет малина для всего преступного мира. Уровень морали и без этого сильно понизился. Людям надо помочь, а не развращать их. Мы примем тех, кто пострадал, кто боролся, кто приносил жертвы, и не когда-то, а теперь.

В своих «Записках» я затронул интеллигенцию, виновников семнадцатого года, власовцев, причины провала Белого движения. Предполагал, что в основном все эти вопросы нашли у меня свое разрешение. Я решил рассказать, как мы там думали в то время. Было интересно сравнить с тем, как об этом думали тут. Но тех, у кого какие-то соображения на этот счет были, наверное, такому же остракизму подвергли, как Панина, и даже след их исчез. Важно эмиграции было охранять чистоту, внешнюю, конечно, своих риз. Как бы не затронуть интеллигенцию, Февральскую революцию! Важно было сохранить какую-то видимость с какими-то дутыми знаменитостями.

«De profundis»³¹ — замечательное обличение разрушительной интеллигенции. В восемнадцатом году рабочие, голодные печатники, издали эту книгу. Потом сразу же

³¹ Из глубины. Сборник статей о русской революции. — Paris, Ymca-Press, 1967.

она была конфискована. Ее рукопись лежала на Западе пятьдесят лет, и ее не издавали. Правды эмиграция боится.

Предательство генералом Алексеевым Николая II замазано до предела. В. Кобылин это вскрыл, правда завуалированно, в своей книге «Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев»³², за что был подвергнут ostracism, стал ненавистным лицом в эмиграции. Но ведь то, что он написал, верно. Разве можно исказить и фальсифицировать Историю?

Плана освобождения от советского режима надо было ожидать прежде всего от эмиграции. Я думал, что таких планов здесь пруд пруди. Оказывается, ничего нет. План НТС³³ — курам на смех. В 1978 году на съезде НТС повторялась давняя ерунда о какой-то молекулярной теории и помножении коэффициентов. До сих пор спорят энтээсовцы, нужна ли им организация, но ничего не говорят о том, что она должна делать, как она должна действовать. У энтээсовцев закрытый путь. Большевики и то не скрывали своих путей; им, видимо, было что сказать. А когда сказать нечего, то скрывать надо. Что-то энтээсовцы делают, копошатся. Нет у них ни фантазии, ни воображения, ни учета и знания современной обстановки.

Давно пора дать оценку деятельности НТС. Нельзя все в прятки играть. НТС — Народно-Трудовой союз — явно построен по типу КПСС, верней, скопирован с нее полностью: закрытые заседания, чуть ли не политбюро и т.п. Наверняка были в НТС члены из франкмасонов, и в НТС есть тоже высшие ступени. То, что эта организация делает тайно, — это ее дело. Но то, что она делает явно, можно на суд людей вынести. Необходимо обсудить факты: отношение НТС (солидаристов) к

³² Нью-Йорк, Всеславянское издательство, 1970.

³³ НТС — Народно-Трудовой союз, или российские солидаристы. Эмигрантская организация, возникшая в 1930 году и ставящая себе целью свержение советского режима. Ее печатный орган — журнал «Посев», выходящий с 1946 года во Франкфурте-на-Майне.

людям, к тому же Панину. Обеляет НТС в какой-то мере только то, что этот союз все-таки за свержение режима. Эту оговорку надо сделать.

В НТС, в сущности говоря, рабская дисциплина. Эн-тэсовцы не могут ни слова сказать супротив своей организации. Их выступления сплошь какие-то славословия. Их съезды очень напоминают ленинские-сталинские-брежневские. Это опасно. Членам НТС надо посоветовать устроить революцию в умах против своего руководства, навести в нем порядок, заменить людей, потребовать от новых руководителей, чтобы они представили ясную, членораздельную программу, то есть план.

Солидаристы издают книжки о своем движении. Это им следует поставить в плюс. Библиотечка солидаристов ценна для человека, который приехал из Советского Союза и примкнул к ним. Он может более или менее понять, чего они хотят, их точку зрения на солидаризм.

Поиски государя. Надо поднять вопрос, должен ли он быть Романовым или из очень отличившейся семьи какого-нибудь Врангеля. Если он будет полководец, то в будущем определится в ходе борьбы. Но только в форме вопросов можно подойти к этой проблеме.

Где сказывается лицо эмиграции? Какое у нее отношение к культуре? Какой ее вклад? В чем он выразился? Где ее философия?

Философы в эмиграции стародавние: Франк, Бердяев. Франк — блестящий эссеист, у него есть гениальные идеи. Но это не система, не философия. Это взгляд и нечто.

Надо признать, что эмиграция внесла свой большой вклад в военную историю последней гражданской войны. Говорят, что чуть не все сражения разобраны. Но кто это сделал? Военные люди. Те, кто вел гражданскую войну, те и написали свою историю, о себе, собственно, и написали. Остались мемуары, воспоминания крупных военачальников, таких генералов, как Деникин, Врангель. Какие-то вехи, даты, бои, силы указаны. Этот материал можно считать в достаточной мере достоверным, и он сохранился. В Советском Союзе история изуродо-

вана; историку писать правду просто невозможно. Но освещение порой в эмиграции то же самое.

Лучшее в Белом движении, конечно, Белая армия, которая сражалась. Защитникам эмиграции надо задать вопрос: «Почему Белая эмиграция не воспела Белое движение»? Кто его воспел? Только в восемнадцатом-девятнадцатом году женщина, а потом и Марина Цветаева заглохла. Написала она мало, и я не сказал бы, что это очень здорово. «Лебединый стан» сделан на довольно посредственном уровне. Читаешь этот сборничек с неким умилением, потому что он почти единственный о Белой армии. Еще финн Савин³⁴ воспел Белое движение. Стыдно сказать, что это сделал финн, а не русский. Его книга — библиографическая редкость. Увы, Савина я не читал. Я нигде на эмигрантских книжных полках его фамилии не встречал. Ни в одном эмигрантском доме мне не предложили: «Вот, прочтите хорошие стихи». Имя его совершенно неизвестно. Что за Белая эмиграция, которая не сумела воспеть лучшее, что у нее было? Даже Бунин, который, безусловно, был врагом режима и ни на какие сделки не шел, не затронул Белого движения. «Окаянные дни» — переживание бедного образованного человека, выброшенного из своего родового поместья, описание того, как он мыкался в Одессе. Вообще на участников Белого движения эмигранты смотрели как на рубак, которые, может быть, даже не очень хорошо сделали, что воевали. Сказанное не относится к монархическим и воинским союзам, которые считали и считают, и правильно считают, что они соль этой эмиграции.

А где же была вся умственная часть эмиграции? Все эти профессора, которые в России империю разоружали? Они и на Западе продолжали свое дело, разрушали эмиграцию. Каков же вклад белоэмигрантских писате-

³⁴ Иван Савин (1899 — 1927). Настоящая фамилия Саволайнен. Пять его братьев из Добровольческой армии были убиты или расстреляны. Он сам в 1922 году добрался до Финляндии. Его стихи «Революция», «Гражданская война», «Белое движение» вошли в сборник «Ладонка».

лей? Если есть в эмиграции такие хорошие писатели, как Алданов, так это заслуга Алданова, а не эмиграции. Бунин — замечательный писатель. Но писал он только о старых давних временах. Рассказов об эмиграции или о западной жизни у него нет. Но честь ему и слава, что оставил нам «Окаянные дни», написанные непримиримым врагом режима. Куприн уехал умирать обратно, но говорят, что он не был уже в сознательном состоянии.

А что делали здесь другие военные, когда Врангеля, видимо, отравили, а Кутепова и Миллера³⁵ ухнули? На финскую границу никто не поехал, а ведь, наверное, были предложения. Осели эмигранты в Париже, где жизнь легкая. А сейчас говорят: «Да что вы! Это было нереально». Спросил одного эмигранта: «Почему вы в испанские события все-таки не вмешались? Ведь вы испытали все это, знали, какая страшная чума надвигается» А он: «Мы российскую культуру здесь создавали. За кого там идти было умирать?». А когда мы с Иссой были в Испании, узнали, что была в тридцать шестом году там бригада румын, которые не были под советским режимом, но видели, что красные стреляют в изображение Девы Марии и Спасителя. Одно это видение их на подвиг подняло. Надо сказать, что русские относились всегда с усмешкой к румынам как к войкам. А в данном случае они показали нам пример. Что ж это все нам пример показывают? Кто-то другой обязательно показывает нам дорогу. Мы же только пример подлости подаем, польские дела³⁶ до сих пор продолжаем. «Скажите, — настаивал я, — кто же был все-таки в Испании на стороне Франко?» Он ответил, что прежде всего те, кто был в Иностранном легионе. Но они не добровольцы, они обязаны были быть. Вроде был взвод танкистов из русских в пределах сорока — тридцати человек, да ни одной фамилии он не знал. Где был этот взвод, в какой части на фронте — неизвестно. В отно-

³⁵ Генералы Белой армии, похищенные чекистами из Парижа.

³⁶ Д. Панин имеет в виду оккупацию Польши Советским Союзом в 1939 году.

шении участия русских эмигрантов у красных я тоже сведений не собрал. Есть несколько негодяев, предателей, как Скоблин. Но по предателям не судят, конечно. Все-таки какие-то основания есть думать, что больше было эмигрантов у красных, чем на стороне Франко.

Христос говорил: надо по плодам узнавать. Что ж за эмиграция такая? Свое движение развалили. Надо прямо сказать, что после того, как не стало Врангеля, Николая Николаевича и украли Кутепова, эмиграция перестала существовать. И перестала существовать она даже раньше. Кутепова выдали; значит, он был без защиты. Офицеры не смогли создать ему защиту. Когда Кутепова украли, надо было ворваться смельчакам эмигрантам в Советское посольство, разгромить его и найти там или самого Кутепова, или его труп. Их арестовали бы, но раздули бы мировой скандал, и надолго советчикам неповадно было бы такими делами заниматься. И лицо эмиграции смельчаки спасли бы.

Вклад в культуру должен доказываться эмигрантами каждый день, а не только историческими воспоминаниями. Я сказал тогда тому эмигранту: «Надо мерять сегодняшним днем, а не вспоминать то, что было вчера, позавчера или шестьдесят лет тому назад. Это может прибавлять что-то человеку, украшать его, но по-старому мерять нельзя». Потому что впоследствии этот человек может стать вором Кутепова, как это было со Скоблиным. Уж на что герой был, и то черт знает куда скатился.

Не зря я твержу все время: мы можем выиграть, только если в нас возьмет верх благородное начало, если будут у нас светлые идеи, которые мы сможем защитить, если мы объединимся вокруг сильных идей. В «Обществе Независимых»³⁷ я сформулировал глубинные

³⁷ «Общество Независимых» впервые в кратком изложении опубликовано в книге «Мир-маятник» Тель-Авив, 1974; затем вошло в книгу «Держава создателей».

законы общества³⁸. Первый глубинный закон говорит, что для процветания народа нужна честная борьба, что всякая подлость губит. Шутить с глубинными законами невозможно. Эти законы мстят за пренебрежение ими, за нарушение их требований.

Я предлагаю новую стратегию, основанную на благородстве, на правде. Самое главное, чем мы должны владеть. Наше единственное оружие — это благородство, смелость, отважность. А для этого отношения между людьми должны быть хрустальными. Суды чести смогут вывести на чистую воду низкие замыслы. Маленькие журналы, как «Часовой», «Шуа», «Голос Зарубежья», могли бы начать крестовый поход против всей неправды, лжи, ненависти.

Эмиграции рассчитывать бы на свое благородство, на свой ум, а не прибегать к подлым средствам. По логике вещей от них полный развал эмиграции. Закон движения вещей и Теорема Геделя вполне объясняют это положение с эмиграцией. Гедель говорит, что сама себя система не может закончить; нужна для этого более высокая система. Мой закон движения вещей говорит, в сущности, то же самое: для того чтобы совершить какой-то процесс, должна быть густота, которая этот процесс образует и формирует. Чтобы закончить какое-то народное формирование, нужна более высокая густота, чем сам народ: аристократия или монархия или какой-то международный этический контроль. Это совершенно ясно, никуда от этого не денешься.

³⁸ «Сумма этических законов, управляющих жизнью людей, порождает законы, управляющие незримо жизнью народов, которые следует поэтому называть глубинными. Их значение для нормального эволюционного развития народа и для его процветания огромно. По меньшей мере три глубинных закона управляют жизнью народа. Первый закон: общество развивается нормально и облагораживается при условии очищения людей от первородного греха. Второй закон: управление государством должно покоиться на благородных принципах, и, соответственно, у его кормила должны стоять люди благородного духа. Третий закон: исправление и усовершенствование мира возможно лишь под действием благородного начала, и для очищения общества от сил зла необходимо создать в нем этический контроль (службу защиты)» (Д. П а н и н. Держава созидателей, с. 227).

В целом уровень эмиграции отвечает уровню той страны, в которой она находится. В основном общая для всего Свободного мира обстановочка определила мышление эмигрантов. Запад врёт — и эмигранты врут. У Запада нет высоких идей — и у эмигрантов их нет. Запад погружен в стяжательство, в стремление как можно больше заработать, и они также: Запад жадный, и они жадные. Вот так. Отличительных черт настоящей эмиграции, которая уехала из страны для того, чтобы облегчить положение народа, чтобы спасти его, нет у здешних эмигрантов. Какие-то редкие исключения. Это именно те, кого я называю силами освобождения.

В эмиграции должно быть обостренное восприятие — это ее признак — общественного строя, против которого она стоит, и религиозных, философских вопросов. Они должны обсуждаться, быть в центре внимания. Эмиграция не должна быть местом спячки, какого-то животного равнодушия.

Кому-кому, а именно эмиграции надо было стремиться создать или сохранить аристократию духа. Но здесь аристократия только по старым фамилиям; исторические имена, как эмигранты их называют. И на этом все ограничивается. До создания аристократии духа, рыцарей духа, кем и должны являться силы освобождения, еще не дошла эмиграция, не додумала она это. Запад еще до этого тоже не дошел. Вместе с тем у него есть стремление иметь какой-то высший авторитет, ему преклоняться. И нельзя сказать, что это только пресмыкательство. Вопрос этот гораздо интереснее и глубже. С точки зрения закона движения вещей и теоремы Геделя сама себя система не может разрешить. Она обязательно пройдет какое-то законченное состояние, чтобы наметиться, определиться, и какая-то более высокая густота должна с ней это проделать. Это, будем говорить, люди, которые пришли из несколько другой цивилизации. Скажем, мы — перестрадавшие люди — пришли с нашим разумением и можем помочь эмигрантам, указать им нужное направление. Если они нас послушали бы, то это была бы как раз та разность густот, которая им необходима, чтобы определить духовное благородство.

Моя философия дает обоснование духовной аристо-

кратии, творческой аристократии, королевской власти, царской власти. Республиканские формы правления, как-то демократия, категорически осуждаются, ибо это действительно снижение уровня и превращение людей в лучшем случае в каких-то лошадей.

В Израиле, наверное, можно найти представителей подсоветского народа среди уехавших из СССР людей. Но и я, безусловно, его представитель. Сорок лет я отработал в СССР, шестнадцать лет там в лагерях отсидел, не отказывался от православной веры, исповедывал ее открыто. В тридцать седьмом году два раза или даже три ко мне приходила какая-то женщина, которая проводила перепись. Я ей все отвечал: «Я — православный». А она допытывалась: «Да, может, только при крещении Вы им были?» «Да нет, — говорю, — я православный, так и запишите». А год был тридцать седьмой. Это, наверное, усугубило или, во всяком случае, ускорило мою посадку. В те годы меня не взяли, потому что поважнее были люди, а загребли в сороковом, когда все подчищали.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ К КНИГЕ «СОЗИДАТЕЛИ И РАЗРУШИТЕЛИ»³⁹

Поражает количество жестоких, свирепых людей в несчастной истории нашей, которые были спрятаны под тоненьким слоем благодетельных бородатых отцов семьи, крестьян, милых патриархов. О том, что творилось у них в избах, знают лишь маленькие отдушники, такие глазки, как Бунин в «Деревне», Чехов... Чуть ли не два рассказа об этом на всю русскую литературу. Где же были другие господа? Толстой обрисовал Платона Каратаева, но он из тех, кто хотел себя в хорошем виде представить. Правильно у Достоевского: «в зверском уезде». Видимо, свирепость все-таки очень крепко сидела в народе. Ближе к народу все же был Белинский. Он правильно по-

³⁹ Д. Панин. Созидатели и разрушители. — Париж, 1983. Отдельные главы опубликованы в «Державе созидателей».

нял, что не такой уж это религиозный народ. Святая Русь была придумкой наших господ. Мы — далеко не святой народ.

Я меньше всего хочу нападать, обвинять зря. Я хочу установить истину и объяснить, почему мы такие. Действительность нашей истории такова, что мы совершили около трехсот войн; были периоды, когда война была чуть ли не каждые два года. И не могли не сказаться все набеги и звериные нравы, двести лет татарского ига. На узловых точках Истории можно показать, что она нас не миловала, и, может быть, оттого, что мы выдержали, нам пришлось стать действительно жестокими, подчас свирепыми.

Но в полном объеме свирепость проявилась после 1917 года. Все валить на латышей и евреев — это извините. Почитайте современников. Сплошные зверства. Что выделывали солдаты-великороссы с офицерами? Что могли плохого сделать офицеры, которые требовали службы? Самое большее — кому-нибудь из солдат по морде дать. А как изводили офицеров, как их уничтожали! Кресты всякие на них вырезали, заколачивали гвозди в погоны. Ужас! И делали это мы — русские, никакие не латыши. (Латыши делали свое грязное, кровавое дело в своих частях.)

Этот запас свирепости, злости надо как-то объяснить и сделать выводы. Главное — сказать, что мы должны делать. Может, даже бояться самих себя и себя переделывать. Но как? Не знаю. Надо учесть всех, кого мы потеряли за эти страшные годы: наверное, больше ста миллионов человек, к которым следует прибавить около ста миллионов неродившихся⁴⁰. А кого уничтожали? Лучших, наиболее смелых, выдающихся, самостоятель-

⁴⁰ Д. Панин сослался на книгу великого русского ученого Менделеева «К познанию России», отвечая на вопросы членов жюри, заданных ему как свидетелю на Международном слушании Сахарова в 1975 году. Менделеев выявил процент увеличения народонаселения в России. «В 1976 году, — говорит Д. Панин, — должно быть около 340 миллионов [...], по советским данным сейчас — 250 миллионов. Значит, разница составляет 90 миллионов». (Международное слушание Сахарова в Колпенагене, Сорелгаген, Polyglott Printing House, 1977.)

ных. В общем, у нас сейчас огромный перевес подлости. Развелось действительно очень много «унтерменшей»⁴¹, подлецов, приспособленцев — вот какой мы стали нацией. Мы теперь люди третьего сорта. И надо сделать из этого серьезные выводы.

Надо обстоятельно будет показать, что мы из себя представляем. Мы не являемся великим народом. Слово «великий», наверное, придется снять. Мы — народ сильный, выносливый, народ стрельцов, солдат, но когда они (именно это следует подчеркнуть) в хороших руках. Но эти руки почему-то должны были быть иностранными, тогда дело шло. Когда сами россияне начинали мыслить и руководить, получался провал. Я не историк и дам только исторические пассажи, которые не претендуют на полный охват и на стопроцентную истинность фактов. Верней, строю на фактах, а уж объяснения могут быть придуманы. Ставка в книге «Созидатели и разрушители» должна быть на суровую и беспощадную правду.

Человек, который прожил уже жизнь, создал свою философскую систему и ряд других вещей, давал оценки, которые, как правило, сбывались, может и на стороне дать ценную картину, которая тем более необходима, так как сейчас масса дезинформирована, люди буквально запутались. Конечно, они не верят во всю эту муть, но на ее место может ведь другая муть прийти. Хоть это не так просто. Если будут предлагать «краснопеды» что-то из своего старого арсенала, то полагаю, что у основной массы это вызовет отвращение и недовольство. Однако активное меньшинство уцепится за подобие какой-нибудь партийно-марксистской отрыжки. Будем надеяться, что само по себе это не произойдет. Тогда тем более этому надо помешать и, главное, постараться поставить ясные барьеры, привести такие возражения, из которых видно было бы, что если пойдем по этой дороге — опять бедствия, несчастья, не вылезем из них. Исходить надо из того, что мы есть, что мы из себя представляем, до чего мы докатились, и соответ-

⁴¹ Унтерменш (нем.) — человек низшего сорта, недочеловек.

ственно наметить реальный путь для дальнейшего нашего существования — привести действительно себя в порядок, от нравственных недугов излечиться. Но главная надежда не на излечение, а на новое поколение. Новое поколение не надо искажать, снабжать неверными установками, готовить из него каких-то барбосов. Надо понять эпоху, в какую мы живем, и задачи, которые стоят в особенности перед нами, коль скоро мы натворили столько чудовищных дел.

* * *

Русские проявили огромную жестокость на протяжении своей истории. Во времена Ивана Грозного, даже тишайшего Алексея Михайловича, ленинского и сталинского террора. Отчего такая жестокость? Мое старое объяснение — не могу найти нового, лучшего — мне кажется обоснованным. Требовалась большая жестокость, чтобы сохранить и собрать государство при сравнительно очень редком населении на огромных пространствах во времена бездорожья, когда передвигались на лошадях, чтобы заставить людей вести дозоры, охранять рубежи, совершать всевозможные тягловые повинности, платить налоги. У нас было невозможно отделаться какими-нибудь положениями законов, как было в то время в Западной Европе. Жестокостью приходилось заставлять людей выполнять повинности. И люди начали к ней привыкать. А главное, что люди вольнолюбивые, склонные к великодушию, протесту, то есть те, из которых создается благородный слой, неизбежно погибали. Им приходилось своей грудью защищать землю русскую. В первых рядах ее защитников, самой смелой и лучшей их части, потери были несоразмерны с теми, что были в других странах. Протестующая, вольнолюбивая, более мягкая часть этих людей, которая возмущалась обществом, подвергалась уничтожению. Потому что в условиях жестокости все, кто протестовал, кто не соглашался, кто был против, получал по заслугам, как тогда предполагали. Оно так и было. Иначе — или жив, или погиб. Происходило все

время уничтожение лучших людей с точки зрения вольностей, свободы, мягкости, и оставалась их наиболее жесткая, жестокая часть. Так пришла к нам жестокость. В девятнадцатом веке, когда было мирное время, на поверхности была возможность добро говорить о народе-богоносце. А у основной части населения был язык зверского закала. Этот зверский закал был в любые исторические моменты, когда народу можно было открыть отдушину и дать возможность себя проявить. Поэтому после того, как в СССР уничтожили восемьдесят миллионов лучших людей, удельный вес жестоких людей еще более возрос. Мы стали жестоким народом, народом, у которого благородство, мягкость, всякие хорошие душевные качества снижены. Давайте из этого исходить и сделаем из этого выводы. Если мы в таком состоянии, а нам надо еще демократическими правами пользоваться, то у нас будет еще худшее положение, чем на Западе. Поэтому давайте выберем из этой именно гущи действительно лучших людей, не будем их уничтожать, а будем их поддерживать и рассматривать как людей неполноценных. И стараться будем уже в лучшем положении своих детей воспитывать, не губить в них хорошие начала. Вот так, я думаю, мы выйдем из затруднений.

В заключении много было среди нас крестьян, и я познакомился с лаптями. Это прекрасная обувь для зимы. Когда крепкая зима установилась, можно взять лапти побольше, навернуть онучей побольше, и ты будешь лучше предохранен от мороза, чем валенками. Беда наступает тогда, когда ростепель, когда днем ты месидь лужи; снег в лужах мокрый, ноги у тебя, конечно, промокают, а под вечер может крепкий заморозок захватить. А ты в пути, и мороз тебя захватит. Когда есть возможность иметь запасные валенки, лапти — переобуешься; это еще терпимо. Но часто ты из огня да в полымя попадаешь: не всегда у тебя под рукой то, что нужно, не все запасливые. В грязную пору осенью, в

бездорожье, ты целый день ходишь в лаптях с мокрыми ногами.

Я не случайно привел эту подробность. Даже в мирное время, чтобы держать дозоры, совершать определенные повинности на громадных пространствах в отсутствие дорог, где единственное средство передвижения была лошадь и пеший ход, требовались большие усилия и большая жестокость. Попробуйте заставить человека с теплой печи окунуться в лаптях в грязную жижу непролазной дороги, чтобы у него ноги замерзли в этой стуже. На одной сознательности, на одном христианском понимании долга в этих условиях ничего не достигнешь; не все на это шли. Для большинства нужны были, пожалуй, крепкие вожжи.

Добавлю, что благоприобретенные свойства по наследству не передаются. По моей гипотезе души в миг зачатия резонанс слияния духовных начал отца и матери дает сигнал, который получает монада. Этот сигнал определяется душами родителей. Качества, имеющиеся в наличии у отца и матери, приглашают монаду близкого к ним качества. Жесткое приглашает жесткое. Поэтому жесткие души порождают жесткие души. И если этот процесс идет неуклонно, то процент жестких людей увеличивается независимо от передачи наследственных признаков.

* * *

Страшный вопрос: почему все-таки наш народ оказался таким свирепым, жестоким и дал сразу такое количество палачей, негодяев, стукачей, всякой нечисти и, главное, каких-то кровопролитных зверей? Сейчас такой уж отбор людей проведен за шестьдесят лет, что иначе и быть не может. Но ведь это началось в семнадцатом году, когда страна еще христианской была. Откуда все это зверье? Нельзя все валить на евреев да на латышей. В том-то и дело, что мы сами или труса праздновали, или какой-то нейтралитет держали, или как дураки последние себя вели, или поджимали хвост и ждали, пока потащут нас в чрезвычайку.

В этой связи меня прямо пришиб очерк «Этап во время войны» М. Штейнберг⁴². Уж казалось бы, я сам пережил и этапы, и лагеря во время войны, столько видел-перевидел, слышал, столько действительно достоверных сведений имею, и все-таки каждое правдивое сильное сообщение нарушает мой покой. Я не могу к такому описанию спокойно относиться. Я переживаю так, как будто все это перед моими глазами снова начинает проходить. Я в неистовство какое-то прихожу от ярости к злодеям.

Самая страшная вещь, которая меня в этом рассказе, лучше сказать — правдивом отчете, повествовании, поразила, это то, что все происходило, оказывается, в самые последние дни перед началом войны. Тюрьма в Кировограде, на Украине, была набита женщинами-крестьянками. Одна на другую что-то сказала, ту и посадили. Можно было что-то лишнее ляпнуть, и человека расстреливали. Ведь в начале войны была уйма расстрелов. Какую-то несчастную женщину, неграмотную совершенно, расстреляли за то, что она поругалась со своей соседкой. Эти звери ни в чем не разбираются. Они ж как машины действуют. Казалось бы, чем больше людей обидишь, чем больше людей расстреляешь, тем больше ненависти к себе вызовешь. Нет, машина, пущенная в ход НКВД, работает: один другого подсаживает, один за другим подглядывает, и нельзя ни одного жеста сделать разумного, уж не говоря доброго. Действительно какой-то страшный НКВД. Поражает до некоторой степени бессмысленность его террора. Машина эта работала до последнего момента, когда НКВД сам должен был броситься бежать. Его людей, оказывается, потом поймали, посадили тоже в лагерь. Раз ты побывал на той стороне и прорвался, вышел на свою сторону, значит, ты шпион. Логика тоже замечательная, послесталинская логика. И вот прямо штамповали расстрелы. Я уж не говорю о том, что поводы были ничтожные, совершенно ерундовские. Ты сказал, например, что немцы наступают, — достаточно для расстрела.

⁴² Сборник «Память», выпуск первый. Нью-Йорк, 1978.

М. Штейнберг рассказывает о судьбе одной молодой эмигрантки, чуть ли не княгини Голицыной. Каким-то образом она приехала сюда. И вот — расстрел. Почему? Автор не объясняет. Я — лагерник и понимаю, в чем было дело. Эта княгиня язычок имела слишком длинный, не знала, где и что можно говорить. Вот и рассказала свою историю порядочной женщине, госпоже Штейнберг. А рядом сидела всякая проблядь, которая, спасая свою шкуру или выслуживаясь, стукнула: «Имейте в виду, она — княгиня». Этого было достаточно. Раз княгиня, чего уж тут. Следствие закончилось, на суде обнаружили этот факт. Всё, проверять не стали — расстрел.

Слава Богу, в начале войны мы были в Бутырках, в Москве. Там мы тоже ожидали, что нам в камеры начнут гранаты бросать. Но все-таки фронт был далеко, и я начал нажимать, чтоб нас поскорей в лагерь отправили. И правильно. В какой-то степени, может быть, мы спаслись. Если до шестнадцатого октября⁴³ мы там досидели бы, неизвестно, были бы живы или нет.

Пробуют вино валить на Ивана Грозного, Петра Великого. Это, конечно, вздор. В каждом народе были свои грозные. Но почему именно мы такие жестокие? Откуда у нас такая жестокость? Прямо подбор какой-то жестоких. Тоненький слой бородатых хороших крестьян крестился на церковь. Это были благочестивые люди; они и давали представление о народе для мыслящей России. А в действительности сам народ был зверь зверем. То, что люди в своих избах творили, мало кто, наверное, даже и знает. Из избы сор не выносили. Только глебы успенские, которые действительно в деревне жили, могли порассказать. А к нашим барам придут, им поклонятся в пояс, там матушка, там батюшка, все хорошо, все гладко. А на самом деле неистовые звериные события совершались. И надо прямо сказать, что не большевики в этой части что-то изобрели, когда в семнадцатом году началось озверение.

⁴³ 16 октября 1941 года в Москве началась паника. Немцы были на подступах к Москве, а правительство ее покинуло.

Я защитник нашего народа, стараюсь всегда найти причину его поведения. Можно валить на неграмотность и на все прочее. Это я, конечно, все делаю. Но сам факт такого озверения, причем какого-то мимолетного, требует каких-то дополнительных объяснений. Надо найти его причину.

КАК ВОСПРИНИМАТЬ ГЕНИЯ

В связи с книгой Синявского «Прогулки с Пушкиным»⁴⁴ встает вопрос о том, как воспринимать гения. Для меня гений обязательно должен быть загадочным. Если мне все ясно в писателе или в мыслителе, если у меня не возникают вопросы, то он не на том, мне кажется, уровне, когда можно о нем сказать, что человек он гениальный. Для меня гений, я даже где-то об этом писал, — высокая гора, вершина которой закрыта облаками. Я хорошо вижу ее подножье, склон, могу их исследовать; мне доступно лазать с молотком, рыть землю. Но что делается на верхушке, за облаками — из области моих догадок.

К примеру, Достоевский. Он для меня безусловно загадочен, он — пророк. Он сделал великолепные пророчества насчет русской революции и ее качеств: хамства, отсутствия чести, отрицания чести. Шигалевщина — совершенно гениальное прозрение того, что мы пережили во всех чистках, прозрение на уровне библейских пророков, которые для меня тоже загадка. Кроме того, для меня Достоевский не менее загадочен и даже более загадочен в его пророчествах в отношении католической Церкви. Я прочел их в 1960 году в его «Дневнике писателя» и, оттолкнувшись от них, подумал, что это мнение глубоко православного человека, который ненавидит католицизм и хочет его забросать грязью. Мне казалось, что он недостаточно хорошо знает католицизм. Я судил по себе, так как лишь на третьем году моего приезда на Запад начал его понимать. Сейчас я в нем разо-

⁴⁴ Лондон, 1975.

брался достаточно хорошо, но ведь я проделал огромную работу: двести лекций, больше тысячи встреч; я старался жить не в гостиницах, встречаться не только при микрофоне, а в домашней обстановке. Со мной делились горестями, радостями, именно поэтому я хорошо разобрался в католиках. Но у Достоевского совершенно другая была картина. Во-первых, мне кажется, он никогда и дома-то не был. Ну, может, год наберется в общей сложности. Он путешествовал. Кроме того, он человек был бедный, совершенно неизвестный. Внешность у него была незаурядная, взгляд очень тяжелый. Слава у него была, вероятно, не очень ловкая, потому что он был игрок, и вообще у него была склонность к низинам. В общество он не был принят, средние католические дома для него были закрыты. Единственно, что он мог знать, — *milieu*, то есть полусвет, или даже среду преступного мира, к которому у него какая-то склонность все время была. Вспомните Свидригайлова. Что-то связанное с самим Достоевским. И для меня просто невероятно, как он мог при этих условиях так хорошо понять католичество, понять, что католичество устроит заговор с социалистами, что оно клюнет на их приманку, захочет само чуть ли не подменить социализм. Меня потрясает, что Достоевский понял то, что происходит на моих глазах, что я изучил и в чем совершенно убедился. Как он это понял? Загадка, это мог сделать гений. Гениальные стихи, гениальные идеи, гениальные образы, которые он создал, — своим чередом. Они доступны нам как читателям, как ценителям. Но вот его способность к прозрению — загадка. Лаборатория писателя для меня загадка. Как он мог достигнуть пророчеств, глубоких идей?

Надо обязательно постичь, дадут ли Достоевский и почти все наши гении что-нибудь для человечества, для общества? С точки зрения моральных принципов: все обязаны их развивать, помогать своей эпохе. Достоевский действительно это делал, он был глубоким христианином, и в этом плане он оставил свой вклад. Но дал ли он какое-то положительное решение? Ответил ли на вопрос, что делать для России? Он видел, что она в пучину, в пропасть валится. А что этому противопоста-

вить? Какие решения, идеи? Этого он не сумел дать. Некоторые идеи он пробовал вложить в уста князя Мышкина. К сожалению, Достоевский рано умер и не закончил Алешу Карамазова, который, видимо, что-то должен был объяснить, предложить, донести до нас замыслы Достоевского. Но в «Дневнике писателя» даже их следов нет. То, что он сумел там написать, на уровне приблизительно князя Мышкина. Власы, бывшие преступники из народа, должны сами справиться, и вообще сами с усами, народ-богоносец, сам разберется, сам делает.

Мне кажется, Достоевский знал и по каторге и по армии, что из себя представляет народ; иллюзий у него, по-моему, не должно было быть. Были в народе очень хорошие люди, но общий уровень был довольно зверским. Недаром в «Преступлении и наказании» Екатерина Ивановна говорит, что она была в зверском глухом уезде. Так что Достоевский это знал, и расчет на толпу каких-то ангелов, которые из народа вылетят и начнут все приводить в порядок, — расчет детский и несерьезный.

Пушкин для меня загадка. Великолепно, что он певец земли. Лучше о любви мужчины и женщины на русском языке никто не сказал. Припоминаю из моего детства: в одном из кремлевских соборов была икона Божьей Матери, которая была усыпана крупным жемчугом. Может, в детстве так казалось, но у меня сохранилось впечатление на всю жизнь: темный прекрасный лик Божьей Матери усыпан светлыми жемчугами. Облик стройный, прекрасный. Сама любовь — вечная, чудная. Каждый великий писатель, каждый поэт имеет свою ризу. Ризой из жемчуга для меня был Пушкин: он создал бесподобную жемчужную ризу вокруг любви к женщине, великолепной женщине. Ни Блоку, ни Гумилеву, ни даже Тютчеву с ним не сравниться. Никому.

Для меня вершина Пушкина, самое великолепное в Пушкине, его гениальные «Маленькие трагедии». В Ев-

ропе он не был, знал ее по книжкам. Единственный раз, когда он попал в Эрзерум, на турецкую землю, она оказалась уже русской, потому что ее взяла наша армия. И хоть «Путешествие в Эрзерум» уже было в пределах тогдашней России, он схватил, впитал в себя другую, чуждую нам расу. Совершенно гениальное ее восприятие.

«Каменный гость». Ведь никакого сомнения нет, что у Пушкина это происходит в Испании, с испанцами той эпохи, а не на подмостках, ходульно. Сравните с элементами «Дон Жуана». Это прекрасно сделанная вещь, конечно. Тоже своего рода произведение искусства. Но это именно искусство; чувствуются достижения и знание эпохи. Автор в Испании был не раз, родился в описываемой им среде, католик — все на него работало. А на Пушкина ведь ничего не работало, но он сделал так, что перед нами не искусство, а сама жизнь. Как он мог это сделать? Это для меня тоже загадка.

Мне кажется, что если бы Пушкин прожил жизнь до моих лет, дотянул бы до шестидесяти — шестидесяти пяти, то он с его гениальностью, с его проникновением в жизнь первым из всех дал бы какое-то положительное решение. Он сказал бы: «Россия, вот твой путь, не сбивайся с него. Держись такой-то стороны, поддерживай такие-то силы. Вот страшная опасность. Я указываю тебе на нее. Смотрите, люди, на нее; если нужно, будьте с ней даже беспощадны». Он мог так сказать, но, к сожалению, рано погиб.

Дала ли наша русская культура положительные решения для развития человечества, для развития общества? Перебираю по пальцам. У Достоевского их нет, у Пушкина нет, у Лермонтова, конечно, тоже нет. Гоголь все-таки подошел к этим решениям. Он один из тех, кто очень многое понял. Он понял страшную вещь в России: с виду она Святая Русь, а по сути дела, немножко поскреби, и в ней не то что татарин — диавол сидит. Это обнаружилось в семнадцатом году и после катастро-

фы. Гоголь был провидцем, сверхгениальным человеком, может, самым гениальным писателем. Отсюда и его судьба. Его заклевали. Его «Письма издалека» — конструктивная вещь, она для начала, это — первые шаги. Перед нами человек, который говорит: «Я не хочу ничего сейчас разрушать, вот Россия как она есть. Давайте ее примем и сделаем пока, что можно, хотя бы в этих условиях. И будем думать дальше». Если он прожил бы дольше, было бы у него не хуже, чем у Пушкина, потому что он даже глубже Пушкина видел всю мерзость и всю отрицательную сторону нашей страны. Но у Гоголя тоже не получилось с положительными решениями.

Всех бесов можно, конечно, зачеркнуть. Мы знаем, что они нам преподнесли. И знаем все их анархические выкрутасы по Европе, по Истории. И недалеко они ушли от других бесов — нечаевых, ткачевых, лениных, плехановых, троцких. Так что можно выбросить их полностью.

Толстой — разрушитель. Он ничего позитивного не дал. Все, что он предлагает, содержит элементы разрушения. К тому же, по моему глубокому мнению, он был неумный человек. Для меня он загадка. Как мог гений, создавший «Войну и мир», «Анну Каренину», «Хаджи Мурата» и еще ряд блестящих вещей, быть человеком недалекого ума?

Наш серебряный век, видимо, начал что-то давать. Мне кажется, что Флоренский уже начал идти по пути каких-то решений. Но у него несчастная судьба: лагерь, смерть. Был и Успенский. Проживи он дольше, он тоже что-то предложил бы. Николай Федоров выдвинул совершенно сумасшедшую вещь: мы должны как-то наших умерших людей воскрешать. Это что-то из «Палаты №6». Мы и с живыми людьми не знаем, что делать, не знаем, как справиться. И еще мертвыми населять нашу землю. Потом, это против христианства, где сказано, что мертвые воскреснут. Чего ж мы будем торопиться? Надо устраивать жизнь живых. И странно для меня, и загадочно, почему гении Толстой и Достоевский ценили Федорова, считали его чуть не самым гениальным чело-

веком. Однако его гениальная вещь⁴⁵ полностью даже не опубликована. Существуют какие-то куски, какие-то наброски, какие-то странные пассажи какой-то редкой книги.

Владимир Соловьев — вершина, быть может, нашей философской мысли девятнадцатого века. Но позитивного он тоже ничего не предложил. Слава Богу, предупредил хоть об опасности в «Трех разговорах». Оправдание добра. Хорошая, позитивная вещь, сила. Нам это доказывать не нужно, а для девятнадцатого века и это надо было доказывать. В целом пути у Владимира Соловьева не указаны. Он перешел в католичество, написал на французском языке «Russie et l'Eglise universelle»⁴⁶, которую на русский перевел Рачинский. Но эта работа — лишь маленький пункт, набросок, шажок, в лучшем случае дорога, наметка. Соловьев тоже рано умер.

Серебряный век все же подготовил бы, наверное, хороших мыслителей, как грибной дождь пошли бы идеи, но срубили ему голову. Кто остался, кто уехал за границу — странная судьба. Если проследить, то почти все мыслители этого века прошли через марксизм. Не потому ли такой отбор Ленин произвел?⁴⁷ Может, он и думал, что червоточина в них марксизма обязательно всю жизнь будет довлеть над ними. Не берусь судить. Ленина я гением не считаю, и загадкой он для меня тоже не является. Может быть, он так думал.

И вот после того, как рубили головы в течение шестидесяти лет, мы сейчас можем задавать вопросы. Перейдем к нашему времени. Что мы имеем после того, как бурелом прошел? На кого мы можем рассчитывать? Начнем с гигантов мысли, отцов русской демократии.

⁴⁵ Философия общего дела.

⁴⁶ Россия и Вселенская Церковь (франц.).

⁴⁷ См. сноску 23 на с. 36.

Солженицын. То, что он натворил, ясно из моей книги «Солженицын и действительность»⁴⁸. Он не мыслитель. Второй гигант — Сахаров. Наверное, в области физики он гениальный человек. Трагедия его жизни, что почти до сорока лет он был как бы в безвоздушном пространстве: в лабораториях, под присмотром, никакой связи с внешним миром; конечно, золотой дождь на него падал, условия жизни были исключительные. Слава Богу, что он был все-таки совестливым человеком, и его совесть заговорила в начале шестидесятых годов. Он начал критиковать Лысенко, потом ужаснулся, совесть загрызла Сахарова за его водородную бомбу. Я могу преклоняться перед ним как перед человеком, который нашел в себе мужество избрать правильный путь и пойти по этому пути, а может, и прийти к религии (хотя сейчас он от нее отказывается). Он ушел от марксизма, социализма, сейчас считает себя либералом. Дай Бог! Сахаров в развитии. Но ведь это развитие ученика. Когда еще он разовьется! Мы уже давно все это прошли, десятки лет работаем, будучи освобождены от всей этой заразы, имея светлую голову и отметая всякий прах, который к нам приставал в ходе жизни. Я не скажу, что Сахаров в пленках, но у него еще детский возраст. Доказательство тому его рассуждение в шестьдесят восьмом году о прогрессе. Это детский лепет. Даже Солженицын очень хорошо его раскритиковал в первой главе «Глыб»⁴⁹. Кстати, это единственная позитивная критическая вещь Солженицына, которая ему удалась. Недаром мы столько с ним говорили еще в шестьдесят восьмом году о конвергенции. Сам Сахаров потом от нее отказался, хотя возвращается к конвергенции в книге «Мир и свобода». Хорошая книга. Вся критика у Сахарова замечательная. Позитивного — ровно ничего. Трагедия Сахарова еще в том, что он не знает людей, не знает всю эту коммунистическую орду, банду. Он ее, конечно,

⁴⁸ Париж, 1975. На французском языке: Dimitri Papine. Soljénitsyne et la réalité, Paris, la Table Ronde, 1976. В книге рассматривается «Письмо вождям» Солженицына.

⁴⁹ «Из-под глыб». Умса-Press, 1974.

чувствует и ощущает, он ее понял, потому что не понять ее невозможно; ее и мужики понимают. Но как-то нет у него четкости в этом вопросе. Если он предлагает конвергенцию, значит, внутренне он согласен, что с этими людьми можно какой-то диалог вести. Если он устраивает всякие общества, как Защита прав человека, хоть при этом даже критикует власть имущих, если это не театр (если это театр, то я вполне с ним согласен: можно и театр устраивать в борьбе с этим режимом), если он серьезно думает, что можно права человека в этих условиях защищать, то это мифотворчество. Значит, он тоже в какие-то мифы верит. Верит, что с этой бандой можно разговаривать, что эта банда может что-то обещать, что эта банда может что-то сделать. В тех условиях, в которых он находится, я от него и не требую ничего другого; он говорит эзоповским языком. Но если он приехал бы сюда и стал продолжать говорить то же самое, то был бы недалеко от Солженицына. Вот сказал бы по приезде: «Я вынужден был так говорить, но мое мнение следующее: надо свергать этот режим, с этим режимом никакая конвергенция невозможна, этому режиму нечего помогать». Но я думаю, что если он придет, то будет продолжать свою линию и говорить то, что говорит подавляющее большинство приезжающих, и то, что он сейчас говорит: «Должно быть совместное развитие; огромный прогресс требует совместных усилий; государства должны согласовывать свои средства, свои программы и т.д.». Если он все это будет повторять здесь, то будет почти повторение «Письма вождям» Солженицына, только под другим соусом.

Последняя надежда — Амальрик. На ежегодной продаже книг членов Пен-клуба я с ним встретился, поздравил с книгой⁵⁰, сказал, что восхищаюсь его героизмом, но советую быть осторожным. «Запад очень сложен. Не торопитесь с выводами». Он мне ничего не от-

⁵⁰ А. Ам а л ь р и к. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? — Амстердам, Фонд им. Герцена, 1969.

ветил и вряд ли мог что ответить. Был он после этого в Америке, речи произносил. Самодовольный мальчик. Он думает, что может давать всем уроки, потому что побывал в Магадане. Кстати, я ему подарил мою книгу «Солженицын и действительность», и в его речах прозвучал ответ мне: «Не стоит заниматься критикой друг друга, потому что это ослабляет наши ряды». Странная речь. Что ж, можно собраться всем с дребеденью в голове, раз важны не наши решения, не наша программа, а чтобы мы были вместе. Но это не на уровне Амальрика. Может, НТС так думает? Смешно. Надо объединяться вокруг идей, программы, и не страшно, если будет несколько программ. Эти программы будут бороться, и в конце концов какая-то из них победит. Важно, чтобы это была честная борьба, а не борьба в подземельях змеиными методами. Это и надо было бы ему сказать. Сказал он и вторую глупость: «Социализм, коммунизм совсем не случайная вещь для России». Почему не случайная? «Потому что-де в России была жива мечта третьего Рима, и эта идея третьего Рима теперь осуществляется». Но это ведь чепуха совершеннейшая. Те, кто совершал переворот в России, были категорически против третьего Рима или не знали ничего о нем. Во всяком случае, прекрасно клюнули на их слова солдатики, когда они им говорили: «Зачем вам нужны проливы, идите домой, берите землю в свои руки». На этих проливах Временное правительство погорело. Если такие мессианистские, как они их называли, настроения были, то в ложах масонов у очень маленького количества людей, которые были в правительстве. Поэтому никакого распространения в народе они не имели. Народ свою страну-то не сумел защитить, а уж какие-то проливы и третий Рим ему не были нужны. И главное: всех, кто третий Рим приветствовал, вырубил в первую очередь; первыми они попали в мясорубку. Амальрик считается историком. Какой он историк? Он ребенок. Прошло уже шестьдесят лет после катастрофы в нашей стране и почти тридцать лет с тех пор, как Сталин начал хоругови воскрешать: подготовочка к войне была, и во время войны стало ясно, для чего все александровские невки в ход пошли.

Все-таки на Амальрика я надежды возлагаю. Он молодой, у него ум цепкий, но только для того, чтобы сделать что-нибудь позитивное, нужны годы — не меньше десяти лет упорного, настоящего труда. У него ум есть, и он может вполне сделать хорошие вещи, но надо совершенно изменить установку «пришел, увидел, победил». С ней только глупости говорить и срамиться.

Современников своих призываю на суд. Кто же все-таки что-то предлагает? Кто же все-таки что-то дает? Может, я кого-то упустил.

* * *

Прочел «Русскую идею» Бердяева. Выглядит он здесь человеком в достаточной мере поверхностным. На основании книг разных людей он сделал ряд заключений. Надо сказать, на потребу левой интеллигенции. Бердяев в этой своей книжке выступает как хороший популяризатор. Скажем, объясняет Федорова. До сих пор до меня доходили лишь какие-то искаженные, отрывочные сведения о нем. Бердяев на двух страничках дает достаточно полное представление о Федорове. Это ценно. Он мне открыл глаза и на Леонтьева. Константина Леонтьева я, конечно, читать не мог в СССР и понял, кто он, сначала в изложении Бердяева. Можно и про славянофилов у него узнать, хотя это уже не имеет такого большого значения, так как о них сейчас очень много пишут. В общем, в части писаний человека Бердяев ухватывает и обобщает их содержание, дает его в хорошей ясной форме. Этого у него отнять нельзя. Что касается освещения русской идеи, то у него получилась не русская идея, а именно интеллигентская идея. Он только к каждому слову приклеивает ярлычок «русский».

У Бердяева очень меткая характеристика русского народа. Бердяев приводит крайности, которым отвечает русский народ. Но при этом он говорит, что русскому народу никогда не было свойственно быть буржуазным. Он считает, что можно сделать такой вывод на основа-

нии отношения русского народа к частной собственности. Нельзя сказать, что наш народ отрицает частную собственность. Наоборот, он совершенно с ней согласен. Дайте ему только возможность ее заработать или приобрести. Буржуазное идет ведь с Запада. Буржуа — это почтенный человек, самостоятельный, который кормит себя, кормит других. У нас же несчастная история: источником доходов был крепостной мужик. Вот в этом вся беда. Было не до буржуазии, не до буржуазности. А купцы, вообще-то говоря, были очень хорошим сословием, самым здоровым и правильным. Были и купцы малокультурные. Больше бы культуры купцам, больше бы грамотности, и глядишь, получилось бы из них сословие лучше, чем западная буржуазия; что-то свое было бы. Бердяев рвет то, что не нравится нашим интеллигентам. Бердяев — человек размышлений и книг, и слово «буржуазный» его не устраивает. Впрочем, это слово никому не нравится. Хотя, чтобы быть буржуазным, надо все-таки много работать и много думать. А этого господ интеллигенты, к которым обращается Бердяев, не хотят.

Конец «Русской идеи» совершенно верный: наши огромные пространства определили и нашу душу, и наш характер, и наши отношения, и ту жестокость, которая царила. Это давно уже освоенная мысль. Я тоже жестокость нашего народа целиком связываю с нашими просторами. Я говорил уже в связи с этим о лаптях. Историки тоже выдвигают эту причину. О ней же и Чернышевский. Отсюда страшная задержка крепостного права.

Оценка Бердяевым царствования Николая I: «жуткий режим прусского юнкера». Но выскакивают у Бердяева и верные мысли. Впечатление, что он их где-то прочел и согласился с ними. Но он очень редко говорит, что это принадлежит другому, редко ссылается на кого-то. Совершенно правильная в его книге мысль, что «рыцарство не развилось на духовной почве православия». Это несомненно так. Я убежден в правильности этой мысли, и это одна из причин моего положительного отношения к католицизму. И конечно, до меня были десятки, если не сотни людей, которые в этом были тоже убеждены, читая Бердяева. Но непонятно, почему «подвиг непротивле-

ния — русский подвиг. Опрошение и уничтожение — русские черты». Как же при таких громадных пространствах, при необходимости защищаться от врагов, отбиваться от них и завоевывать земли мы могли быть непротивленцами? Конечно, имеется какой-то слой юродивых людей, странников, для которых главное — «принятие поношения от людей». Такие люди в монахи идут, в духовных сословиях безусловно есть такие люди. Черты, указанные Бердяевым, совершенно не характерны для русского народа. Бердяев определяет русских в крайностях как апокалиптиков или нигилистов. Тут он, видимо, зацепил довольно верно. «Известна склонность русского народа к разгулу, анархии при потере дисциплины», — пишет Бердяев. Вспышки, мятежи, бунты еще не доказывают этой склонности. И она находится в полном противоречии с непротивлением, приписываемым Бердяевым русскому народу.

Заключения следует делать на историческом материале. Тогда можно обозначить годы крупных событий, которые подходят либо для анархии, либо для потери дисциплины, либо для непротивления, либо для неизвестно откуда взявшейся силы и стойкости завоевывать. А просто так сказать об этом — бросаться словами, и как философ и мыслитель Бердяев подает плохой пример другим. С высоты своего величия он бросает крошки со своего барского стола: «вот получайте; тут русские анархисты, тут они непротивленцы, тут они блатари» — и тому подобное. И все это русское, русское, русское. К такому мыслителю невольно теряешь доверие. Он пишет: «Иосиф Волоцкий был за собственность монастырей» — и вообще вместе с Иваном Грозным устроил русское самодержавие. Говорится об этом у Бердяева с осуждением. Противопоставляет он ему Нила Сорского, нестяжателя. И тот и другой правомощны, если он говорит об апокалиптиках и нигилистах. Одна сторона души на одно направлена, другая на другое. Чтоб быть апокалиптиком, надо иметь державу, власть, страну, а чтобы быть нигилистом, можно жить в анархии и быть бессребреником. В пределах души человек имеет и Волоцкого и Сорского. Бунты в нашей истории — проявление нигилизма, а самодержавие — нашей апокалиптической стороны. Так

будет логично и не нужно будет осуждать Волоцкого и Грозного, ибо они — наша натура. Бердяев считает, что третий Рим придумали и отвечает это, оказывается, мессианской струе. Может, мессианская струя тоже связана с апокалиптикой? Наверное, так.

Приведу еще некоторые мысли Бердяева. «Царь был признан наместником Бога на земле». Почему же мы так против Папы Римского, который считает себя только викарием Христа? «...церковь была подчинена не только со времен Петра Великого, но и в Московской России. Понимание христианства было рабье». Мораль Домостроя — низкая мораль. Стрельцы, оказывается, были раскольниками. Но не все, ибо «обнаружили огромную способность к общинному устройству и самоуправлению». «Самозванство — чисто русское явление». Суждения эти не в голове Бердяева родились, а взяты из книг, и следовало бы ссылаться на них. Тогда это имело бы большую ценность. Одно дело, когда у Бердяева догадка о самозванстве, другое — если оно исторически проверено и сопоставлено с другими народами.

Иногда замечания Бердяева совершенно правильны. Русские черты: «простота, грубость, нелюбовь к церемониям, условностям, этикету, своеобразный демократизм, любовь к правде и любовь к России». «В Петре были черты сходства с большевиками». Ссылается Бердяев на Шапова, отразившего то, что бытовало в мнениях о расколе. Бердяев говорит, что «образование народа считалось вредным и опасным». Интересная параллель: «Ломоносов был гениальным ученым, предвосхитившим многие открытия... Но его одиночество среди окружающей его тьмы было трагическим». Он же спился, и очень рано. Умер от запоя.

Бердяев считает, что «мистическое масонство было враждебно просветительной философии и энциклопедистам». Это следует доказать.

Дань Бердяева марксистскому освещению истории. Такая, например, строчка: «ужас жестоко подавленного восстания декабристов Николаем I». И дальше он говорит, что в девятнадцатом веке «в тридцатые годы у нас происходил выход из невыносимого настоящего». Конечно, излюбленная идея не только Бердяева о том, что

когда «у нас окончательно сформировалась левая интеллигенция, то она приобрела характер, схожий с монашеским орденом». В конфликте русской души с империей «права была интеллигенция». «...Она пыталась уйти от непереносимой грусти русской действительности...»

«Русское мышление имеет склонность к тоталитарным учениям и к тоталитарным мирозерцаниям». Наверное, он имеет в виду большевизм, говоря о русской склонности к тоталитарным учениям и к тоталитарному мировоззрению.

* * *

По национальному вопросу белая эмиграция, которую клюют самостийники, до сих пор не сумела создать какую-то концепцию.

В «Континенте»⁵¹ много статей чехов, поляков, венгров. Я их не все читал, но а priori подумал, что, наверное, в национальном вопросе этот журнал разобрался и, во всяком случае, какая-то линия у него наметилась. Действительно, с одной стороны, на него нападают за то, что он якобы хочет Россию по частям раздать, а с другой стороны, самостийники его ругают за то, что он именно не говорит об этом в полной мере. Так что в общем определенной линии у него нет.

В Нью-Йорке Иосиф Гуревич издает журнал «Факты и мысли». Он — союзник самостийников и оголтелых людей, которые любой ценой хотят отделиться и затем пановать самим. О том, что из этого получится, они не думают.

Национальный вопрос нуждается в глобальном решении, например данном в «Обществе Независимых». Прежде всего следует совместно освободиться от режима, то есть совместно вести с ним борьбу. Никакой при этом драки и междоусобицы. Когда цель будет достигнута, то начинать устраивать жизнь надо тоже совмест-

⁵¹ Журнал, издававшийся в Париже Владимиром Максимовым.

но, без всякой дележки территории. Важно мирно, дружно пережить тяжелый переходный этап. Возможно, при этом придется отразить натиск Китая или какой-нибудь иной страны. Когда жизнь будет налажена, возможно провести разъединение, о котором я уже говорил, с помощью плебисцита, референдума. Люди взвешивают заблаговременно то и другое решение. Очень много данных за то, что они на первых порах останутся в федерации. Когда мир подойдет к Обществу Независимых, тогда, возможно, разделятся американские Штаты, Бразилия и Китай. В последнюю очередь разделимся мы на удельные княжества, и произойдет это наиболее мирно, разумно и с наименьшим пролитием крови.

Я хотел бы отразить нападки на русских в «Фактах и мыслях». Жаль, что «Континент» не ответил. Для этого не нужно иметь глобальной концепции, а надо хотя бы элементарно знать историю без придумок и уметь делать выводы. Октябрьский переворот в России и все последующее в основном сделали не русские, а евреи, латыши, поляки, башкиры, красные татары, пленные. Но русские ввиду своего большого числа несомненно в этом деле участвовали. Пленных было более двухсот тысяч. Чехословацкий корпус помог советскому режиму. А из кого состояли все продотряды? Кто отбирал хлеб? Кто расстреливал? Сколько китайцев там было?

Беда русских, что они не отразили готовящееся, что они были в растерянности, что их разложила к тому времени образовавшаяся интеллигенция и знать. Не было умных людей, которые занимались бы сохранением России, а негодяи своей болтовней разрушали все и вся. Вот в чем наша беда, вот за что мы несем полную ответственность. В минуту испытаний нашлась только горстка героев Белой армии, остальные сидели по домам и соблюдали какой-то нейтралитет. Объяснение есть и для этого. Но дело не в объяснениях. Когда грозный час Истории пробивает, надо забывать о всяких обидах и наводить порядок. Это не было сделано. Вот за это русские несут полную ответственность... *(Обрыв записи.)*

Только при Ленине мы потеряли двадцать миллионов человек. Процентное соотношение русских могу только предполагать, но думаю, что их было процентов восемьдесят. Русские были первыми жертвами. В большинстве случаев и чиновниками, и священниками, и офицерами, и купцами, и промышленниками, и заводчиками, и всякими политическими деятелями были великороссы. И в эмиграцию ушли в основном тоже великороссы. Они были самой культурной, самой главной составной частью народа. Ее-то прежде всего надо было сокрушить. Поэтому первый и самый страшный удар был нанесен при Ленине по великороссам. В течение всех двадцатых годов и по-настоящему до тридцать седьмого года русские были под знаком истребления, нажима, презрения. Показательно, что Бухарин⁵², будучи членом Политбюро, говорил, что русские — это нация обломовых. Вот такую чушь нес.

География переворота. Большевики прежде всего захватили Великороссию — Москва, Петроград, ряд других русских городов с самого начала были в руках большевиков. И все последующие мятежи были в основном в русских городах. Их подавляли. ЧК там свирепствовала. Во время гражданской войны голода не было ни на Украине, ни на Кубани, ни на Дону, ни в Сибири, ни на Урале. Туда ехали спасаться от голода, тифов, холеры, продрозверстки, искусственного выкачивания хлеба из деревень российских и содержания людей в голоде, в холоде. Вот как было все устроено. Русские понесли самые страшные потери именно в первые ленинские годы. И очень характерно, что голод-то был в России. Потом, после Ленина, в двадцатые годы, если какая-нибудь нация бунтовала, то опять выкачивали средства из России. Говорили, что Россия национально ее угнетала и поэтому надо за счет России все опять строить, создавать какие-то ценности в Грузии, Армении, в разных других местах.

⁵² Николай Бухарин — советский партийный и государственный деятель. В 1938 году был расстрелян по делу правотроцкистского антисоветского блока. Посмертно реабилитирован.

Гуревич и украинские самостийники говорят, что русских не вымаривали. Неверно это. Русских в первую очередь вымаривали. В гражданскую войну, во время Ленина, прежде всего русские понесли потери. Сплошь русские погибли от страшного голода в Поволжье. Было уничтожено тогда по крайней мере десять миллионов человек. Об этом почему-то «Факты и мысли» забыли. Истребление русских, ведущей части страны, шло непрерывно до середины тридцатых годов. Их продолжали уничтожать и все тридцатые годы, но в это время начали шерстить и другие нации. Но поскольку не по ним был нанесен основной удар, они все-таки сохранились в лучшем состоянии. Верно, что с тридцатых годов начинается какое-то национальное движение на Украине. Но за нее начинают браться так, как брались за русских. Ничуть не больше.

Страшный голод, который Сталин организовал на Украине, был реакцией на поведение украинцев. Если русские устроили бы такой саботаж с колхозами, то им устроили бы то же самое. Но саботаж устроили украинцы, потому что у них к тому времени больше сохранилось смелых, миролюбивых людей. В русских селах все они были уже истреблены. Русская деревня была сломлена раньше украинской. Чудовищный Сталин решил, во-первых, сломить сопротивление, во-вторых, установить колхозный режим во всей стране. И Украина в данном случае была одной из основных бестий, которая сопротивлялась. Решили сломить это сопротивление украинцев голодом. Но так же поступили с казаками. Ложь, что уничтожали только украинцев. Плановмерно уничтожили все казачьи войска, которые, за исключением кубанских, состояли сплошь из великороссов. На Кубани действительно выходцы из запорожцев составляли половину войск. Естественно, что уничтожили в них всех — и русских, и украинцев. На Кубани, на Дону коренного населения не осталось почти совершенно. В двадцатые годы красные войска прошли по басмачам. В Казахстане Буденный со своей конармией навел порядок. Такой же, как позже навели на Украине. Казахи имели скот и не желали отдавать его колхозам и им подчиняться. Вот и вырубил добрую их половину.

Грузия процветала по сравнению с другими областями. Разве можно сравнить положение Грузии и какого-нибудь коренного нищего русского города? И процветала она опять-таки за счет России или за счет своего особого положения в ней. Разве можно сказать, что русские грузин угнетали? Скорей наоборот, грузины угнетали русских.

Остальные народности — башкиры, мордва, татары, черемисы — находились в таком же положении, как и русские. И даже несколько лучше, ибо все время подчеркивали, что они были угнетены, и за счет русских им разные средства перебрасывали.

Меньше всего я собираюсь защищать сталинскую национальную политику с ее переселением народов, их истреблением, геноцидом. Возмущаюсь ею не меньше, чем «Факты и мысли», и предаю ее анафеме. Но русские к этому никакого отношения не имеют. Русская колонизация была всегда самая мягкая, самая человечная, поэтому народы в Российской империи не бунтовали. Даже из английских колоний смотрели с надеждой на Российскую империю. Полное непонимание у редактора «Фактов и мыслей» старой России. У каждого народа свои исторические задачи. Россия решала свою историческую задачу. Она должна была отстаивать себя, расширять свои владения. Если Россия этого не делала бы, то делали бы это за нее поляки, немцы, китайцы. Все великие народы на данной исторической ступени расширяли свои владения.

Гуревич говорит о жестокости русских при взятии Варшавы Суворовым, который отдал ее на разграбление армии. Наша армия не была более жестокой, чем другие. Турки перерезали три или четыре миллиона армян. А в Россию армяне стремились, Россия их защищала. Грузины сами перешли к нам, напросились. Не пришли бы, под турками были бы и их, как армян, перерезали бы. Маленький журнал «Факты и мысли» сеет злость, ненависть. Может, «Континент» ему ответит.

В целом надо сказать так. Русский народ принял самый страшный, самый сокрушительный удар начиная с семнадцатого и по тридцать седьмой год. Эти двадцать лет пошли на уничтожение его силы, его сопротивля-

смости, его могущества. Первые десять — пятнадцать лет советской власти остальные народы не то что не шебаршились, но, будем говорить, на нее внимания просто не обращали. У них не было ни господствующей религии, ни истории. Вытравлять особенно нечего было. Их подкармливали. И у всех этих народностей силы сравнительно сохранились. Обрушились на тех, кто сопротивлялся, когда началась коллективизация. Больше других сопротивлялись украинцы, русские казаки (на Кубани только половина населения была украинской), а также калмыки и казахи. Вот до них и дошла очередь: режим устроил голод на Украине. Но о первом голоде в Поволжье журнал «Факты и мысли», как я уже сказал, странным образом забыл.

В «Фактах и мыслях» говорят про маленькие народы, которые были поработаны, в частности про поляков. При этом журнал забывает историю. Поляки не маленький народ; в Смутное время они чуть Россию не захватили. Но отбились от них русские. Вопрос борьбы — это вопрос соотношения сил. Раздел Польши — это вопрос большой политики. И надо обвинять в нем в первую очередь Германию и Австро-Венгрию, которые, конечно, были намного впереди России в культурном отношении. Они произвели раздел, а Россия к ним присоединилась и наименьшую вину за него несет. Она дала тогда самую большую свободу полякам.

Большой народ и латыши, а сколько они вреда наделали. Ведь они поддержали Ленина, его режим. Если не было бы шестидесяти или восьмидесяти тысяч латышских стрелков, которых бросали на все направления и которые поставляли чекистов, охраняли Ленина, большевистская держава не удержалась бы ни в коем случае.

Винить надо в первую очередь те народы, которые создали этот режим. Это были латыши. Частично к ним эстонцы присоединились. Евреи, китайцы, поляки пошли служить в ЧК; также военнопленные и люди, принадлежавшие к маленьким народам, которые тоже по своему мстили русским. Много делалось из соображений мести. Но мстью нельзя решить ни одного вопроса. Ты продался этому режиму, сделал для себя какое-то

приобретение, а затем расплачиваешься черт знает как: кабалой, последующими твоими поражениями, пленением, рабством.

С. Рафальский — путаный человек, левых взглядов, бывший эсер, ненавидит всех вновь прибывших; ему уже почти восемьдесят пять лет. Но в данном случае он написал статью правильную⁵³, тон подобрал хороший. Настоящих выводов он не сделал, но к ним довольно умело подводит, и сделать их легко. Напрашивается вывод, что никакой самостийности поддаваться не следует. В какой-нибудь африканской колонии жили под французами или англичанами. До ее освобождения от них был там порядок, мир, развивались промышленность и сельское хозяйство, культура какая-то появилась, жители иностранный язык знали, миссионеры им проповедовали, людоедства не было, войн между племенами не было — одним словом, строго говоря, была благодать. Но, конечно, всегда есть кучка активных, злых людей, главным образом молодых, которые работать не хотят, а хотят иметь власть и распоряжаться другими людьми. И собственно, этой прослойке нужно под видом какого-то освобождения устроить свою колониальную власть хуже в десять раз, чем она была, и установить там свою кровавую диктатуру. Почему они идут на поводу у коммунистов? Почему они легко соглашаются с ними? Потому что коммунисты им дают оружие, своих инструкторов. При этом они требуют от них подчинения, но на это молодчикам наплевать, равно как и на идеологию коммунистов. Они живут без всякой идеологии. Им важно побольше нахапать, иметь дворцы, средства. Если для этого надо советские порядки наводить — пускай. А народ — черт с ним. Вот такое положение. Не надо поддаваться мнению, что сейчас такая эпоха, когда всем хочется быть самостоятельными. Все это ерунда. Зло-

⁵³ С. Рафальский. Беда века. Континент, 1977, № 11.

вредных людей, которые хотели установить свои порядки, раньше вешали, к стенке ставили, а сейчас они даже в моде, их поощряют, а чуть что не так — они же обвиняют белых в расизме, колониализме и прочем. Так что люди из белой большой державы пошли на поводу у горланов, которым просто шею вовремя не скрутили.

Напрашивается аналогия с нашими самостийниками, галичанами, бандеровцами. Пускай они себе устраивают, что хотят. Но на кой черт они баламутят всех, натравливают людей на русский народ, вместо того чтобы вести борьбу с советской властью? Самоопределение нужно самостийникам, одержимым властолюбцам, тем, у кого болезненное самолюбие, комплексы. При нормальной, хорошей власти большая держава имеет гораздо больше преимуществ, чем какая-нибудь маленькая Литва, которая в конечном счете будет зависеть от всех соседей.

Рафальский правильно говорит, что литовцы с поляками жили как кошка с собакой. Когда они были внутри Российской империи, были у них мирные, дружественные отношения с русскими; когда стали жить отдельно, стали их злейшими врагами. Европейцы проиграли начисто колонии, которые в подавляющем большинстве случаев получили видимую самостоятельность. Сколько там людей вырезали после ухода колониалистов, какое там людоедство началось, какая кровожадная месть, какие страсти разгорелись! Разве можно поддаваться на разговоры самостийников? Это не дух времени, а использование слабости времени. Сплошные иллюзии. Надо сначала освободиться от режима, наладить жизнь, а потом, когда люди поймут все преимущества жизни совместной, пускай им докажут преимущества жизни отдельно от других народов. И докажут покойно, вдумчиво, без страстей.

Характерно, что «Континент», который обязан был национальный вопрос как следует разрешить, написал в предисловии к статье Рафальского, что не разделяет его взгляды по польскому вопросу. На какой же он позиции?

Самостийникам надо очень резко ответить и показать им, что их политика, в сущности, делает их союзниками режима. Они не хотят с режимом бороться, они хотят заранее все развалить.

Нилов в статье «Голос из голоса»⁵⁴ обрушивается на Пирожкову, Ильинского, Бориса Солоневича за их примитивный антикоммунизм и считает их ненавистниками России. Любовь и приверженность Нилова и его компании к России приводит к тому, что они совершенно забывают о советской власти или делают вид, что она для них не существует. Для них существует Россия. Не важно, что там сейчас правят бандиты. Рассуждают Нилов и его единомышленники так, будто ничего не случилось. В статье, направленной на этот раз против Крачковского, Нилов ссылается на авторитет Льва Тихомирова. Но Лев Тихомиров писал до того, как в октябре 1917-го произошла катастрофа в нашей стране. Как можно предлагать советы Тихомирова теперь, когда Кремль проводит террор на всей земле? Только после того, как мы избавимся от советской власти, мы заслуженно получим то, что останется от нашей матушки России. Мы столько натворили и у нас такая огромная ответственность перед миром, что надо потерять всякое чувство реальности, чтобы еще после этого мечтать об империи «от можа и до можа»⁵⁵. Нанести столько вреда, столько уничтожить людей, такую волну мерзости, ненависти, плюрализма пустить в мир и после этого как ни в чем не бывало вернуться к старому! Будет у нас теперь милое православие, самодержавие, народность. Чистое девятнадцатое столетие будет, когда действительно и Англия себе создавала империю, и Франция, а Америка и Германия за ними поспешали.

В нашем веке случилось так, что империи сами разрушились и рассыпались, может, даже немножко несвоевременно. Ничего хорошего из этого не получилось. Но маловероятно, что после того, как власть советская будет уничтожена, все согласятся, чтобы опять была империя, на этот раз одна-единственная.

⁵⁴ «Свободное слово Карпатской Руси», орган карпатороссов, 1980, № 1-2; 3-4.

⁵⁵ От моря и до моря (*лальск.*).

II

«ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ» ДОМБРОВСКОГО

Писателю гораздо легче и свободней, если он описывает какую-то отдаленную эпоху, и тогда, наверное, он получает критику каких-нибудь историков. Если писатель привязывает события своего произведения к определенному году, то тем самым он берет на себя очень большую ответственность и отдает себя на суровый суд современников. Домбровский привязывает свою вещь к тридцать седьмому году и несколько раз это подчеркивает. Поэтому он сам себя сечет. Жаль, потому что человек он очень талантливый, мыслящий, чувствующий, и его книгу читаешь с большим интересом. Сожалею, что смещены именно годы, события и их атмосфера. Для человека, который сам их пережил, нестерпимой фальшью звучат отдельные места книги.

Домбровскому надо было привязать события к тридцать девятому — сорок первому годам, то есть ко времени, когда ежовщина кончилась и Берия начал свои дела. Немножечко было уже полегче, ежовский разгул был позади, даже произошло освобождение кой-кого из тюрем, и сменили в это время большую часть следователей. Это был момент обновления и затишья, временного затишья, конечно, перед очередной бурей. Если бы Домбровский связал события своей книги с этим временем, тогда, может быть, часть возражений отпала бы.

Как мы знаем, в тридцать седьмом камеры были переполнены, буквально забиты; люди стояли, сидели, ле-

жали друг на друге. Поэтому описываемые события можно отнести к тридцать девятому году: тюрьма разгружена, следствие ведется ни шатко ни валко.

Во времена Ежова голодовка рассматривалась как саботаж против следствия, и некоторых за нее расстреливали без суда. А тут приходят врачи, сейчас же голодающему вызывают прокурора. Да такого никогда не было! Это придумано. В самое спокойное время, уже после Сталина, прокурор являлся через пять-шесть дней, а то и через недельку.

Свидетеля вызывают в НКВД, в спецотдел, и он с собой мешок яблок проносит, который принимает следователь. Ужас какой-то! Зарисовка Сталина тоже не по тридцать седьмому году. Только в лучшую свою пору, когда Сталин хотел казаться мудрым и добрым, его можно признать в том виде, как изобразил его Домбровский. А в тридцать седьмом году Сталин подписывал все списки, рвал и метал. Домбровский, правда, что-то вскользь о списках пишет: списки лежали у Сталина на столе, но неизвестно, подписал он их или просто просмотрел. Начальник оперативного отдела Гуляев — человек добрый, вдумчивый, обо всех заботится. Откуда это? Ведь чекисты были звери, первые палачи, которые не то что из мухи, а из ничего делали слона.

Изображенный поп — чистая фантазия. Таких попов не было. Не было таких людей, которые выдержали бы лесоповал, годы работы на Колыме. Там еще возможно было выдержать в санчасти, но так бы Домбровский и сказал. А другой его герой говорит про свои стальные мускулы; он прошел через всякие лесоповалы, руду добывал, тачку катал. При этом он врач, умнейший человек, нисколько не потерял своего разума, свою память не ослабил, цитирует тексты. Тоже выдумка сплошная. Его образ — неудача; он — украшение, неживое лицо, литературный персонаж. Домбровский что-то подводит под Евангелие, пытается дать аналогию, предателя ищет в Евангелии. Буддо на наседку⁵⁶ не тянет, слишком уж

⁵⁶ Осведомитель, которого специально подсаживали в следственную камеру.

хороший, а вместе с тем его надо понимать именно как наседку. Наседка — это ведь такая гадость, такое падение человеческое, а Домбровский хочет соединить наседку и человека со светлыми, хорошими мыслями. Он вводит читателя в заблуждение. Если же Буддо не наседка, то надо было это объяснить.

Корнилов тоже неживая, придуманная фигура. Человек отбыл уже срок по пятьдесят восьмой. Такого человека вербуют в стукачи запросто. Серия угроз, вторичная посадка, всевозможное давление: уволят с работы, выгонят, посадят в лагерь. А в книге какая-то тончайшая психологическая обстановка. Его обхаживают, ему туры подпускают, попа с этой целью используют, а потом поп куда-то скрывается. Невероятно все это. Несчастный Корнилов становится стукачом в результате сложнейшей психологической обработки и громадной затраты сил со стороны этого попа, который ему какие-то чрезвычайно глубокие мысли сообщает о Евангелии, о том, что там следствие, что Понтий Пилат был тем-то, а какой-то еще ученик предал Христа — одним словом, подвели под него всё; можно подумать, что самого Бухарина в стукачи обращают.

Поп в своих рассуждениях подозревает, что был второй ученик-предатель у Иисуса Христа, и ссылается на довольно примитивное правило, что надо всегда иметь двух свидетелей. Во-первых, когда осудили Христа, весь синедрион был свидетелем тому, что, когда первосвященник Ему задал вопрос, является ли Он Богом, Он ответил: «Да». Толкование Евангелия Домбровским совершенно произвольное: придумывай, говори все, что угодно, потом делай свои выводы. Надо найти такое место в Евангелии, где был бы хоть тончайший намек на то, что был еще тайный предатель. Но Евангелие с предельной суровостью описывает всех учеников; никаких намеков насчет тайного предателя в нем нет.

Старик грузин, очень благородный, сильный, выносливый, дан, видимо, чтобы показать Сталина. Опять же для тридцать седьмого года такой Сталин немыслим. Он освобождает этого грузина, какие-то речи доброжела-

тельные произносит. Тигра надо показывать как тигра, а не как вегетарианца. Замысел интересный, но надо было его суметь прицепить. А если правильно прицепить, то следовало показать, что грузина выдвинули и затем к стенке поставили. Это было бы больше в характере Сталина. А Сталина в изображении Домбровского ни к тридцать седьмому году не привяжешь, ни к какому другому.

В книге совершенно нет атмосферы ужаса в стране. Следовательно кончает в шесть часов вечера работу. Ночами за него какие-то будильники работают. Может, это какой-то переходный период между Менжинским и Ягодой, когда какой-то отрезок времени спустя рукава работали. Но в тридцать седьмом это невероятно. Намека нет на все эти конвейеры, битые, отвратительную ругань, пытки, ежедневные расстрелы, о которых мы знаем. Зыбина, из которого хотели сделать главное действующее лицо какого-то большого процесса, пальцем никто не тронул. Почему? Только что в центре все процессы прошли, чекистам было известно, каким образом они прошли и что для этого надо делать; у них приказ уже был расписан о применении активных допросов. Ничего об этом. Правда, Домбровский делает ссылку на следствие Каракозова⁵⁷. Но неужели Каракозова можно приводить как пример? Так было всегда в России, что ли? Это же вранье. Сталинскую эпоху определило ведь не прошлое России, а безбожие!

В тридцать седьмом году невозможно было, чтобы тюремщики нянчились с главным заключенным, который распоясывается, клеймит их всюю, ругает, поносит. Его сейчас же забили бы, из карцера не выпустили бы. А дело Зыбина на Особое совещание⁵⁸ не выходит, на трибунал тоже, придется его в суд передать. Да кто об этом говорил в тридцать седьмом? На Особое совещание всякий человек мог попасть. А Зыбин обличил

⁵⁷ Член тайного революционного общества ишутинцев в Москве. Неудачно стрелял в 1866 году в императора Александра II и был повешен.

⁵⁸ Особое совещание (ОСО) при НКВД СССР.

тельные речи вел, поддевал следователей. Можно было подвести его под что угодно, под агитацию, и сразу он получил бы десять лет в самых тяжелых условиях. А если, как они умели делать, к этому еще прибавить, что он применил террор, что следователя терроризировал, то это расстрел. Любая его фраза — готовая 58-10. И следователь Хрипушин оформил это дело как агитацию, по 58-10. У Зыбина готовая судьба: на Особое совещание — и восемь лет. А вместо этого его, видите ли, выпускают на волю. Что за детский сад!

Какой-то заведующий музеем, оказывается, едет в Москву, добивается приема и кого-то трогает своим участием. Такой защитник в тридцать седьмом до порога следователя, до райкомовского кабинета не дошел бы.

У рыбаков нашли золото и взяли какие-то баночки с ним, а людей отпустили, и все. Так же нельзя. За золото весь этот рыболовецкий совхоз сидел бы в подвалах НКВД и на конвейерах давал бы показания.

Не очень убедительно показан Штерн, который должен был, вероятно, быть знаменитым Шейниным, прокурором и писателем. Он днюет и ночует в Алма-Ате: там его брат (так он зовет его, хоть он ему седьмая вода на киселе), племянница. В общем, семейная обстановка, которая не для тридцать седьмого года. В то время было очень опасно свои родственные отношения показывать; их старались как можно глубже запрятать. Здесь Домбровский маху дал.

Троица — сам главный герой Зыбин, поп и Буддо — чисто литературные персонажи, которые ни в тридцать седьмом году, ни позже не могли существовать. Их надо было дать для каждой эпохи по-особенному.

Под конец — трио гневных: разжалованный чекист Нейман, стукач Корнилов и освобожденный по непонятному стечению судеб Зыбин, на которого только что на следствии давили, чтобы из него сделать зека или, может, еще покрепче — крупного деятеля. Они мирно пьют, разговаривают. Надо еще доказать, что это так. Конечно, исключительный случай может быть, но обычно зек и стукач не находят ничего общего. Это вода и пламень. Скорей допускаю, что интересно поговорить

со своим следователем. Это еще возможно. Но привлечь стукача — это литература, вымысел, что-то совсем не то.

Сегодня на прогулке меня резануло, вспомнил опять главного следователя, начальника следственного отдела Неймана с лицом младенца. Это же чушь; Домбровский изобретает. Рядовой следователь, который провел хотя бы одно следствие с битьем и пытками, преобразается; на его морде это запечатлено. Домбровский пишет, что этот начальник следственного отдела — мясник. В духе того времени два негодяя из этого трио — начальник следственного отдела и Корнилов — сговорились бы друг с другом, чтобы завлечь Зыбина в ловушку: вызывали бы его искусственным образом на разговоры, чтобы завалить, посадить. Придумка, что они просто встретились, поговорили и разошлись. Такую оценку, да еще более обстоятельную, мог бы дать любой из нас, зеков. Приговор людей самой эпохи, знающих и бывалых, сильнее всяких ухищрений литературоведов и критиков.

Ряд событий можно было бы еще спасти, если бы их из тридцать седьмого года перевести в тридцать девятый. Но большая их часть не могла произойти ни в тридцать девятом году, ни вообще в СССР и может быть отнесена к какой-то другой исторической эпохе. Читатель введен писателем в заблуждение.

Возникает важный вопрос: в каких пределах писатель может быть сочинителем и в какой мере он обязан говорить правду, то есть в какой мере его произведения должны отвечать, соответствовать вещам? Настоящий писатель должен все явления, которые были или могли быть, подчинить закону движения вещей, а для этого хорошо знать действующую густоту и взаимодействие с ней густот, которые ее окружают. Это означает, что разрежение действующей густоты должно быть выражено в соотношениях, характерных для данной эпохи, то есть тех, которые многократно в ней имели место, повторялись. Тогда произведение будет правдивым и правильным. Если при этом писатель обладает литературными способностями, как Домбровский, то произведение бу-

дет высокого художественного класса. Особый прибор восприятия искусства, который вложен в человека, не будет возмущаться, отталкиваться от произведения; оно не будет его оскорблять, вызывать у него плохие мнения и чувства; все будет гладко и хорошо. Предложенное правило должно распространяться на все эпохи. Даже если вы пишете об эпохе древнего мира, будьте добры, проникните в нее, читайте книги этой эпохи, сумеете перевоплотиться в ее людей, поймите их чувства, их отношения, их особенности; иначе получится фальшивая вещь.

Поэтому не нужно удивляться, что человек с уже сложившимся вкусом творит такой строгий суд. Он творит его не потому, что хочет, чтобы все было реально. Вещь может быть и мистической, но мистика писателя должна тоже отвечать внутренним законам, которые ему следует постичь, дабы не оскорблять внутреннего прибора, которым читатель воспринимает написанное. Наше мышление пронизано законом движения вещей, законами развития, и в наших оценках даже бессознательно мы опираемся на эти законы. А они властно требуют правильного понимания разрежения густот, имеющих место в тех явлениях, событиях, которые писатель описывает и мы воспринимаем. Под прибором нашего восприятия надо подразумевать Я человека, то есть монаду его души. Судит она.

Над произведением следует выносить строгий суд. Ведь произведение может иметь большой успех, но вдруг о нем совершенно забывают. Как интересное чтение, подбор интересных положений, всяких происшествий, разговоров оно привлекало внимание публики. Однако внутренняя правда, соответствие разрежению местных густот в нем не имели места, отчего такое произведение — однодневка, только для одного поколения. Выдерживают испытание временем те произведения, где правильно подмечено, как развиваются густоты. И наш строгий суд в этом направлении — правильный суд; он иногда опережает суд историков.

Исключением из этого правила надо считать класс

произведений, который построен на искажениях. Это в первую очередь сатира, «гомор и клоунада», как говорил в свое время наш неграмотный лагерный прораб. В «Золотом теленке» мы заранее знаем, что за вредители сидят в сумасшедшем доме. В ужасной и печальной советской действительности на одного сумасшедшего приходилась тыща людей, которых действительно жизнь свела с ума и туда загнала. Так как Ильф и Петров изобразили это весело и остроумно и искажения даже подчеркивают трагизм положения, то их роман существует и пережил себя. Мое поколение его восприняло, старшее поколение восприняло, теперь его восприняло поколение наших детей и наших внуков. Эта книга живет. Доказательство, что там, где искажения допустимы, наш прибор не возмущается. Мы только заранее знаем, что это жанр искажительный.

А с тройкой гнедых прибор возмущается, потому что произведено искажение основ. В самом деле, для человека, который знает эту эпоху, непостижимо, как мог Зыбин, который только что выскочил из подвала, пойти навстречу своей гибели, то есть одновременно вести разговор со следователем ГПУ Нейманом, который разжалован и дрожит за свою шкуру, и новоявленным стукачом Корниловым. Один срок Корнилов уже отсидел по пятьдесят восьмой статье. В тридцать седьмой и тридцать восьмой посадка шла по пунктам, по особым спискам. Сорок восемь категорий надо было забрать. Среди них были все, кто уже сидел по пятьдесят восьмой. Поэтому Корнилов безусловно должен был быть посажен. И, зная это, а не зная этого было невозможно, он должен был дрожать за свою шкуру и всячески стараться себя проявить. Зыбин, который уже достаточно насиделся, наслушался и понял природу стука, должен был как огня бояться их обоих. Встреча с ними была для него смертельной. Потому что они обязательно сейчас же на него напишут документ, обвинят его не только по пятьдесят восьмой, то есть за разговоры, а приклеят ему, что им нужно. И грубая ошибка Домбровского — допущение совместного разговора этих трех персонажей. Тем более что этот разговор в конце книги и как бы ее венчает. Удивителен альянс негодяя

следователя, падшей твари, стукача и зека, который каким-то путем выкарабкался из преисподней, но, несомненно, опять полетит туда. Ведь Домбровский, кажется, сам был в лагере; как же он мог такие глупости написать? У него было стремление изобразить стукачей и следователей не как зверей, а как обладателей даже особых добродетелей. Это какая-то сделка с совестью, подделка, подтасовка вещей. Нет, следователи и стукачи совсем другие. А в тридцать седьмом году особенная их порода была.

Посаженные чекисты были сконцентрированы в Соловках. Об одном из них мне рассказал работавший там лагерный врач. Чекист этот прекрасно знал, что ему пути не будет, что его сюда привезли и отсюда он уже не уедет, и жаловался врачу, почувствовав к нему доверие: «Знаешь, я, если не заложу человека, жить не могу. Меня всего трясет». Это — действительно душа чекиста. Но разве Нейман себя так вел? А именно так он должен был бы себя вести, если принять версию, что его выкинули из органов в тридцать седьмом, но пока еще не посадили. Он рвал бы и метал бы, делал бы все, что-бы выслужиться. И конечно, выслужился бы в первую очередь таким путем: завлекли бы с Корниловым они этого несчастного Зыбина, заложили бы его в два счета, выдумали бы про него все что угодно. А даже если этой встречи не было бы, то подстроили бы какую-то минутную встречу и накатали бы потом на него. Это было бы верно. А вместо этого прокурор замечает, что начальник следственного отдела Нейман, этот мясник, проявляет совершенно несвойственную ему мягкость к Зыбину. Вместо того чтобы подвергнуть его пыткам, посадить в карцер, он говорит, что придется поставить дело на ОСО. При этом прокурор делает предположение, что, наверное, Зыбин что-то знает, какой-то ожидается поворот сверху в политике. Если он говорит о тридцать седьмом годе, то поворот мог быть только в сторону пыток и всяких истязаний. Тут ошибки не могло быть у людей ни на воле, ни тем более в самих органах.

Домбровский — слабый психолог. В последней сценке

с трио надо было заглянуть в души людей. Сам факт, что я возвращаюсь и возвращаюсь к этой книге, что она меня беспокоит, говорит о том, что в ней — крупное нарушение густот. Можно было избежать фальши, отчего книга только выиграла бы.

Я удивляюсь, как Домбровский, такая умница, который как будто сам сидел, мог такую вещь написать. Возможно, он желал, чтобы ее обязательно напечатали в Советском Союзе? Отсюда переработка событий, самоцензура, обман читателя. Так и скажи: «Читатель, не верь мне. Я это написал с такой-то целью».

Многие писатели чаще всего начинают с описания собственной «жизнявки», ряд из них на этом останавливаются, дальше не идут. Творческое воображение писателя рисует тему и домысливает в характерах, настроениях, соображениях людей то, что он сам не видел.

Аксенов на самом примитивном уровне описывает свою магаданскую жизнь пятнадцатилетнего мальчика. Впечатление, что это первые робкие шаги писателя. Так еще можно принять эту вещь. Пока он описывает свою маму, себя самого, двух оперуполномоченных, видно, что он пишет о том, что видел и пережил.

Аксенов принадлежит к так называемому авангарду на ниве литературы и не упускает ни одной возможности, чтоб не привести какую-нибудь поганую, низменную подробность. Подлинная литература все-таки отличается от заборной тем, что у нее есть определенные заповеди для писателя, человека со вкусом, которого коробит, когда он употребляет не то слово. Тот, кто употребляет нецензурные, гадостные слова или описывает вещи, о которых не полагается вслух говорить, должен публиковаться в специальных журналах, предназначенных для патологии. В художественной литературе гадости не место. Поскольку «Аксеночкин» угощает читателя при первой возможности всякой мерзостью, то он уже не писатель, а отступник литературы, ренегат. Он даже подчеркивает, что у

него много будет впереди гадостей. Значит, он пытается дать читателю ответ на его возможные возражения. Но что дает ответ на гадости? У меня он вызывает отвращение. В грубой драке, в боксе есть все-таки запретные приемы, все же там употребляемые. В литературе тоже должен быть какой-то предел, ниже которого не бьют, и нельзя спускать писателю запрещенные приемы. Если писатель до этого еще не дошел, то он не писатель. Аксенов должен был все-таки очертить для себя круг дозволенного и не разговаривать на языке ссильных. Но он выступает как художник и новатор. Почему эти новаторы все такие грязные? Всё какая-то перематерщина, грязная сторона генитальных взаимоотношений в их изображении. Отвратительно. Писатель ведь должен своим произведением создать какое-то настроение и прежде всего правдиво описать вещи. Если он к тому же идейный борец, то он, может быть, даже вызовет у читателя ненависть, отвращение к своим врагам. Но уж во всяком случае не должен он вызывать омерзение у читателя к себе самому и своему персонажу. Это уж действительно на уровне патологии.

Аксенов описывает одного из оперуполномоченных так, как надо описывать племенного быка, и с теми же подробностями. О Господи! Я повидал на своем веку всех этих уполномоченных. Физическая сторона не то что не преобладает у них, но совершенно отходит на задний план в сравнении с их так называемой полезной деятельностью.

Аксенов описывает барак, где живет. Он назвал его санчастью. На Воркуте лагеря превращались постепенно в живые города. Насос, втягивающий людей, городом назывался. Я себе вполне представляю кусочек этого суть города, возникшего на болотах, который считали больницей для латышей. Десятки таких городов я видел в разных местах Гулага. Ну хорошо, пришли в дом, в санчасть. Какой дом? Что за дом? Как он устроен? Деревянный ли? Если деревянный каркас, но засыпной дом и засыпан он плохо, то из всех щелей дует. С полу должно просто нести. Все эти домики с их фундаментом, засыпкой заключенные делали через пень колоду, с туфтой, с отвращением. Об этом нет ничего у Аксенова. Можно

подумать, что была хорошая комнатка, где неплохо жили, и соответственно у читателя не создается впечатление, которое должно бы создаться.

И совсем полный провал у Аксенова с котельной. У нас в Вятлаге на пятом лагпункте был лесопильный завод с большой котельной. Эта котельная использовала отходы лесозавода, опилки, стружки. На втором этаже, где всякие трубы, краны, был для obsługi душ. В этом душе мылись вольнонаемные — бывшие зеки и кое-кто из расконвоированных зеков, в том числе и я. Несколько раз я там помылся, потом без остервенения не мог вспомнить об этом месте сплошной заразы, рассаднике вшей. Но эта котельная на территории лесозавода охранялась. Ни один из заключенных, кто работал на лесозаводе, не мог пройти туда и помыться. К котельной на Воркуте, которая давала отопление для всего лагпункта, тоже нельзя было подступиться. Это был большой кирпичный дом, который охранялся не хуже, чем любой лагпункт; кругом были вышки.

Мороз на Колыме был покрепче, и там должна была быть котельная и какие-то авральные этажи. Но в описании Аксенова котельная не имеет никаких очертаний. Кто-то пар туда напустил. Допустим даже, что там стирали и пар напустили. Ладно. Вход туда совершенно безнаказанный. Кто там — не поймешь. Раскаленная труба. Человек становится подметкой на трубу и не может устоять, настолько она горячая. А профессор сидит на этой трубе. Для кого он пишет такие вещи? Какие-то женщины стирают. Откуда они туда набежали? Почему такая горячая труба? Тепло так транжирить в лагере не будут. У чекистов все построено на боязни всяких взрывов, поджогов, диверсий, и они не простили бы себе, если не поставили бы у котельной охраны. Немыслимо. Возможно, что это заброшенная шахта, где зеки сами промышляли.

Аксенов соединил несоединимые вещи. Персонажи у него один дурней другого. Один из них чай заваривает и других потчует. Сидели вроде мирно, вдруг чай украли. Если чай украли, то это с концами. Чай в лагере — состояние. Бездарная мазня.

Я не поклонник Шаламова, он не раз придумывает,

чтобы сделать рассказ занимательным, но уж совершеннейшую чушь не пишет. События, которые на самом деле не разыгрались бы или он не знал, как они разыгрались бы, он давал для того, чтобы сделать законченный рассказ, чтобы читатель получил впечатление. И он его получает. Другое дело Аксенов. Драка блатаря должна иметь причины. А у Аксенова вдруг ни с того ни с сего драка как спектакль: двое молодых людей начинают кататься по полу, чуть ли не убивать друг друга. Затем почему-то все кончается и чай появляется. Это ж фантастика. Уж если зек украл чай, то можно быть уверенным, что этот чай уже далеко. Человек не только ускакал, но чай уже выпит. Попробую дальше читать, но думаю, что все в таком духе...

АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ

*

У Синявского четыре или, во всяком случае, три слоя, три ступени в его писаниях. Первая — Абрам Терц, вторая — Синявский, разумею здесь «Голос из хора», третья — камбальная, Синявский как камбала. Есть и четвертая ступень — его писания в «Синтаксисе»⁵⁹. К какому разделу их отнести — непонятно. То ли он вернулся к Абраму Терцу, и тогда можно рассматривать его отступления камбалы как что-то временное, не связанное органически с порчей его таланта, то ли он с камбальной точки зрения пытается что-то сделать под Абрама Терца.

В «Голосе из хора» надо будет выбрать несколько кусков, которые характеризуют Синявского с хорошей стороны. Например, о Евангелии, о том, что в тюрьме люди глубоко мыслят, о блатарях. Но следует отметить их идеализацию Синявским. Ведь он из них орден делает. Кстати, можно насчет ордена интеллигенции пройтись. А затем остановлюсь на том, что Синявский

⁵⁹ Ежеквартальный журнал, издававшийся Синявским в Париже с 1978 года.

представлял для меня, старого лагерника, как он изображал благодать на бывшем лагпункте, какой там хор и как он звучал.

Для Синявского в роли камбалы основное — критика им Пушкина, его «Россия-Сука» в статейке в «Континенте»⁶⁰. Какова причина его камбального жанра? Если он его продолжает в статье в «Синтаксисе», то, значит, истинный уровень Синявского сегодня — это камбальный уровень. Если же он снова стал Абрамом Терцем, то надо искать причину его превращения в камбалу в желании блеснуть, похулиганить, привлечь к себе внимание.

Если смотреть прямо на лицо Синявского, то впечатление, что у него один глаз на нас, а другой, как говорится, на Арзамас. Отсюда образ камбалы, которая лежит на дне. Вообразим, что существуют какие-то морские отбросы, вроде нашего речного ила. Камбала лежит в этих отбросах, смотрит одним глазом. Впечатление у нее о верхних слоях, безусловно, искаженное. Если там порхает дельфин, то это порхание под блестящим пером Синявского воспринимается в искаженном, даже смешном виде. Одним словом, камбала оценивает действительность совершенно иначе, чем какая-нибудь высоководная рыбка, которая живет на поверхности и видит того же дельфина, но поражающего нас красотой своих движений, разумностью своего поведения. Эту оценку камбалой поведения дельфина можно применить к «Прогулкам с Пушкиным» Синявского. Она совершенно не понимает поведения дельфина, ибо на его уровне никогда не находилась. Дельфин же вряд ли попадал на дно; так, нырнет до какого-то уровня. Так что общего нет у камбалы и дельфина, прогулок совместных совершать не приходилось. Но камбала в своем воображении может низвести дельфина до своего уровня и начать приписывать дельфину свои качества или качества тех низменных существ, которые копошатся на глубоким дне морском и находят там себе пропитание.

⁶⁰ Абрам Терц. Литературный процесс в России. — «Континент», 1974, № 1.

Не надо смешивать самого Синявского, который сейчас существует и действует, с тем человеком, от имени которого ведется повествование в «Голосе из хора». Его мы назовем «Ссынявским», чтобы не путать с самим Синявским. «Ссынявскому» следует задать вопрос: откуда в его лагере взялись блатары и откуда он знает это из писем? В наше время, до сорок восьмого — сорок девятого года, лагеря были смешанные. Блатары вынуждены были выступать во всей красе, особенно во время войны, на всех пересылках, этапах, в самих лагерях. Не изучить их было невозможно. На каторге тоже была прослойка блатарей. Как они туда попали? Очень просто. Блатарь знает, что его должны отправить на лагпункт, который держат в руках суки. Он знает, что, если он попадает на такой лагпункт, его убьют. Чтобы этого избежать, он выходит на развод и начинает кричать: «Долой советскую власть!» — или под дурацкой листовкой подпишется. Его хватают, ему дают пятьдесят восьмую статью. Так как он рецидивист, имеет уже срока, то механически попадает на каторгу. Еще у блатарей была надежда, что на каторге они будут пановать, драть шкуру с мужиков и фраеров⁶¹. У нас такого блатаря однажды зарубили как стукача, хотя он стукачом не был.

У Синявского не ясно, откуда блатары взялись, как они попали туда, где он был. Хрущевские лагеря разделяются. Синявский был в самом легком лагере. Были там люди вроде него, которые никакой борьбы против режима не вели и не собирались вести, держались тихо и мирно. Синявский даже писал свои книги, имел чуть не каждый месяц свидание с женой, которая вывозила его рукописи на волю. Что-то поразительное! Надо было все-таки «Ссынявскому» объяснить, где он был, что это за лагерь. Он пишет книгу, на весь мир объявляет о своем лагере. И какое же впечатление создается? Ма-

⁶¹ Мужики — заключенные не из воров, очень привязанные к своему скарбу и не помышляющие о дружном отпоре блатарям. Фраеры — любые заключенные, не принадлежащие к ворам. — *Прим. автора.*

лина. Небольшим отличается лагерь от тюрьмы во Франции или от канадской тюрьмы, которую мы с Иссой посетили, где действительно лафа.

Когда человек попадает в Свободный мир, он забывает, что свобода была для него кем-то завоевана. Настоящая свобода связана с чувством ответственности, иначе свобода превращается в свою противоположность, в своеволие, в произвол. Человек окунается в свободу, ему кажется, что это естественное состояние, и он начинает переть все, что ему кажется нужным сказать, забывая о резонансе, который получит его рассказ. Книга Синявского — в противовес тем книгам, которые принесли правду о лагерях. Какой-то кусочек правды он тоже рассказал. Но оговори, что твой лагерь особый, самый легкий, для людей, провинность которых минимальна и которые делают все, чтобы к тому же искупить свою провинность, не усугубить ее. Лагерь был составлен из таких личностей, которые ничего против режима не имели, всячески старались с ним примириться. Стукачи там господствовали. Но об этом у него ни слова. Значит, с ними зеки мирно жили, борьбы с ними не было, стукачи были членами их общества. Значит, наличие стукачей на Синявского никак не влияло. Но это же ужасно! Если все это не объяснить, получается что-то вроде обмана. Мне как старому знатоку совершенно ясна сущность привилегированного лагеря и достаточно ясен состав заключенных. Но другие люди, когда нет оговорок, думают, что это ложь, вранье. Они знают, что в спецлагерях творится. Кузнецов, Марченко⁶² чистую правду рассказали. Как же Синявский не объяснил разницы между лагерями и тем самым превратился в обманщика?

Итак, надо сказать, что блатарей Синявский видел в отраженном свете. Его рассказ не результат собственных наблюдений. Это собрание фольклора, легенд, мифология. Могли попасть и блатные в его лагерь по тому же самому стечению обстоятельств: решил блатарь изба-

⁶² Э. Кузнецов. Мордовский марафон. — Ramat-Gan, Israel, «Москва — Иерусалим», 1979. А. Марченко. Мои показания. — Paris, «La Presse Libre», 1969.

виться от верной смерти на штрафном лагпункте. Такие случаи возможны. Но только почему блатарь попал на самый лучший лагпункт? Он никогда не был на лучшем счету. Это уже совершеннейшее вранье. Блатарь не хочет работать, это известно. Но туда попадет он, лишь когда перестанет быть блатарем, а станет стукачом. Я так плохо о блатарях не думаю.

Как можно было не сказать о стукачах в лагере? Что ж, ты с ними одно целое представляешь? Это убийственное обвинение против самого себя, почему «Ссынявского» я и отделяю от Синявского. Я не могу согласиться, что сам Синявский такой человек.

Хорошо сказал автор о картине Рембрандта «Возвращение блудного сына» (102 с.): «Она, как главные лица в ней, отвернулась к стене — в себя. Поистине: внутри вас есть. В итоге нет более картины на тему Церкви». Действительно, все мы в нашей жизни отворачиваемся от Церкви, уходим от нее, думаем, что потом нагоним. Скучно, есть свои занятия, отвлечения. Церковь нас, как блудных сыновей, всегда принимает. Нет лучшей картины о Церкви, чем картина Рембрандта «Возвращение блудного сына». Это правильные слова.

У автора хорошее ухо. Точные слова: «Вставай, земля! Страна колеса подала!» [...] «Эх, жизнь-пересылка» [...] «Обстановка — будь, будь!» [...] «Устроился я-тебедам!» [...] «Конечно, разница! Он — солдат-домашняк, а я — бродяга, без никому» [...] «Нам было легче. Мы рвали, как волки» [...] «Вынимаю белый батон, чтобы меня расстреляли, вынимаю поллитру...» (с. 106—110).

После страниц с блатными выражениями следующая мысль: «Искусство рассказывания в значительной мере держится на постепенности вхождения в частности и в детали. Речь должна быть медленной, глубокомысленной, рассеченной паузами на предметно-весомые отрезки» (с. 111). Здесь не могу с Синявским согласиться. В эпосе это верно: исторические моменты, что-то серьезное, большое; постепенность, частности и медленное, глубокомысленное. Но если вы хотите воздействовать на человека, то как раз все это глубокомыслие, рассеченность, медленность совершенно не действуют, а действует динамика. Блатари владели динамикой: они гово-

рят так, что запоминается; если они ругаются, то из своей печенки. Когда вместо них ругается другой человек, то это ругань мужика. Ругань мужика и ругань блатаря — совершенно разные вещи. Блатарь вкладывает в ругань все свое существо, ругается с каким-то азартом, остервенением, и это сильно действует. Мы научились у блатарей. Когда нам нужно было ругаться, ругались поихнему. Кстати, у блатарей культ матери, и в ругани они не употребляют слова «мать». Это одна из немногих вещей, которую я ценю в блатном мире и очень хотел бы ее подчеркнуть. А Синявский не заметил этого. Мы же целиком перешли на ругань блатарей без слова «мать», на нематерную брань.

Рассказ блатаря страшно эмоционален, динамичен. Блатарь врет, конечно, но он входит в роль, рассказывает, как все было. И действительно получаются образы. Если же растягивать, тянуть, то это уже для грамотеев, а не для хороших слушателей.

«Бей в глаз — делай клоуна! [...] Чтобы из этого не получился какой-нибудь сыктывкар [...] Силаускас! (В подражание литовскому.) [...] Обрыв Петрович, драп-марш [...] Укроп Помидорович». «Да ты хоть выругайся — проще будет! Не легче, а проще. Свой брат. Средство фамильярной общины. Ругань — как создание дома, уюта, семейной атмосферы. Ругань как тело души» (с. 113—117).

Насчет дома, уюта, семейной атмосферы — это он зря. Ругань, как-то нам облегчая общение, украшая даже немножко нашу жизнь, веселя, переводя нас в плоскость более низкую, чем та, в которой мы находились, напоминала все время о нашем столкновении с этой дикой, страшной средой. Может быть, это было даже отчасти подсознательно. Ведь если мы вдруг перешли бы друг с другом на какой-то нежный, деланный тон, то в той обстановке он прозвучал бы исключительно глупо и неестественно. В ту первобытную обстановку мы все время вплетали блатную брань — получалось неплохо. Ругань не создавала дом. Она напоминала, что ты находишься в обстановке не домашней и живешь не по-домашнему, а все-таки немножко со звериным оскалом.

«Иностранные слова в русском языке. Аэроплан, электричество. Стыдиться ли нам этих слов, тем более

чураться ли их? [...] Простенький, доморощенный [...] теперь «самолет» меньше говорит нашему сознанию, нежели заимствованный «аэроплан». Ну что такое самолет? В ряду подобий — самокат, самовар, самогон — наименее яркое слово, ничего не говорящее, кроме сообщения пустой голове: сам летает. В сочетании «ковер-самолет» еще куда ни шло, а так — не слово, обглодыш. И как значителен рядом по смыслу *аэроплан!* Это целая эра плана, европа плавания, парящие распластанные крылья и закрученный вихрем винт-аэро; мы понимаем его чужеродность, на этом неестественном *аэ* глотку свихнешь — и все-таки, раскорячив пасть, из неба-неба исторгнешь, выдавишь горлопана во внешний воздух, в смерч. И — *айра* (тарайра!)...« (с. 118). Такие, в общем-то эмоциональные, оценки не являются ни в коей мере решающими. Конечно, я согласен, что «самолет» — очень слабое слово. Как раз язык предельной ясности⁶³ говорит о том, что должны быть составляющие понятия. Не обязательно все сводить к одному слову, русский язык как-то даже приспособлен к этому... (*Обрыв записки.*)

Возможно, что Синявский излагает мысли других людей. Умных людей в лагере Мордовии хватало. Иногда прямо ареопаг мудрецов собирался в наших лагерях. Во всяком случае, недостатка не было в умных, образованных, тонко мыслящих людях. Вероятно, подобное было и в мордовских лагерях. И если так, то Синявский излагал чужие мысли, а чтобы его не уличили, придал литературную форму своему повествованию. «Голос из хора. Я же не говорю, что это я, Синявский; блатные песни тоже не я сочинил. Если я делаю какое-нибудь заключение, то не о себе, о ком-то другом».

⁶³ «Язык, на котором мы говорили, я прозвал птичьим. Он содержал в себе много иностранных заимствований [...] Язык предельной ясности, по моему замыслу, должен состоять из нескольких сот элементарных слов, ясных еще с детства. Несколько тысяч более сложных понятий возникает из них, поэтому они должны быть переданы многословными составными словами или целыми фразами» (Язык предельной ясности. — В кн.: Д. Панин. Лубянка — Экибастуз).

Хочу, чтобы Вы поняли, Володя⁶⁴, какое значение имела борьба со стукачами. В лесных лагерях на них деревья падали, в лесу всякие несчастья приключались. В шахтах совсем просто было: если стукач попал в шахту, где темно, живым оттуда ему было не выйти. Я смягчил в своих «Записках» описание борьбы со стукачами на каторге, ибо эта борьба едва ли может быть правильно понята людьми, которые не побывали в этих переделках. Уничтожение стукачей шло в открытую. Люди в масках приходили в барак днем и рубили всех стукачей. Так что можете понять, какое остервенение было. Они были первыми врагами. Были, конечно, лагпункты, где было засилие стукачей. Но в большинстве случаев, по средней статистической, стукач был в положении крысы, которая под землей в своей норе должна жить. Стукачи страшно боялись, скрывали свое назначение, понимали, что головой рискуют. Но мы знали их почти всех наперечет и выводили постепенно в расход. Только нельзя было Варфоломеевскую ночь устроить, но судьба их была незавидная. Во всяком случае, господами положения были мы. Мы терпели, нас сажали, но мы были все-таки господа, а не они.

После законов Хрущева положение резко изменилось, оно стало совершенно невыносимым. Я в такой обстановке жить бы не мог. Стукачам дали совершенно невиданные права. При Сталине за смерть стукача практически никто не отвечал. Все обдeldывалось безобидно, придраться было трудно, и для этого надо было очень большой зуб иметь против заключенного. Конечно, можно было любое дело намотать нам. Опять же по статистике из-за смерти стукачей жертвы бывали, зекам давали второй срок, но это было сравнительно редко и по какой-то специальной причине.

В лагерях же, где Синявский подвизался, стукачам

⁶⁴ Владимир Чернявский. Ряд диктофонных записей сделан Д. Паниным для В. Чернявского, писавшего книгу о нем. (См. «Из бесед с Владимиром Чернявским».) В 1979 году В. Чернявский умер, и книга осталась незаконченной.

дали невиданные права, они действовали в открытую. Смерть стукача считалась террором, за убийство стукача расстреливали людей. Стукачи могли схватить человека и тащить его безо всякого постановления в карцер.

Если меня затащили бы один раз — а меня, конечно, затащили бы, — я обязательно срубил бы им голову. Вне всякого сомнения. Этого я пережить бы не мог. У всякого человека есть предел возможного. Я не смог бы жить в этих хрущевских и брежневских лагерях, не смог бы примириться с тем, что гад⁶⁵ возьмет и потащит меня в карцер. Ну, пусть начальник — кое-как с этим можно примириться; не то что примириться, но понять, что это неизбежно; но если тебя еще какой-то гад тащит, то это невыносимо.

Синявский же все это прекрасно перенес. Он, конечно, был на особом положении, в самом легком лагере, где посылки были не ограничены или, во всяком случае, их очень часто получали и где каждый месяц были свидания. И там уж такие были гады подобраны! Можно себе представить. И Синявский с ними прекрасно общался и был с ними не разлей вода. Вот его характеристика — говорю это как старый лагерник, который может по одному намеку определить положение, в котором находилась наша камбала.

ПО ПОВОДУ ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА СИНЯВСКОГО «СИНТАКСИС»

Одна из статей Синявского — «Анекдот в анекдоте». Это статья хорошего литературоведа. Меня пленила логика, сила и разнообразие доводов, богатство мыслей. Если Синявский ни у кого не заимствовал, а все это целиком родилось в его голове, то это просто здорово. В этой статье он не потерял ничего от своего писательского таланта, а может быть, даже и приобрел. Непонятно только, почему Синявский, который до своего процесса по-

⁶⁵ Гады — по-лагерному чекисты, тюремщики.

двизался именно как критик, подписал литературоведческую статью своим псевдонимом Абрам Терц.

Вторая статья, «Темная ночь», подписана Андреем Синявским. Тема выбрана такая, что в ней как раз мог бы себя блестяще проявить Абрам Терц. К сожалению, здесь нет ничего от Абрама Терца. Поэтому правильно, что Синявский, который бытописует, не выступает как Абрам Терц. «Темная ночь» как бы еще одна новелла к голосам из хора, еще один голос к этому хору. Вот так, я думаю, следовало бы определить место этой статьи о чокнутом зеке Петрове-Агатове. О желании встретиться с ним Синявский говорит так: «фантастический случай, искавший встречи и жаждущий объяснений». Зек Петров-Агатов уверяет, что шесть раз бежал. Маловероятно. Он думал, был убежден, что в шестьдесят девятом году будет война — огненное море вокруг Москвы на триста километров в диаметре — и за ним и за другими интеллектуалами через два месяца американцы пришлют вертолеты. Синявский подчеркивает его непрактичность: легко было проверить, что это не пророчество, а ерунда. Тем не менее он говорит, что сила убеждения Петрова-Агатова привлекала людей и даже некоторых побеждала. Все, что он о нем сообщает, увы, не фантазия Терца. Это то, что видел и слышал Синявский об этом зеке. Казалось, надо бы и вывод ему сделать правильный, что все-таки этот зек, который был действительно враг режима и очень много просидел при Сталине, человек чокнутый. А ушедший, по словам Синявского, слишком разумен. Это смешно. Наш век — век шизофреников, параноиков, но они разумны, коварны и до предела подозрительны. Нашему современнику незачем говорить, что если зек благоразумен, то он нормален. Ничего подобного. Дело не в глупости. Есть разные формы безумия, но при всех них душа искажена, чувства искажены. И человек становится страшно подозрительным, злобным, ненавидит людей, во всех видит что-то страшное, у него какое-то стремление к власти, тщеславие и тому подобное. Уж если ты берешься описывать как писатель, то все-таки и делай выводы такие, чтобы человеку было понятно. Если это голос из хора, тогда объясни, что из себя представляет этот голос. Это слабое

место у Синявского. Конечно, этот зек — интересный человек; почему даже не покопаться в нем немножко со скальпелем и с измерительным инструментом, чтобы понять его поглубже. При таком подходе живо написанная картинка принадлежит перу не Абрама Терца, а Синявскому, который описывал и другие вещи в лагере. Но самого главного в ней не хватает. Если бы Синявский дотянул здесь до Абрама Терца, то он, не называя имени Петрова-Агатова, не объясняя, что тот сочинил знаменитую, действительно широко известную песню⁶⁶, создал бы фантазмагорию, описал бы в своем фантастическом стиле целиком его случай со всеми предсказаниями, пророчествами, предательством, стуком, поведением человека. А под конец сказал бы: «Да, вы знаете, это кажется невероятным, фантазией, чушью, каким-то сгущением чудовишных сказок. А на самом деле это реальность: был Петров-Агатов, сочинил то-то, сделал то-то». Или: «Ха-ха-ха, господа, господари, вы думаете, что это плод моего воображения? Нет, это верно, это факт, это было, такие-то данные об этом человеке я могу сообщить» — и тому подобное. Вот это было бы здорово. Неужели Синявский не мог сообразить, что следовало в терцевской манере раньше описать события, а потом сообщить, что это реальность. Вижу, что терцевская струна в Синявском лопнула. Не звучит она никак во всех вещах, которые он написал после Абрама Терца. В данном случае он имел полную возможность развернуться как Абрам Терц, но упустил ее.

Я думаю, что «Верного Руслана»⁶⁷, сгустив краски, мог бы тоже написать Абрам Терц. Под видом собачьего мышления можно было такую фантазмагорию преподнести! Мог бы себя Синявский как Абрама Терца реабилитировать, описав последний месяц или последние два месяца Мандельштама на пересылке, когда тот уже был сумасшедшим и действительно ничего не сообщал, а его гоняли из барака в барак, и сквозь призму

⁶⁶ Песня «Темная ночь», за автора которой выдавал себя А. Петров-Агатов.

⁶⁷ Повесть Георгия Владимова.

Мандельштама дать быт страшной пересылки. Но боюсь, что этого Сияевский не вытянул бы.

Бытописательская струя Сияевскому тоже не удалась, потому что не понял он Петрова-Агатова, не обосновал его поведения. Этот человек — не сумасшедший. По словам Сияевского, он — самый обыкновенный пророк. Если пророчество — простая вещь, тогда зачем нам Священное писание читать? Можем сами пророчествовать. Нет, пророчество — великий дар, великая от Бога способность. Быть пророком означает быть в каком-то единении с Богом. И вдруг через две-три страницы мы узнаем, что этот пророк начал закладывать своих друзей, на Алика Гинзбурга⁶⁸ и на других донос в «Литературную газету» пишет... Такую деятельность с пророчествами не надо мешать. Если он с пятидесятниками пророчествами занимался, так, может, оттого, что уже не в себе был; все ему надоело, и он действительно хотел к какой-то духовной жизни немножечко приобщиться, потому что все время считал себя верующим, христианином. Во всяком случае он человек интересный. Из такого материала можно было приготовить терцевского «чудика», который, быть может, перекрыл бы всего Абрама Терца. Нет, на это Сияевского не хватило.

Версию о том, что Петров-Агатов был псих, снимаю. Психи в общих лагерях не задерживались. Обычно из них подбирались бригады, которые отправляли на особые лагпункты. За все мои шестнадцать лет я встретил двух ярких психов. Первый — Кишкин, которым восхищался Солженицын в Гулаге. На мой взгляд, Кишкин не был психом, а просто великолепно валял дурака. Он был очень даровитым парнем и личину психа использовал для того, чтобы насмешливо обрабатывать этот режим и поддерживать дух заключенных. Второй из известных мне ярких психов был Гершуни. Я писал о нем в своих «Записках», да и Солженицын о нем пишет. Но

⁶⁸ Александр Гинзбург — журналист, бывший зек. Живет в Париже.

с ним другое дело, у него была какая-то взрывчатая шизофрения. Когда он взрывался, начинались невероятные дерзости, выступления, высказывания, открытая ругань режима. А потом он становился опять нормальным мальчиком. Списать в психи Петрова-Агатова — самое простое, но неверное решение. Все это интересней, глубже и упирается в психологию человека. А психологов среди наших теперешних писателей, советских и подсоветских, нет. Видимо, психология требует все-таки каких-то условий. Может быть, это редкий дар — быть настоящим психологом.

В нашей подсоветской московской жизни и в лагерях самыми страшными нашими врагами был КГБ, затем шли стукачи, на третьем месте — журналисты. Журналистов мы презирали, ненавидели. И не только журналистов, а вообще всю эту шуштуру из Союза писателей, продажных тварей, которые пели псалом перед вождями и всячески унижали и третировали народ, подготавливали против него всякие кампании, оправдывали их. Вот и надо было взять за основу, что Петров-Агатов был членом Союза советских писателей, то есть полноценной советской блядью со всеми ее качествами, и в первую очередь, конечно, с настоящим глубоким безбожием, которое он приобрел на этой марксистской кухне. Психолог мог бы найти здесь очень большое поле для применения своих возможностей.

Мы видели в лагерях людей, у которых в тяжелых условиях начинало что-то пробуждаться. Но пробуждение у такого человека было какое-то ненадежное. Вот он к вере пришел, в какой-то момент, может быть, даже искренне, а вместе с тем в своем кругу смеется над верой («да я, мол, так»). Можно было бы по косточкам разобрать отношение к вере Петрова-Агатова. С одной стороны, он постоянно говорит, что православный, всячески подчеркивает, что верующий; с другой стороны, он лезет к каким-то сектантам, пятидесятникам. Это какой-то театр или что-то такое надорванное, такое придуманное. Все напоказ. Можно было бы глубоко разобраться в этом вопросе: человек, который себя называет православным, вдруг среди пятидесятников, и мало то-

го, что он присутствует на их собраниях, но начинает еще ангельскими голосами говорить. Это или театральное действие, или психолог должен рассказать о мятушейся, быть может, душе — искренней, куда-то стремящейся. Впрочем, думаю, что здесь это не имело места. Мне кажется, что душонка этого человека не была защищена ни броней веры, ни броней религии, ни броней хорошего воспитания. Она была разрушена дьявольской действительностью и барахталась в мохнатых когтистых руках дьявола. И в этих лапах она извивается, производит какие-то совершенно непонятные нам действия, поступки. Вот в этом ключе, мне кажется, можно было бы очень интересно и всю фантастику этого человека показать, и всю фантастику этой действительности, и сокровенное зерно и объяснение этой фантастики. Показать, как в дьявольских лапах человек сам себя разоружил. А потом действительно он мучается, старается, возможно, вырваться из этих лап, но как-то неумело, неискренне, без настоящего руководства. Психолог может объяснить, как этот зек дошел до предательства, до стука. Причем никто ничего у него не требовал, это не сталинские времена. Он никого не спасал этим, и никто не вынуждал его какими-то действиями. Просто сам он десятилетиями тянется ко злу; ангельскими голосами разговаривает, потом дьявольским голосом. Абрам Терц, но с большим дарованием психолога, мог бы, исходя из этого, дать совершенно ошеломляющую картину падения и разрушения человеческой личности под прессом дьявольской действительности, падения и разрушения человека, который попал в дьявольскую безбожную мясорубку, где человека лишают веры с детских лет, внушая ему отвратительные мысли человеконенависти, где человек в этой безбожной, отвратительной среде таким образом сформирован, что преуспевает. И вот его душа начинает себя казнить. С одной стороны, она действительно в когтистых лапах дьявола, с другой стороны, она чувствует, что живая. У души другая природа, и она не хочет этого, она начинает требовать от человека каких-то проявлений, даже совершенно несуразных. Почему Петров-Агатов попал в лагерь? Ведь не случайно. Раз он попал в лагерь, зна-

чит, был недоволен, что-то уже начал говорить, понимать. Он много просидел в лагере, и сидел хорошо, достойно. Значит, в нем пробуждалась какая-то борьба, он куда-то шел. И пришел даже к вере. Но все у него какое-то несозревшее. То ли не встретил он настоящего человека на своем пути, то ли слишком глубоко в нем была эта отвратительная закваска, которая ему все портила. Видимо, вера у него была ходульная, неглубокая. Все напоказ, все так, как на партийных собраниях или в Союзе советских писателей, где он привык разоряться. И вот человек мучается, из себя выходит, какими-то пророчествами занимается. Словом, всячески хочет привлечь к себе внимание. После пятидесятников и ангельских голосов опять начал стук дьявольский, опять дьявольскую работу производит, опять дьявол его взял за живое. Вот такую мятушуюся душу изобразить средствами Абрама Терца, у которого был бы еще могучий талант психолога! Это был бы Абрам Терц, даже супертерц. Но этого, видимо, не дано теперешнему Синявскому.

ИЗ БЕСЕД С ВЛАДИМИРОМ ЧЕРНЯВСКИМ

* * *

Вернусь к событиям после нашего восстания, верней сказать, забастовки, которая была 22 января 1952 года и описана в конце моих «Записок». До 13 февраля я еще продержался на лагпункте. В этот день меня отстранили от развода и пригласили (я начинаю выражаться совершенно не по-лагерному), то есть вызвали. Группа следователей, из них половина казахов, разговаривала потатарски; можно было даже более или менее понять, что они говорят. Вел я себя исключительно вызывающе, и моя судьба была решена немедленно: меня с ходу отвели в тюрьму. К этому я уже подготовился, оставил своим товарищам завещание, чтоб они постарались упаковать получше мои рукописи, как я их называл, то есть небольшие записки. Все остальное хранилось у ме-

ня в вещевом мешке, а кое-что, над чем я работал, естественно, было в моем чемоданчике. Вот я и попросил все эти вещички получше упаковать, что и было сделано.

В тюрьме, которая была сработана руками Солженицына как каменщика, я провел, надо сказать в очень поганных условиях, около тридцати пяти — тридцати восьми дней. После того как мы выбили в ней все стекла, их нарочно и не вставили. Оконные амбразуры мы залепили своими шмотками, иначе просто жили бы на улице. Печи практически не топили или топили только так, чтобы коридорным было немножко тепло. У нас же был холод собачий. В этом мерзлом зловонном каменном мешке я провел все время до отправки на этап. Единственное радостное событие: узнали, что бандеровцы, наши соседи по лагпункту, подожгли док. Для нас это был, конечно, праздник. Кроме того, все время ходили слухи об убийстве стукачей, что свидетельствовало о том, что сопротивление еще продолжалось.

Никто нас на допросы не вызывал, и вот, в конце нашей сидки, в ночь, нас перегоняют в лагпункт. Хоть лагпункты были разделены, но тюрьма и больница были общими для обоих лагпунктов. Больница помещалась у бандеровцев, а тюрьма у нас. Поэтому тюрьма была набита нашим братом с нашего лагпункта и западниками — бандеровцами то есть — и хохлами и украинцами, с другого лагпункта. Сидели люди вперемешку. В эту ночь запрет с посылок был снят, и всем, кто их получил, их выдали. В большинстве своем это были западники, потому что у них колхозы еще не утвердились, и пока было сало и масло. И началось дикое обжорство, которое продолжалось всю ночь. Обо мне и Юсупе, азербайджанском татарине, с которым я как-то поддружился, забыли, не предложили нам ни кусочка. Бог с ними, на это надо смотреть до некоторой степени свысока. Двенадцать лет я уже привык жить на голодном пайке и не зарился на чужое. Считал так: если тебя посадили, то вытягивай сам.

Наутро нас повезли в автомашинах, конечно грузовых, верней, на платформах; холод был собачий, градусов под тридцать. Обут я был просто скверно; на мне

были худые сапожонки, и ноги не знаю как стыли. У одного парня оказалось одеяло; мы закрыли им ноги, усевшись веером, и так спасли себя более или менее.

Приехали мы в Павлодар на ничем не примечательную пересылку, где пробыли недолго. Кажется, была еще татарская пересылка, но не могу припомнить. На пересылке в Омске наши западники себя показали. Обычно все-таки грабителями были «друзья народа» — уголовники. Но оказалось, что наши бандеровцы почище их. Они начали потрошить бытовиков, несмотря на то что совсем недавно обожрались своими посылками, и потрошили их ничуть не хуже, чем самые отпетые уголовники. Я, конечно, возмутился и сказал: «Вы что, бандиты или придерживаетесь политики?» Они на меня замахали: «Не твое дело, молчи, старик». Какой я был старик? Мне лет сорок было, но для них я уже был старик. Подавляющее их большинство была молодежь, которая в лесах привыкла к автомату и разнице в обращении не научилась. Пытались мы как-то бандеровцам это внушить, но не знаю, насколько удалось.

На пересылке Караганды мы припухали, наверное, месяца полтора. В отличие от местных пересыльных мы находились в сравнительно человеческих условиях в обширном бараке: сырости не было, питание было вполне сносное. В ожидании того, что с нами будет, мы рассказывали романы, занимались пением бандеровских песен. Снова нас вызвали на этап, и по подбору людей вижу, что оказались мы среди самых тяжеловесов. Они так и говорили: «Ну, ребята, вы не надейтесь, раз вы с нами. Хорошего ничего не будет». С этими тяжеловесами и опять с моим Юсупом нас, тринадцать человек, отправили в Спасск. Время было весеннее, май месяц. Гнали нас, конечно, по кочкам, дороги нет. В Спасск прямо по степи шпарят, так же как шпарят по степи из Павлодара в Экибастуз или из Экибастуза в Павлодар. Везде нас везли в наручниках. Часть дороги шла через Караганду. Мы сидели на платформе автомашины. В отгороженной ее части — автоматчики, направляющие на нас автоматы. Караганда на нас смотрела. Вот так мы проехали километров шестьдесят до Спасска.

Спасск известен на весь Казахстан, на весь Степлаг,

ранее называемый Песчанлаг. Это лагерь смерти. Во-первых, там пятнадцать — двадцать тысяч заключенных; во-вторых, практически работ нет. Работы выдуманые: строят стены, какие-то бараки, в общем, сами себя обслуживают. Для этого самообслуживания — маленькая механическая мастерская. Огромное количество людей уже работать не способно. Они прибыли из Джезказгана, из медных копей, из медных рудников, где страшный силикоз. Люди там работают без респираторов, без масок, и кварцевая мелкая пыль попадает в легкие; кусочки кварца, как ножом, режут их ткань — это неизлечимо. Силикоз переходит в туберкулез, и человек буквально сгорает.

Лагерь в Спасске был заполнен умирающими силикозниками и потому был назван лагерем смерти. Кроме того, он был инвалидным лагерем, куда сплавляли всех, кто должен был умереть по разным другим причинам. Начальство измышляло всякие работы для инвалидов, у которых не было одной руки, одной ноги или двух рук, двух ног. Например, четыре человека, у которых нет одной руки, обслуживали носилки: каждый одной рукой тащил эти носилки. В общем, издевательств в этом лагере хватало. Но мы в этот лагерь не попали.

Весь шестимесячный путь от нашего Экибастуза до Спасска мы находились в самых тяжелых условиях: в казематах, каких-то подземных казематах, карцерах или штрафбараках обязательно с сырыми стенами, по которым струилась вода, с полом, покрытым слякотью. Спали на каких-то топчанах. Наложили на нас наказание в полном объеме. То же самое нас ожидало в Спасске. Нас, тринадцать человек, ни с кем не связывали. Мы были все время отдельно и опять попали прямо в штрафбарак, в сырость, в безмозглость, но все-таки хоть была двадцатиминутная прогулка. Штрафбарак есть штрафбарак. Это среднее между карцером и тюрьмой. В Спасске мы пробыли около месяца, может, даже больше. Мы ожидали нашей судьбы. После того, что мы наделали в Экибастузе, над нами висело следствие, и, как я уже сказал, мы попали в число самых тяжеловесов. Я тоже попал в эту группу из-за второго пункта в моем деле, то есть подготовки вооруженного восстания. Кро-

ме того, я себя обнаружил во время нашей забастовки-голодовки: всем было известно мое выступление, в котором я поддержал необходимость продолжать забастовку.

Все написанное Солженицыным о нашем восстании в третьем томе «Архипелага» доказывает, что он не историк. Это наполовину вранье. Он пишет, что начали вызывать бригадиров. Но это было, когда забастовка уже кончилась. Это была ловушка. Чекисты выискивали людей, чтобы их посадить, и задавали им всякие вопросы. Какую-то речь он, оказывается, в это время читал конвойным. Надо было речи читать, когда было восстание. Во время забастовки это имело смысл, чтобы поддержать людей. Но тогда он тихенький сидел. К бараку опальному, к тюрьме, он не подошел, сразу в свой барак побегал. А когда все кончилось, когда начальство начало вызывать бригадиров, чтобы обнаружить виновников, надо было молчать. То, что он вылез в это время, — глупость с его стороны. Стыд и срам, если он тогда действительно о чем-то распространялся. А он расписывает себя чуть ли не как героя. Видишь ли, он на страшной скорости говорил что-то конвойным войскам. Господи! Об их морали, что ли, мы должны были заботиться? Кроме того, он пишет, что его прерывали. Да никто не собирался его прерывать: как раз чекистам нужно было выудить побольше сведений. Он пишет, что ему сказали: «Вас послали бандиты», а он: «Нет, меня пригласили...» Ерунда, ничего этого он не говорил. Никуда не годится так о нашей забастовке писать.

Конечно, было радостно, что следствие не начиналось. Но однажды пришел капитан Круглов, начальник оперативного отдела, со всей свитой, с каким-то там высоким начальством, и бросил такую фразу: «Вот этих людей мне надо оформить». У слова «оформить» очень широкий диапазон: от расстрела до десяти суток карцера. Через некоторое время нас перевели в Спасскую тюрьму — каменное массивное строение. Спасский лагерь — лагерь смерти еще и потому, что в нем производились расстрелы. Камеры смертников находились именно в этой тюрьме. Нас посадили не в камеру смертников, а в общую камеру. В ней нас уже было не

тринадцать, а шестьдесят, может, даже семьдесят человек. Хотя камера была набита достаточно, в общем, условия были сравнительно терпимые (можно было даже пройтись по проходу), но питание нарочно резко ухудшили, чтобы вызвать цингу. Ни одного зеленого листика, хотя был уже июль; какая-то ржавая рыба. Это чекисты умеют делать. Одним словом, на двенадцатом году заключения у меня появились цинготные пятна. Мое довольно крепкое здоровье, выдержавшее все, здесь начало поддаваться.

Нам сказали, что нас определили: шесть месяцев штрафбарака. Для меня это был в общей сложности уже шестой приговор, но я его как-то даже не замечал, потому что шесть месяцев распространились на все остальные срока. Главное, что этот новый срок был без зачета почти шести месяцев в штрафбараках, которые мы уже прожили после ареста. Значит, снова шесть месяцев трубить? И тут я все-таки решился. Что ж, в конце концов, делается? Нет! — думаю. — К черту! На этот раз начну действовать отдельно. Если эти бандеры нас ни разу даже не угостили, то — хоть я против них ничего не имею, они, конечно, геройские ребята, — уж извините, у меня все-таки будет своя линия поведения, я с ними тут сидеть не буду... и к тому же они сидят один-два года, а я уже двенадцать лет. И я сказал, что в отношении себя считаю приговор совершенно незаконным и буду его опровергать. Я потребовал бумагу и написал заявление, затем прочел его громко, на всю камеру, дал товарищам прочесть, чтобы они видели, что я там ничего лишнего не написал. Так что все было чисто. И второе заявление, кажется, написал. Через какое-то время меня вызывают в оперативную камеру в этой тюрьме. Седоватый чекист довольно приличного вида, видимо, не прочь был мне помочь. Думаю, что ему надоели бандеровские ребята с их ухваткой. Он видел, что я все-таки человек культурный. Я ему объяснил, что никакого отношения к ним не имею. Врал напропалую; отношение к ним я, конечно, имел, но с чекистами иначе разговаривать нельзя. Стал говорить ему, что никакой сети нет. «Вы слепые люди, на клевете живете. Я — человек науки, инженер, делаю свои изыскания. Я

попал в это дело, хватит. Дайте мне возможность. Шесть месяцев я уже провел в штрафбараках. Довольно! Мне здоровье не позволяет, посмотрите, у меня уже цинга вовсю идет». — «Да, ну ладно. Хорошо, посмотрим».

Недельки через две — все это не быстро делается — меня вызывают с вещами и — это тоже хорошая история — отводят меня в камеру смертников. Я знаю их ухватки, понимаю, что, конечно, это или ошибка, или решили надо мной поиздеваться. Во всяком случае, ничего серьезного мне не угрожает. Расположился, решил, что все-таки меня по моему заявлению отвезут. Панорама очень интересная. Я был как бы окружен смертниками, прочел много интересных надписей, которые, видимо, нарочно не стирали. Надписи были угнетающие: «Прощайте, друзья, ухожу от вас...» Это была впечатляющая ночь. На следующий день утром меня вызвали с вещами, посадили в автомашину, которая двигалась без рессор (видимо, они лопнули), и меня подкидывало шестьдесят с лишним километров. Вдобавок в ней везли в Спасск хлорную известь, и я вымазался в ней. А она ведь выжигает краску, так что я приехал полосатым, как пантера, — и смех и грех. В таком виде и закатился на первый лагпункт Караганды.

Как только подъехала машина, выскочил молодой чекист: «Вы знаете, кто с вами говорит?» — «Нет, не знаю». — «С вами говорит оперативный работник». Видимо, он был горд этим званием. «Хорошо», — говорю. «Вот так. Вы не должны ни слова говорить, откуда вы и кто вы». Хлоп — опять меня в изолятор сажает, то есть опять в тюрьму. Сколько же меня тут в тюрьме будут держать? Все же рад: вижу, что лагпункт более или менее тихий, как у нас говорили. В течение дня меня страшали надзиратели, надзор службы, чтоб я ни слова не говорил, что я штрафник. Ночью меня этот оперативный работник вызывает, опять страшает. Я же, конечно, все рассказал всем. Мои обязательства чекистам сами понимаете, что из себя представляют. И вот я попал в мехбригаду, хорошую бригаду из работяг. Это было уже кое-что. Конечно, силенок у меня немного осталось, проклятая цинга меня начала одолевать, но все-

таки это был воздух, работа, прогулка, верней, поход на работу и возвращение.

В результате нашего мятежа на этом лагпункте уже были изменения: открылись ларьки, какие-то деньги выдавали, можно было что-то купить. У меня, конечно, ни гроша, но ребята, хоть сами были в тяжелом положении, все же поддерживали: кто пайку хлеба, кто кусочек сахару даст; мне это было подспорьем. Через месяц после того, как я начал работать, я уже кое-что получил на руки. Такова была моя страда. На этом тихом лагпункте я прожил, наверное, полгода.

* * *

Моя родословная. Мать, Мария Валериановна, урожденная Опрянина, умерла в 1927 году, в возрасте сорока девяти лет. Мне было тогда пятнадцать лет. Я был в лагере, когда в Москве умер от голода во время войны, в 1943 году, мой отец, Михаил Иванович Панин.

Род Опряниных не был каким-то знаменитым, известным, но в бархатных книгах отмечен. Род хороший, незапятнанный: в нем были хозева, а не пропойцы; во-евали, конечно, всегда. Исторические события до меня не дошли. Дед, Валериан Опрянин, был совладельцем хрустальных заводов в Гусе-Хрустальном. В какой-то мере это его характеризует. Он женился второй раз на молодой женщине, и моей матери ничего не досталось. А потом вообще все прахом пошло.

Для меня задача нелегкая что-то восстановить: с одной стороны, памяти нет, а с другой — я пришел к выводу, что жизнь человека — не страницы книги, а какая-то пучина, в которой надо очень основательно разбираться. Пример тому принцип собственности. В «Мире-маятнике» я отметил три положения: инстинкт животных предков, подсознание и расход энергии, который обуславливает сознание, что это твое, заработанное. Но то, что вытекало, можно сказать, целиком из моей жизни и, уж конечно, мне было известно лучше, чем кому бы то ни было, я совершенно упустил и не связал с чувством собственности. А сделать это надо было. Как-то прошло мимо моего сознания, что я все время дер-

жался, в течение шестнадцати или, во всяком случае, тринадцати лет звериных условий, за маленькие кусочки, даже собственностью их нельзя было назвать: носки, рубашонка, фуфаячка... Я за них сражался так, будто это была моя жизнь, будто руку мою хотели отрубить. И вот совсем недавно, переосмысливая прошлое, я понял, что собственность — совсем не простая вещь; собственность — часть твоей личности. Не важно, в чем она выражена. У человека могут быть миллионы, у зека, у которого все отнято, — кусочек какой-то тряпки, у святого — несметное богатство его души, но обязательно собственность должна входить в личность человека. Я пришел к выводу, что человек без чувства собственности — не человек; в этом случае он не личность.

Я привел этот пример, чтобы подчеркнуть, насколько трудно в собственной жизни разобраться и сделать из нее все выводы. Ты должен дать объяснения своей жизни, которые связаны с ее глубоким восприятием, иначе это очень поверхностный обзор событий. Я боюсь, что дам Володе Чернявскому схему, которая ему ничем не поможет.

* * *

Мое освобождение из лагеря почти совпало со смертью Сталина. Он, как известно, умер пятого марта 1953 года, а мой срок освобождения был девятнадцатого марта. Надо отметить дикую радость, обуявшую нас при известии о смерти Сталина. Узнали мы о ней немедленно, почти в тот же день, через радио, через вольняшек, и для нас это был, наверное, самый веселый день лагерной жизни. Сколько всяких шуток, поздравлений, анекдотов сочинялось! Всерьез обсуждали мы, не подерутся ли Сталин и Ленин, когда их положат в один мавзолей, не будет ли слишком обидно для Сталина, генералиссимуса, что с ним какой-то шпак Ленин находится, и так далее. Одним словом, это были веселые минутки.

Вскоре и девятнадцатое марта. Освобождение с каторги — дело не простое, но действительно в этот день меня вызвали со всеми вещами. И с моими рукописями. Ведь я с собой груз рукописей таскал. Я уже к это-

му времени через одиннадцать пересылок, через одиннадцать этапов провез их. Ничего совершенно не составляло их у меня отобрать. Какой-то зек предложил мне почти новые хорошие сапоги за небольшие, в общем, деньги. Мои же сапоги были совершенно разбитые. И вдруг я отказался. Я связал как-то со своими рукописями новые сапоги. Ну их к черту, думаю, пускай поеду совсем нищим, чтобы не обратить на себя внимание конвоя. В общем, я пожертвовал своими ногами ради рукописей.

В конце концов действительно мне удалось их вывезти. В лагере я ухитрился работать над интересующими меня вопросами. Во-первых, у меня была рукопись по кузнечной работе⁶⁹, о которой в «Записках». Она представляла для меня интерес. Во-вторых, в зашифрованном виде я вывез размышления, относящиеся к сорок восьмому — сорок девятому году, о применимости законов Гегеля (впоследствии они составили Приложение 2 к «Миру-маятнику»). Потом у меня были изыскания по задуманной мною «Механике на квантовом уровне». Так что это были для меня драгоценные вещи, поскольку у меня памяти нет. Их потеря означала бы для меня повторение огромной работы.

После того как я прошел через все доходяловки, был уже совершенно обессилен, умирал, а затем как-то сумел подняться и набраться сил, кузнечная работа была для меня интересна в том отношении, что я с нее начал. Бог меня спас от болезни, и кузнечная работа для меня явилась как бы пробным камнем: способен я решить задачу или нет. Если я ее решу — а задача была очень сложной, — то тогда, наверное, мой путь правильный, я должен именно идти по этому пути, что-то разрабатывать, что-то искать. Поэтому я этой работой занимался очень усиленно, возвращался к ней и, собственно, начав ее в сорок шестом, кончил в шестидесятом году. Конечно, я не все время ею занимался, но каждый год рождались новые соображения. Уже в сорок

⁶⁹ По возвращении из ссылки Д. Панин опубликовал ее в журнале «Технология машиностроения» (М., 1960, N° 8).

восьмом — пятидесятом мне было ясно, что решение найдено. Я как-то уверовал в свои силы. Речь шла уже о каких-то деталях.

Девятнадцатого марта меня не освободили, как это следовало полагать, а посадили на грузовик и повезли на другой лагпункт, опять на пересылку в Караганде. Там были люди, которые вроде меня кончили срок. Будучи формально свободными, мы отсидели в изоляторе, в условиях самой настоящей тюрьмы, которая еще хуже была, чем в первый раз, больше месяца. Ждали этапа. Ну, конечно, нам дали новый приговор подписать, что мы осуждены на вечную ссылку. Если хоть один раз куда-то самовольно отлучишься, то получаешь двадцать лет каторги. Вот такая была бумаженция, которую я, как и все, подписал.

Как попадешь в тюрьму, считай, что около тридцати пяти дней просидишь. Так и тут было. Наконец из нас собрали этап и повезли совершенно как нормальных зеков, через челябинскую пересылку, в которой я уже несколько раз бывал до этого и где мы припухали, через Троицк в место ссылки, в Кустанай.

Мы вздохнули. Этого я уж никак не ожидал. Из спецлага, с каторги, отправляли только в ссылку. Для большинства из нас как для штрафников был уготован Красноярский край. А там хуже, чем в лагере: сплошной лесоповал, комары, гнусь, да надо было еще километров тридцать за хлебом ходить. Но какая-то машина не сработала в Гулаге, видимо, какая-то барышня не туда карточки сунула, и нас отправили в благоприятное место. В Кустанае, на севере Казахстана, у ссыльных питание было совсем другое, чем в лагере: хлеба достаточно, свинина. Это была житница по сравнению с Красноярским краем. Солженицыну тоже повезло: он еще в лучшее место попал, на юг Казахстана, где виноград растет.

В Кустанай, в комендатуру, нас опять привезли под конвоем и в какой-то подвал загнали, где мы просидели целые сутки. Перед комендатурой поставили автоматчика, и он нас никуда не выпускал. Вдруг он исчез. Мы это восприняли как сигнал освобождения и пошли в город. Был как раз канун Пасхи. Помню, как мы зашли

в какой-то магазин в подвальчике и выпили там по стакану портвейна. На всю жизнь этот портвейн у меня остался как какой-то нектар. Для нас, которые в течение стольких лет забыли вкус вина, этот портвейн был каким-то огненным напитком. Потом кто-то нашел маленькую домовую церковь, и несколько человек пошли к заутрене. Так само собой получилось, что мы уже ссыльные и можем перебраться в избу. Вчетвером договорились с хозяйкой и спали уже не на каменном, а на крашеном полу, вкушая радости вольнонаемной жизни. Утром мы подписали бумажку о том, что в ссылке, и комендант нам сказал, что мы можем свободно ходить по городу.

У каждого из нас было немножко денег. После наших лагерных мятежей мы добились все-таки, что был хозрасчет, как он у нас назывался, так что кое-что нам платили за работу. Когда я освобождался, мне выдали на руки триста пятьдесят рублей, равных после хрущевской реформы тридцати пяти рублям. Вот на эти деньги мы немножко пировали.

Через несколько дней — это было уже в апреле — собрали целый этап тех, кто был приговорен отбывать ссылку в сулукульском мясосовхозе. Нас погрузили с нашими малюсенькими вещами в огромные тракторные сани, сбитые из бревен, и повез нас трактор через распутицу в этот мясосовхоз. Назвать его так можно лишь иронически. Мясо я в нем только два раза видел, когда случайно какую-то овцу зарезали во время стрижки шерсти.

Про этот сулукульский совхоз надо бы рассказать особо. В нем были люди разных национальностей. Самые привилегированные были русские и украинцы, потом татары, немцы, чечено-ингуши и самый последний этаж занимали казахи — «хозяин-страна», культурный уровень которых и все остальное расценивались самым низким образом. Эта лестница из ссыльных и местных жителей была установлена не нами; для нас все были одинаковы. Казахов никто, конечно, не обижал, но если директор и другое начальство совхоза устраивали пьянку, то в первый день они приглашали к себе русских, украинцев, татар, на второй день — немцев, чечено-ин-

гушей и на третий день — казахов. Так что сверху это шло. Нравы были там азиатские. Детали, вероятно, опишу в своих воспоминаниях.

Прожил я в этом совхозе шесть месяцев. Меня определили работать слесарем-инструментальщиком, положили пятьдесят рублей, и я еще подрабатывал по наряду. Это уже была сносная жизнь. Я был на постое у немца, столовался у него. На столе было сало, хлеб хороший. Мой хозяин был зажиточный мельник. Для меня это был верх того, что я мог ожидать. Общества, собственно говоря, никакого не было.

Если бы Сталин не умер, то, конечно, меня забрали бы этой же весной. Сюда послесталинские изменения очень не скоро докатились, но меня предупредили, и я увидел, что нахожусь под самым строгим наблюдением. Потом уже мне рассказали, что когда я ходил по вечерам после работы гулять в степь, то с верхушки домов комендант и какие-то чеченцы, которые были в его услужении, наблюдали за тем, что я делаю. Им надо было знать, нет ли там радиостанции, не являюсь ли я шпионом. Убедившись, что ее нет, решили, что я туда молиться хожу. Это уже было лучше. Несколько раз заходил ко мне комендант и, ни слова не говоря, смотрел мои технические книги. А я, учтя, что еду в ссылку, отправил из Кустаная все вывезенные рукописи своей тетушке. Я был на свободе, но знал, что можно опять в лагерь загнать. Никаких записей я не вел, поэтому уцелел.

Но кроме того, чтобы уцелеть, я сделал одну вещь совершенно сознательно. Я видел, что слишком отличаюсь от этой среды, не подхожу к ней, и знал, что меня не мытьем, так катаньем упекут. И вот на первое мая я решил напиться. Это было сделать легче всего: пьянка там процветала, пили каждый день. Я пью вообще редко, не люблю. Когда меня пригласили на праздник, я напился нарочно как свинья. Это произвело благоприятное впечатление на всех. Я оказался «своим», социально близким. Сразу отношение ко мне изменилось, коменданты стали улыбаться: «подзашел, мол, ну что ж». Они поняли, что я их человек. В общем, это укрепило мое положение. А тут начались изменения, Берию рас-

стреляли. Докатывалось это медленно. Судить приходилось по тому, что коменданты все-таки начали улыбаться.

Лето я, можно сказать, припеваючи прожил. Познакомился с одной ссыльной москвичкой⁷⁰. Единственно с ней мог разговаривать. Человек она была очень культурный, воспитанный, из хорошей среды. Жена⁷¹ прислала мне развод в пятьдесят первом году, когда я был в каторжном лагере в Экибастузе. Из ссылки я ей написал, спросил, не хочет ли приехать; она ответила: «Ни в коем случае». Так что я был совершенно свободен, вольный казак.

Летом было еще ничего, но в августе-сентябре стало ясно, что зимой тебя ожидает беспробудное пьянство. Электричество в этой дыре день работает, день нет. Так что живая могила. Надо было куда-то подаваться. И вот я предпринял ряд шагов и с помощью медицины вырвался из сулукульского совхоза. Предлог у меня был довольно смешной — зубы лечить. Но повезло. Врачи помогли, дали мне направление на лечение в Семиозерку, районный центр в тридцати пяти километрах от совхоза.

Как-то собрался на рынок в Семиозерку. Препятствий нет, дают разрешение. Самовольной отлучкой мою поездку не сочтут, двадцать лет каторги не дадут. А я встречал каторжан, которые попали на каторгу на двадцать лет, потому что, будучи ссыльными, нарушили запрет передвигаться без разрешения (обязательно был у них при этом либо злой комендант, либо водки ему не поставили, либо личные счета он с ними свел).

В пяти километрах от Семиозерки — железнодорожная станция, Аман-Карагай. Там монтировался элеватор, и меня взяли главным механиком. Мое положение изменилось. Если в сулукульском совхозе я зарабатывал шестьсот рублей по тамошним сталинским деньгам, то здесь я уже получал тысячу сто рублей, значит, сто де-

⁷⁰ Надежда Николаевна Осипова. В настоящее время живет в Москве.

⁷¹ Е. Голобородько, первая жена Д. Панина.

сять теперешних, и работа была, конечно, несравненно более интересной. Я люблю свое дело, поэтому вздохнул. И не было непрерывного гнета. Все эти коменданты и какая-то мелочь не смели даже ко мне приближаться. Для виду ты приходил, отмечался раз в месяц, и все. Если нужно было куда-то недалеко ехать, так никто разрешения и не спрашивал. За семь километров был районный центр, а больше некуда было ехать.

Сумел я помочь и моей подруге перебраться в Аман-Карагай. Я спас ее от верной гибели, что считал себя обязанным сделать. Она была осуждена по очень громкому московскому делу, по которому перестреляли почти всех. Ее муж был главарем какой-то организации. Конечно, девяносто девять процентов было придумано, но расстреливали-то по-настоящему. После расстрела своего мужа она была в положении очень опасного политического преступника. Комендант, который мне симпатизировал, говорил: «Ну, Панин, ты ладно, ты наш человек, а вот эта военной коллегией судима». Если бы она осталась в совхозе, ее бы обязательно посадили. Во-первых, потому что она была в нем зитцпредседателем: ее сделали бухгалтером, счетоводом и пихали на учет обмолота зерна, на работы на току, где шло сплошное воровство; а она была неопытным человеком, и ее запутали бы в бухгалтерских делах. Во-вторых, там такие негодяи были, что могли изнасиловать и все что угодно сделать; к этому шло. Пока я был там, она была защищена; когда я уехал, начались к ней всякие походы. Культурной женщине там было просто невыносимо. Поэтому я предпринял очень энергичные меры, и мне как-то удалось вырвать ее оттуда.

Мы зажили в Аман-Карагае как ссыльные. Жить в Аман-Карагае было гораздо интересней: железная дорога, инженерная работа, можно сказать. Когда два месяца нам не платили денег, чеченцы оказались кредиторами: давали конину. Не платили нам иногда и три месяца. Это было в порядке вещей, жаловаться некому. Хорошо еще, если потом тебе возместят. В нашем случае возместили, потому что из Москвы постоянно приезжали какие-то чины, инженеры, всякие ревизии устраива-

ли. Много интересных деталей, о которых надо написать; рассказать сейчас о них невозможно.

Обосновался я в Аман-Карагае в сентябре пятьдесят третьего года, а весной пятьдесят четвертого заболел какой-то странной болезнью. У меня вдруг резко повысилась температура, и она не спадала: все время тридцать восемь. Положение было очень тяжелое. Как члену профсоюза — только что, слава Богу, в профсоюз меня взяли — мне платили двадцать пять процентов от оклада. Я болен, а жизнь нищенская. Тамошние врачи бесполезны; думали, что бруцеллез или туберкулез, ничем не смогли помочь. И вот я сам себя вылечил. Моя подруга прочла в каком-то журнале о новом средстве страшной силы — левомецетине, который в три-четыре раза сильнее синтомицина. Мы решили попробовать левомецетин. Продукцию только что выпустили, и она была, видимо, хорошего качества. От первой же дозы я почувствовал, что у меня в крови что-то очистилось. Видимо, какой-то микроб в нее попал. Одним словом, я себя вылечил буквально в течение нескольких дней.

Я использовал свою болезнь, чтобы перебраться в Кустанай, который, конечно, был не такой дырой, как эта железнодорожная станция. Там был военный завод номер пятьсот четырнадцать. Во время войны это был пороховой завод, а в гражданское время он стал заводом искусственного волокна. Я уже был на городском положении, и меня туда взяли как инженера-конструктора. Для моих занятий я ловил минуты.

В Аман-Карагае я пробыл с сентября пятьдесят третьего года по июль пятьдесят четвертого. В ссылке в Кустанае я жил со своей подругой до января пятьдесят шестого года.

В. Ч.⁷²: А «Осциллирующий мир» вы в ссылке написали?

Д. П.: Да как вам сказать. Отдельные главы...

⁷² В. Ч. — Владимир Чернявский; Д. П. — Димитрий Панин.

В. Ч.: Вы здесь, на Западе, дописывали?

Д. П.: Конечно. Здесь я переосмыслил свою философскую систему, передумал ее. Я же стал свободным человеком. Раньше у меня не получались некоторые вещи, я подходил слишком жестко. Я не был сам свободен, поэтому и моя «Вселенная»⁷³ получилась не такая, как нужно. Я считал, что это испанский вариант⁷⁴. Теперь возможности другие появились...

Свободу людям дал Запад, как мы его ни ругаем; по свободе мы его ученики. И даже по устройению, по тому, как национальный вопрос решать, западный мир, Западная Европа при всех их безобразиях тоже для нас пример. Как ни говорите, между Францией и Германией сейчас уже война невозможна. Швейцария в своем маленьком ограничении тоже демократию сумела устроить.

* * *

Вернувшись в Москву, поехал на Сивцев Вражек к сестре, Александре Ильиничне Черкасовой. Моя жизнь там протекала в довольно стесненных, тяжелых условиях, спокойствие было очень ограниченное и маленькое, но дело шло. Я занимался йогой. После лагеря на человека обрушивается болезнь. Не у всякого рак — это уж смерть, но или легкие, или сердце, или что-нибудь другое отказывает. Одна болезнь за другой — такова реакция. Так и у меня было: зубы, потом, в пятьдесят шестом году, что меня очень напугало, через год после раковой операции в Куснае, у меня образовалась опухоль на голосовой связке. Я говорил сильным голосом. Хороший хирург сделал мне операцию, опухоль оказалась доброкачественной. Завод, на котором я работал в ссылке, практически был химическим, и меня там рентгеном исполосовали. В легких появилось затемнение, но я от него тоже быстро избавился. Какая-то еще болезнь при-

⁷³ Д. П а н и н. Вселенная глазами современного человека. — Турне, 1976.

⁷⁴ Имеется в виду испанская партия в шахматах, дебют которой разработан.

цепилась... В общем, с помощью йоги я энергично от всего этого отвязался.

Я тратил много энергии на занятия йогой и даже спал меньше, чем нужно было. Поэтому воздух для меня имел колоссальное значение. Однажды сестра мне устроила сюрприз. Прихожу домой, а окна и форточки забиты гвоздями. При таких условиях я не мог существовать. На следующий день я взял свой чемодан и переехал в Востряково, где снимал комнатку для катания на лыжах.

Когда натирали полы в квартире сестры, красная мастика замазала край чехла чемодана. Я был настолько расстроен всеми передрыгами, что не снял чехол и даже не перевернул его на лицевую сторону. Впечатление, что кровь. Иду на Киевский вокзал и чувствую, что милиционер пристально смотрит на чемодан. Я похолодел. У меня там все мои сокровища, духовные сокровища, а я такую глупость сделал. Откроет он чемодан, и я пропал. Я вез материал, за который меня могли расстрелять. По возвращении из ссылки в Москву мне надо было вылить на бумагу все мое отвращение к этому режиму, все мое презрение к нему. Я называл вещи своими именами. Во мне все кипело, мне надо было какое-то очищение произвести, и, видимо, оно и происходило со мной в это время. Вдруг что-то отвлекло внимание мильтона, и он отвел глаза. Я быстро завернул за угол, снял чехол и сунул его под мышку. Это был перст судьбы, Божий перст. Совсем ты на краю гибели; нет, что-то тебя выручает.

В. Ч.: В Востряково ведь кладбище.

Д. П.: Да, только там, где кладбище, ничего хорошего нет, а с другой стороны — природа: лес, большой пруд. Я там вел гимнастическую жизнь, начал бегать, к тому же купался зимой в проруби. Одно к одному: и йогины, и в четыре часа встаешь.

Я снимал комнату за двести рублей, двадцать рублей по-теперешнему. Востряково в тринадцати километрах

от Москвы, сторона моего Стройдормаша⁷⁵: на дорогу я минимальное количество времени тратил. Опять я жил в привычном ритме: в четыре часа утра встаешь, два часа работаешь, потом делаешь гимнастику, завтракаешь, бежишь, в пять или в полшестого, не помню, возвращаешься, полтора часа спишь, ешь и до двенадцати опять вкалываешь. Вот так изо дня в день. Всегда стараешься еще урвать время на работе для своих замыслов.

Мне надо было перелопатить огромное количество материала и пропустить его через свою голову. Я работал без книг, разбирался в своих мыслях. Я строил сотни гипотез, отбрасывал их, шел вперед. Я уже отметил, если вы помните, что даже нужно было, чтобы у меня пропала память. Если у меня была бы хорошая память, я никогда не справился бы со своей задачей: у меня всегда оставались бы какие-то осколки от моего прежнего чтения. А так я все забыл, у меня *tabula rasa*⁷⁶, я строю новую схему. И я действительно шел стремительно вперед.

В. Ч.: Как вы могли узнать, не сделал ли кто-нибудь до Вас подобной работы?

Д. П.: Да, у меня были сомнения. А потом я понял, что иду своим путем, потому что, во-первых, метод мой собственный — опора на законы природы, во-вторых, я себе точный инструмент подобрал. Начал с законов диалектики. Я хотел понять, можно ли их прилагать ко всем явлениям жизни, или они для разговоров Гегеля с Марксом. В работе «О законах развития» (это работа большая; я опубликовал лишь выжимку из нее) я тысячу примеров просмотрел и всегда старался найти, подходят или не подходят к ним эти законы, приложимы ли они к ним или не приложимы. Поэтому мои выводы сделаны на очень большом материале. Я был хорошо вооружен законами развития, которыми я научился

⁷⁵ Научно-исследовательский институт Стройдормаш, где работал главным конструктором Д. Панин, находился в Москве на Фрунзенской набережной.

⁷⁶ Чистая доска (*лат.*).

пользоваться по-настоящему. Подозреваю даже, что Гегель неправильно их применял...

Мой классический пример о противоположностях в единстве как процессе. Вы ставите чайник на плиту. Способность чайника с водой воспринять тепло и противоположность — способность очага, горелки отдать тепло. Отдать тепло — получить тепло. Противоположности есть, нагрев идет. Если к воде было бы добавлено взрывчатое вещество, нагрев прекратился бы. Получился бы взрыв, и единство было бы разрушено. Но в рассмотренном нами единстве есть и другие противоположности. Чайник стоит на плите. Сила веса давит на конфорку. Конфорка сопротивляется, она не сгибается, она держит чайник. Сила веса есть реакция этой вещи.

Единство у людей. Жизнь счастливой супружеской пары — это противоположности в единстве. Взаимоотношения супругов — противоположности. Надо понимать это в глубоком смысле. Муж способен любить свою жену, жена способна воспринять эту любовь. Жена способна любить своего мужа, муж способен воспринять ее любовь. Муж способен говорить умные вещи, жена способна их слушать и воспринимать. А если она начинает бросаться на него, то это уже нарушение единства, и возможна коллизия трагедий, столкновений. Во всех случаях, когда мы рассматриваем счастливую семейную жизнь, каждому единству должна соответствовать противоположность внутренняя, а не наружная. В основе опять лежит закон движения вещей. То количество энергии, которое ты передаешь жене в форме любви ли, в форме слов ли, должно быть ею воспринято, не отброшено, должно попасть в нужное место. Количество энергии, которое ты затратил, ты должен возместить. Тогда ты живешь, это баланс. Все время соблюдается энергетический баланс: ты затратил — ты получил; общество затратило — общество получило. Если баланс нарушен, то кризис или катастрофа.

Итак, бег, непрерывная гимнастика, купание в ледяной воде и работа, работа, работа, которая шла в общем хорошо. Почему я думал, что не изобретаю велосипед? Потому что, во-первых, мой метод был инженерный, и с этой точки зрения у меня была более сильная подго-

товка, во-вторых, я себе очень мощный инструмент приготовил: 1) законы развития, представляющие собой большое подспорье, 2) исключительно плодотворный новый закон, который я открыл, описав его в «Механике на квантовом уровне»⁷⁷: закон движения вещей. Эти два фактора — метод и инструмент — отделяли меня от других исследователей.

Когда я начал строить картину мироздания, картину Вселенной, естественно, столкнулся с вопросом пространства и времени. И вот тут законы, на которые я опирался, блестяще себя оправдали и позволили подобрать к пониманию этих величин. К тому времени для «Механики на квантовом уровне» я рассмотрел теорию вероятности. Соединение этих областей науки показало правильность понимания мною пространства и времени на уровне представлений современных исследователей. Теперь последователям Канта можно сказать, что его понимание пространства и времени несовременно. Мне очень хочется посмотреть несколько центральных вещей Гегеля с точки зрения приложения им этих законов.

В. Ч.: В СССР ведь вышло подписное издание Гегеля после войны.

Д. П.: И в тридцать четвертом году уже было.

В. Ч.: Очень интересны его Феноменология духа, логика, эстетика.

Д. П.: Вы, наверное, понимаете, так же, как я, что если вы разрабатываете систему, то вам совершенно не требуются другие системы. Если вы свою мысль развиваете, вам вредно в это время читать. Сейчас, когда мною создана система, я могу читать и с ее позиций соглашаться и не соглашаться с прочитанным, подвергать его критике. Но пока я системы не создал, чтение не могло мне принести ничего полезного. Мне нужны были только справки, больше ничего. Я думаю, что моя работа из тех, что имеют право на существование, я не вижу ничего, что может ее заменить.

⁷⁷ Д. Панин. Механика на квантовом уровне. — М., Физико-математическая литература. ВО Наука, 1993.

В. Ч.: Я хочу сообщить читателю ваши основные положения в популярной форме.

Д. П.: Когда вы разберетесь, другие книги прочтете, поймете, что у Маркса в его работах, написанных им в девятнадцатом веке, много глупостей и воровства. Вы увидите, что я писал мою работу на глубокой основе и не заглядывал в другие руководства. Философия Маркса — мусор, я предлагаю научную философию.

Возможно, вы не обратили внимания на последнее приложение к «Миру-маятнику». Я микромиром как таковым не занимался. У меня возникла такая идея: если, с одной стороны, макромир у меня в руках — как механик я к нему подошел с позиций теории относительности и механики на квантовом уровне, а с другой стороны, закон движения вещей в какой-то мере удачно отражает трансфизический мир, Божественные откровения, то микромир, который находится между ними, обязательно должен быть в сети этих законов; он не может из них выскочить. Поэтому я был спокоен. Я получил блестящее подтверждение науки: как все делается из пустоты.

В. Ч.: Если вы на Бога распространяете те же законы, что действуют в физическом мире, то где та прагустота, которая толкнула другую густоту?

Д. П.: Это уже Бог. Наша логика — сильная вещь, но тройное правило арифметики не идет для Бога. Логика трех измерений в применении к Богу отражает какой-то кусочек Бога, который обращен к нам, но обо всем Боге мы не имеем никакого представления.

В. Ч.: Димитрий Михайлович, я очень долго интересовался этим вопросом и читал разных богословов. Мы не знаем законов распределения баланса добра и зла и всемирного добра, не понимаем, что такое зло. Бог всеблаг, но почему тогда землетрясения? Бог был всемогущ, но Он не всемогущ. Почему уничтожали животных? Почему погибают люди? Почему землетрясения?

Д. П.: Вы затронули вопрос теодицеи. Мы можем строить свои гипотезы, но очень относительные; мы можем говорить, что объясняем только несколько лучей Бога. Как лучи звезды, они идут во все стороны. Деся-

ток лучей мы кое-как можем объяснить, но весь спектр, все сияние мы не трогаем, мы его не знаем; весь спектр на нас не идет, он идет совершенно в другие сферы.

В.Ч.: Что дальше было в вашей жизни?

Д.П.: С сорок девятого по шестьдесят первый занимался физикой, пространством и временем, поиском законов, инструментов для моей работы. Это была подготовительная работа. Затем начал проблему за проблемой решать, применяя законы природы. К политэкономии как инженер я применил закон сохранения энергии. Что такое работа? Это трата энергии. Так что, конечно, надо измерить работу энергией, а не каким-то общественно-необходимым временем по Марксу...

Один за другим я решал такие вопросы, как политэкономия, устройство мира. Когда философская картина прояснилась, то стало возможным предложить человеческое мироустройство. Уже установлены какая-то иерархия ценностей, какие-то соотношения. Уже не надо против них действовать, говорить, что чудеса — это суеверие, а Божественные откровения — вздор. Гегель и Кант были пленниками этой ерунды. Современная наука ушла далеко вперед. Мы теперь зрячие, вооруженные знаниями, начинаем строить мировую общественную систему. Конечно, спотыкаясь, делая кучу ошибок. Я работаю методом последовательных приближений: решил задачу, потом ее оставляю, занимаюсь другим вопросом и снова приближаюсь к ней. Система огромная, тысяча вопросов, все связано. Ты создал новую политэкономия, но в другом месте разрешил какой-то другой социальный вопрос и должен вернуться, посмотреть, не нарушает ли чего-то система. Поэтому все время поднимаешься с этажа на этаж.

С шестьдесят первого по шестьдесят пятый год я жил в Вострякове спартанской, аскетической жизнью, полной трудов. Здесь уместно сказать, что в какой-то момент — я это приурочиваю к пятьдесят девятому году — в своих поисках я пришел к католицизму. Я понял в ходе своих размышлений, что если этический контроль необходим миру, то, вероятно, он был раньше; его прообразом я считал Римскую католическую Церковь. Но в настоящее время роли Церкви недоста-

точно. Церковь должна заниматься своими вопросами, связанными с совестью и вероучением.

В. Ч.: То есть вы не стоите на точке зрения теократии?

Д. П.: Нет. Церковь совершенно особняком стоит. Она подготавливает людей, учит их добру и участвует в гарантии системы, но никем не руководит, ни теократией, ни иной «кратией» не занимается. В моем мироустройстве существует каждое государство, оно управляется своим государем, своим президентом, своим парламентом, своими министрами. Этический контроль в управление государством не вмешивается. Он только против того, чтобы данное устройство выродилось в какую-нибудь диктатуру или деспотию. Вот тут он вмешивается, говорит: «Это не пойдет».

В. Ч.: Вы стоите в этом смысле на позиции непредрешенчества. Вам все равно, какое правление будет?

Д. П.: Безразлично. Есть конституция, есть законы духа. Этический контроль их выполняет. Он ограничен, совершенно произвольно ничего не может делать. Он вмешивается, только если закон нарушен. На первых порах, даже если это нарушение несерьезное, он делает предупреждение, рекомендует. Действительно что-то очень серьезное должно быть, чтобы наложить вето. Все разумно, по градации.

Итак, я пришел к католицизму и начал им глубоко интересоваться. Каждое лето ездил в Прибалтику: в Литву, Ригу, где много католических соборов. В Москве я ходил всегда в свою православную церковь и вообще не считаю, что перестал быть православным. Я просто расширил свои возможности. Православная и католическая Церкви в тесной зависимости, очень близки. Их разделяют, в сущности, два догмата: о Папе и об исхождении Святого Духа от Иисуса Христа (*filioque*). Последний догмат никакого практического значения не имеет; в чем-то католическая Церковь права, если судить по ссылкам на Священное писание. И в догмате о Папе она тоже права, потому что нельзя иначе истолковать важнейшие обращения Христа к Апостолу Петру.

В. Ч.: Сначала Богово, а потом кесарево. В значи-

тельной мере непонимание этого православной Церковью привело к революции.

Д. П.: Да, и это верно. Подчинилась Церковь, служанкой какой-то стала, скомпрометировала себя. Так нельзя. Она и в деревне-то никого не смогла за собой повести. Ведь деревня верующей была. Может, батюшка с хоругвями, с крестом выходил, но ведь не известно ни одного более или менее крупного религиозного восстания.

В. Ч.: А как с крещением, когда переходишь в католическую веру?

Д. П.: Крещения никакого не требуется для православного. В общем, у нас одна Церковь; католическая Церковь рассматривает нас как католиков. Но какие-то предприняли меры, прочли Символ веры. Это было в Литве в семьдесят первом году. Перед отъездом на Запад я специально туда поехал.

В. Ч.: Это в каком было месте, или не надо его называть?

Д. П.: Да как вам сказать. Не подвести бы других. Мы ведь приняли католичество вместе с Глазовым⁷⁸. Вот недавно Исса нашла письмо Глазова. Он сообщил имя священника: отец Станисловас Добровольскис.

В. Ч.: Из какого города?

Д. П.: Это маленькое местечко с каким-то сложнейшим литовским названием⁷⁹. Там церковочка. Могу вам показать фотографию...

К КНИГЕ В. ЧЕРНЯВСКОГО «ТРЕТИЙ РАУНД»

Д. П.: В вашей власти выпукло дать самые основные мои вещи — философию, политэкономию, новое общество. На двух страничках вы можете блестяще показать преимущество моей политэкономии, ее силу и ясность.

⁷⁸ Юрий Глазов эмигрировал, как и Д. Панин, в 1972 году. В настоящее время возглавляет русский департамент в Галифакском университете в Канаде.

⁷⁹ Деревня Побяржай около города Кедайняй.

На фундаменте политэкономии я предлагаю Общество Независимых. Оно реально. Моя политэкономия показывает, как создать богатство, но не говорит, как людям избежать порчи от изобилия. Это наша главная забота. Церкви, рыцарским братствам предстоит огромная работа по повышению уровня духовного благородства и этики людей для их сохранения.

С точки зрения хозяйственной, экономической, социальной — картина совершенно ясная. Наша западная цивилизация подходит к последней крайней точке качания маятника, к крайней точке своего развития. Если бы страны западной цивилизации, Франция, Италия, развивались бы отдельно, то они неизбежно рухнули бы. Замкнутая цивилизация должна была бы уже погибнуть, как погибли до нее сорок цивилизаций. Но поскольку мировые войны перемешали сверхдержавы и весь мир, есть надежда, что все цивилизации действуют как одна цивилизация, как совокупная цивилизация. И теперь есть не цивилизация маятника, а цивилизация мира-маятника. Так как сейчас в движении маятника участвует весь мир, есть надежда, что можно его осцилляцию направить по-другому, так, чтобы он не остановился, а начал новую осцилляцию. Полагаю, что это можно сделать только за счет того, что найдутся люди доброй воли всего мира, которые объединятся, возьмут этический контроль в свои руки и облагородят в какой-то посильной степени мир. И тогда, может быть, пойдет развитие в плоскости Общества Независимых. Вариант вполне реальный; это не химера, не утопия.

Те, кто думает, что этический контроль — утопия, считают, что проповедь Иисуса Христа ничего не дала, добро — вещь слабая, Дьявол царит, он — реальная сила, а все потуги с ним бороться нереальны. Христианин так считать не имеет права. В самой отчаянной обстановке он должен вести борьбу, даже если в результате этой борьбы он погибнет. Это самое реальное поведение, которое в конечном счете обеспечит победу добрым силам над адскими силами. И недопустимо обращать внимание на замечания о нереальности этического контроля. Не сдавайся, борись — в этом реализм, а не

в том, чтобы, поджавши хвост, подчиняться каким-то оголтелым силам зла.

Люди доброй воли сейчас тоже пали, застряли в материализме, поэтому простой призыв к рыцарскому началу их души не будет услышан. Прозвучать может только призыв к довольно низменному началу, к материальному инстинкту. А для того, чтобы не впадать в ловушки, которые расставляет марксизм, мы предлагаем другой путь — путь к обществу благоденствия. В доходчивой форме можно показать, объяснить, как к нему прийти. Когда мы достигнем общества благоденствия, мир будет утопать в богатстве и роскоши, и начнется новая осцилляция. До нее надо жить и жить.

Поскольку сейчас наука, техника, торговля тесно переплетены и происходит проникновение одной культуры в другую, по моему разумению, весь мир, а не одна, скажем, Франция, движется к концу осцилляции маятника. Но мир пестрый. Одни культуры, как Франция, Италия, идут законно к своему концу, другие — как русские, англичане, которые только тысячу лет существуют, еще далеки от конца. Совсем молодые нации или, наоборот, древние вместе движутся, потому что сейчас очень тесно все связано и увязано и для всех критическое положение. Но именно потому, что такая пестрота, полагаю, что свежие, здоровые люди доброй воли найдутся в других культурах. Они помогут увядающим народам, которые уже иссякли, впадают в марasmus. Надежда на то, что мы, перестрадавшие в нашей стране, разобравшиеся во многом, принесем плодотворные идеи, зажжем спасительный свет, укажем цели. Их ухватят представители других народов, и постепенно образуются элита людей разных стран, которая нужна для того, чтобы выйти из критического положения, в котором находится мир. Иначе он обречен на рабство или атомную бомбежку. Мы на пороге апокалипсиса. Если все наладится так, как мы думаем, — с советским режимом и с коммунистическими режимами будет покончено, этический контроль будет установлен, мы двинемся к обществу насыщения (в своей книге я употребляю это название исключительно из тактических соображений), а от общества насыщения — к обществу благо-

денствия. Но когда будет достигнуто общество благоденствия с огромными богатствами, возможностями, свободой, возникнет, повторяю, страшная опасность массового разложения людей от хорошей жизни. Прежде всего приходит в голову нарушить искусственно благоденствие людей в точке маятника, когда он перешел в другое положение. Поскольку развал идет от излишнего богатства, надо с ним покончить. Но вполне возможно, что в ходе нового движения маятника найдутся какие-то духовные средства, чтобы сделать все более мягко, не ломая жизни людей. Например, распространится какое-то этическое учение, призывающее к отказу от богатств, и оно будет воздействовать на душу, на сознание людей. Но на самый худший случай, пока люди еще не достигли достаточно хорошего уровня, надо грубым вмешательством нарушить движение маятника, чтобы не дать ему остановиться. Это позволит избежать кризиса или взаимного истребления, развала или катастрофы, когда с жиру начинают беситься, как французы в 1968 году. Что им тогда мешало? Начали безобразничать, и все.

Это признак приближения к крайней точке. И надо заранее нарушить ход экономики, скажем перестать платить ренты, или нарушить валютную систему, которая будет к тому времени общей для всего мира. На первых порах, чтобы выйти из положения, можно таким способом, самым грубым, вернуть людей к суровой борьбе за существование.

Мне ясно, как достичь общества насыщения и общества благоденствия. Я инженер, и здесь я стою на твердой почве. У нас есть все возможности, чтобы дать огромные богатства каждому человеку. Но как выйти из сопутствующей этому катастрофы, для меня самая сложная и пока что нерешенная задача. Поначалу я говорю о самом элементарном, механическом способе нарушения предкатастрофической обстановки, которая неминуемо создается, когда люди слишком хорошо живут. Это наша натура. Страдания все-таки наш учитель, они делают нас умными, даже благородными, отзывчивыми. Как только они прекращаются, человек нередко превращается в свинью. Во избежание этого Церкви и центры этического учения своей проповедью должны создавать

духовное богатство, расширяя наш нравственный и духовный мир, повышая возможность религиозной жизни. Для этого надо дать людям огромный досуг; они не должны быть связаны обязательной работой: скажем, треть года ты работаешь, а две трети — свободен. Одним словом, предоставить возможность человеку для духовного развития. Но как в условиях развала, который идет на наших глазах, зацепить человека, ничего не могу сказать. Я намечаю пути, но выйдет это или нет, тут уж Господь Бог.

Общество Независимых состоит из трех секторов: сектор энергии, сектор жизни, сектор духа. В сектор жизни входят почти все страны третьего мира, а также основная масса населения каждой страны Свободного мира: фермеры, мелкие торговцы, чиновники, полиция, армия — все, кто не на заводах, где концентрированное автоматизированное производство. Так во всех странах Свободного мира. А сектор энергии может быть сосредоточен только в некоторых его странах. Сектор духа комплектуется из всех народностей и ведет международный этический контроль, но в каждой стране тоже имеется центр этического контроля. В случаях тревоги центры этического контроля на время превращаются в резервные правительства, чтобы ликвидировать какой-то беспорядок. Потом они опять входят в главный центр этического контроля.

В. Ч.: Таким образом, при такой структуре весь мир должен двигаться к обществу изобилия?

Д. П.: Да, конечно. Потому что весь мир подчиняется конституции Общества Независимых и законам духа. Если они соблюдаются, все в порядке. Собственно говоря, задача этического контроля — следить за их соблюдением.

В. Ч.: Значит, от Общества Независимых к Обществу изобилия?

Д. П.: Обществом Независимых я назвал всю эту систему. Но в ходе развития Общества Независимых я называю стадии, ступени, циклы. Сейчас ступень насыщения. После ступени насыщения мы переходим к ступени благоденствия. Уровень богатств на этих ступенях разный. Начинаем мы не с нуля (хотя в третьем мире

можно считать уровень нулевым), повышаем богатство, приходим к стадии, на которой можно считать, что насыщение достигнуто. Потом начинается стадия благоденствия, когда мы начинаем создавать огромное богатство и бедных практически нет. Никаких государственных капитализмов, никаких государственных средств. Будут акционерные компании, которые ограничены пределом, чтобы не было монополии, чтобы была конкуренция. Все это у меня продумано, разработано.

Вопрос о том, как найти выход из критических точек, мною не решен, и, может, не мне его решать. Я не сомневаюсь, что большое материальное благополучие приводит всегда к какому-то свинству. И сейчас мы наблюдаем это в Швеции: все для лошадей.

В.Ч.: Как с точки зрения вашей теории вы оцениваете нынешнее шведское общество?

Д.П.: В какой-то мере в Швеции достигнута стадия насыщения. Этический контроль там взяло на себя государство. Но только этический контроль там перевернутый.

В.Ч.: А есть там секторы, о которых вы говорите?

Д.П.: Конечно. Промышленность, но это не совсем то автоматизированное производство, о котором я говорю. В какой-то мере Швеция ощупью подошла к обществу насыщения.

В.Ч.: Там социалисты управляли сорок три года.

Д.П.: Это неважно, кто управлял, важно, чтобы были умные люди. Шведское социалистическое управление пришло к катастрофе, потому что было создано не Общество Независимых, а конюшня, в которой лошадь хорошо работает, ухожена, накормлена, может погулять, порезвиться, и всё. При этом в Швеции самый большой процент самоубийств. Только один процент населения ходит в церковь. И начинается развал души, развал общества. Социалисты именно за это взялись и за сорок с лишним лет сумели довести страну до этого состояния. С одной стороны, карманы полны и излишки, а с другой — свобода тоже ограничена. Ты имеешь все блага, но должен при этом выполнять кучу требований. Это относится и к пособиям, и к дотациям. Предпри-

имчивость начинает падать, если все делает государство. Зачем тогда лучшие качества души?

Перед обществом благоденствия будут стоять огромные общечеловеческие задачи. Будут вестись проектные работы: оводнение Сахары, отопление тундры, создание подземных хранилищ, где бактерии будут работать. Сектор энергии будет использован только на тридцать процентов, а на семьдесят процентов будут работать новые сооружения, которые должны еще более обогатить мир. Как это сделать, откуда берутся средства, все разработано в книге «Общество Независимых».

Мой существенный вклад в общественное устройство — этический контроль. Это новый вопрос, хотя, по сути дела, он очень старый. Исторически Церковь и монархия в Западной Европе выполняли роль этического контроля. И были в Истории неплохие страницы действительно настоящего прогресса. Вредно и резко отрицательно действует на жизнь народа, когда люди берут на себя не свою задачу. Вмешательство Церкви в земные дела, введение инквизиции показали неумение, неспособность Церкви руководить общественной жизнью; то был полный ее провал. Когда Александр Борджиа старался папское королевство устроить, это никакой славы Церкви не принесло. Церковь должна выполнять свои обязанности. Ее сфера — души, религия, вера.

В. Ч.: Староверы считали, что души спасают.

Д. П.: Мало ли заблуждений. Мы же не о заблуждениях говорим. Государство тоже должно иметь свою область. Если оно берет на себя полностью не только жизнь людей, но и их души и начинку их голов, то получается чудовищная вещь — модель Советского Союза, Китая и других коммунистических стран. Если государство начинает вылезать за пределы своей области, то начинается террор, кошмар. Государство и Церковь должны заниматься своими вопросами, но если они занимаются только своими вопросами, то образуется вакуум, пустота, в которую устремляются даже оккультные силы, враги существующего строя. Они начинают в подземелье строить свои козни, которые потом выходят наружу в виде всяких философских произведений и тому

подобного. И на людей, на совершенно невинные народы. обрушиваются несчастья, как термидор⁸⁰, революция, которые ни сном ни духом не были необходимы. Нашему государю обязательна была встряска, надо было сменить министров. Строй, может, и не надо было менять.

В. Ч.: Вы не считаете, что строй уже перерождался?

Д. П.: Да, перерождался. Надо было проводить как можно больше реформ, дать свободу третьему сословию, ограничить привилегии дворянства. Зачем для этого рубить головы? Ведь это ничему не помогло. Зачем такой ценой добиваться простых вещей?

В. Ч.: Англичане отрубили голову королю, потом сами короля поставили.

Д. П.: Да, сами короля поставили. Счастливчиками истории их называют. Они со времен Иоанна Безземельного уже привыкли к *habeas corpus*⁸¹ — это великая вещь. Традиции никуда не денешь. И благородное начало у них не забивалось. Наоборот, это была одна из наиболее благородных наций в то время.

В последней войне сто три тысячи французов погибло. Это много для Франции. Под коллаборационистов подводились неугодные, сводились счета. Погибли выдающиеся люди, верхушка правой.

Если начинаешь заниматься не своим делом, получается ужасно. Если только своим делом занимаешься, образуется какой-то просвет, в котором благоденствует всякая нечисть. Она не согласна с традиционным эволюционным развитием народа, бредит всякими восстаниями, совершенно неоправданными революциями и проводит эти бредовые идеи.

Отсюда вывод: должна быть третья сила, верней, новая сила, которая должна заниматься этическим контролем и не имеет права упускать из виду новые книги. Мы теперь знаем, какое это колоссальное значение

⁸⁰ Термидорианский переворот в июле 1794 года, свергший якобинскую диктатуру во Франции.

⁸¹ Имеется в виду Великая хартия вольностей Иоанна Безземельного, положившая начало биллю 1697 года, *habeas corpus act*, установившему гарантии индивидуальной свободы.

имеет. Если еще в свое время «Капитал» Карла Маркса разобрали бы по косточкам, то нашли бы в нем ошибки, показанные в моей политэкономии. Но никому не было до этого дела: Церковь душами занималась, государство — казной. Вроде бы Академия наук должна была заниматься новыми доктринами, но ей мешал вопрос свободы. Он не был разрешен правильно. А в результате провал целой цивилизации. Я даже не знаю, вылезем ли мы из этого. Может, даже уже и поздно. Вполне это допускаю.

Этический контроль — это собрание благородных людей, которые не за страх, а за совесть осуществляют этический контроль. У них хорошая зарплата, но нет возможности сделаться богатым, обогатиться, получить какие-нибудь титулы, награды. Они вроде монахов, рыцарей-монахов, отдают свою жизнь защите людей, дают обет Богу или, верней сказать, своему Богу. Они разных национальностей, у каждого своя религия, своя конфессия.

В. Ч.: А атеисты?

Д. П.: Пожалуйста, мы открываем для них дорогу. Дайте клятву, скажем, в мэрии и будете на общих основаниях. Если вам подходят этические принципы людей доброй воли⁸², если вы согласны с ними, то нам не важно, чем вы руководствуетесь. Если вы сделаете подлость, вас ждет шпага вашего товарища. Имейте это в виду. Это не шутка. То, что сейчас становится очевидным единицам, завтра будет ясно большинству населения.

Если мы хотим справиться с мировой задачей, предложить людям что-то лучшее, чем то, что у них есть, мы, конечно, должны опираться на людей доброй воли из всех слоев и всех народов. И не имеем никакого права требовать, чтобы все были христиане — католики или православные. В принципах людей доброй воли христианское обоснование для христиан, универсальные законы природы для всех. Я всегда привожу пример Христа. Если рыцари духа, те люди доброй воли, кто

⁸² Д. Панин. Теория густот, главы 32 — 37.

достиг высшей ступени, согласны с выдвинутыми положениями, они наши братья. Придут они к христианству или нет — это уже будущий вопрос, вопрос жизни. Мы вовсе не можем настаивать на этом, и это было бы неверно. Мы настаиваем на том, что если они с нами согласны, то берут наши принципы к исполнению. Тогда можно считать, что мы с ними составляем братство.

Без этического контроля мы больше не можем жить. В конце двадцатого века необычайно усложнилась жизнь, каждый день рождаются страшные опасности, чудовищно понизился моральный уровень. Образовался какой-то моральный провал, именно провал, в душах. Я полагаю, что этический контроль — самое радикальное и своевременное лекарство (может, уже и поздно, но я другого не нахожу) от наших бедствий. Церкви находятся в критическом состоянии, их уровень понизился катастрофически. Я рад, что католик. Болезнь католической Церкви я прочувствовал до конца. Если я был бы православным, мне было бы наплевать на католичество. Ведь протестанты мне безразличны. Я знаю, что у них плохо, еще хуже, чем у католиков, и все. Положение в католической Церкви я продумал, погрузился в ее проблемы. Со всех сторон мне подсказывают, что насущно необходима новая сила, сила благородных, лучших людей. Без этой силы все действительно взлетит на воздух. Сомнения, которые у вас, Володя, есть, что она может стать инквизицией, напрасны. Это вопрос устройства, конституции. Отобрать лучших людей из миллиардов можно. Утопией была бы задача заменить все государственные управления, все Церкви. Нереально заменить огромное количество людей, которые связаны с деньгами, с титулами, с наградами, с продвижением по службе. Всегда будут карьеристы, люди, которые хотят обогатиться и нарочно идут на определенные должности. Заменить их монахами совершенно невозможно. Но возможно создать кулак, центр, действительно из благородных людей, работа которых не будет связана ни с обогащением, ни с титулами. И таких людей найдется, может быть, даже больше, чем мы думаем. А если их

начать еще специально подготавливать с детских лет, то эта проблема будет полностью решена.

Основное — как в этой обстановке подобрать людей. Я думаю, что для указанной цели мы не можем рассчитывать на одно благородное начало, как во времена крестовых походов, когда на клич «идите» — люди шли.

Сейчас люди слишком испорчены. Поэтому мы предлагаем им Общество Независимых с его обществом благоденствия, то есть привлекаем людей через материальные каналы, и вместе с тем через те каналы с помощью которых мы сможем установить какой-то хороший, твердый порядок на земле. Я думаю, так мы сможем найти нужных нам людей, таким насосом мы сумеем их откачать.

История показывает, что Церковь не может руководить обществом. Имеются только два ярких исключения: кардинал Ришелье и кардинал Мазарини. Это поразительно. В своем церковном деле епископы прекрасны, но чего-то не хватает у них, чтобы руководить государством. Не знаю, можно ли серьезно говорить о Макариосе⁸³.

В. Ч.: А иезуиты в Парагвае?

Д. П.: Я говорю о крупных деятелях, а это рядовые люди, они что-то сделали, сделали интересно.

Есть какое-то разделение труда, разделение душ. Церковь — это Церковь. В церковь идут люди, у которых церковные души; в государство — со всячинкой. Но для хороших государственных деятелей тоже нужен особый подбор; не всякий человек там может быть. Есть великие люди, и есть путаники.

Произвол не может быть ни в какой области. Среди кремлевских врачей, например, все кто угодно. Они — безбожники; раньше генов не признавали, теперь работают над хромосомами, над психологией поведения, над тем, как сделать из человека робота. Надо их исследования под полный контроль поставить, иначе действительно все на воздух взлетит.

⁸³ Архиепископ и президент на Кипре. Умер в 1977 г.

Я убежден, что этический контроль нужен будет всегда, пока человечество не дойдет до такого уровня, что изживет первородный грех. Но тогда это уже будут не люди, а какие-то ангелы. Всегда будут преступники, какие-то люди с комплексами, с искаженными душами, люди, которые будут беситься от всякого изобилия, счастья, даров земных. Этический контроль всегда будет нужен, чтобы предохранить, спасти основное человечество от уничтожения.

В.Ч.: Может, вы хотели бы, чтобы я начал рассмотрение ваших взглядов с метафизических проблем? Вы когда-то мне сказали, что прежде всего надо себе представить Бога, а потом судить о земных делах.

Д.П.: Да, вы совершенно правы. Надо себе Вселенную представить.

В.Ч.: Это дедуктивный способ. Другое дело, что хронологически вы, может, не так к этому пришли. Вы встретили матроса на пересылке в Бутырке, когда ехали на шарашку?

Д.П.: Вы абсолютно правы. «Мир-маятник» так и построен. Первая часть философско-теологическая, а потом политэкономия. Так именно и шло. В тридцать втором году у меня возникла идея густоты, и я ее уже тогда начал разрабатывать. И конечно, это соответствует хронологии. Встреча с матросом была значительно позже и лишь подкрепила правильность моих исканий⁸³.

Моя философия представляет собой концепцию видения мира, которая вполне увязана с законами приоро-

⁸³ « [...] томясь в бездействии в камере, я мысленно восстанавливал в памяти свою гипотезу тридцать третьего года. В ней я рассматривал Вселенную как систему сгущений различного вида частиц, а их взаимодействие — как совокупность сгущений и разрежений». «Мысль [Трушлякова. — И. П.] показалась мне очень знакомой в своей основе, но гораздо глубже и дальше разработанной [...] я приказал себе ничего не спрашивать у Трушлякова, а дойти до всего самому, благо неожиданно я получил подтверждение справедливости своих тогдашних мыслей» (Д. Панин. Лубянка — Экибастуз).

ды, с наукой. Она дает картину Вселенной, которая доступна простому человеку и позволяет ему выйти из тупика материализма и идеализма. В философии обосновано существование Бога, создание Им Вселенной и доказана несостоятельность марксистской саморазвивающейся материи. Предлагаемая философия дает конструктивный взгляд на вещи и возможность быть убежденным верующим человеком.

Почему тварный мир имеет свои законы, а Бог не подчиняется этим законам, у Него свои законы? Бог, условно говоря, — огромная звезда. Из этой звезды исходят лучи. Каждый луч — свойство Бога, присущее Богу качество. Определенные универсальные законы связывают Бога и физический мир. Я их перечисляю. На основании этих законов Бог вмешивается, творит мир, может вносить свои изменения, помогать людям, совершать чудеса. По моей гипотезе, это — прямая связь. Он может нам посылать свои Божественные откровения и на основании этого вносить какие-то изменения в строения молекул, проводить там революцию. Но это нисколько не говорит, что при этом мы что-то знаем о Боге. Больше этого мы ничего не знаем. Все остальные Его лучи вне нас. Они уходят в другие миры, в другие сферы, их воспринимают, возможно, какие-то трансфизические существа. Мы их не воспринимаем. Поэтому Бог для нас непознаваем во всем своем объеме. И мы можем о Нем говорить только в пределах известных нам лучей. Какая-то их часть в Боге, какой-то сегмент шара Вселенной связан с нашим физическим миром. Мы можем говорить, что в нем должны действовать те же универсальные законы, потому что они являются выражением сущности Бога. Такова моя гипотеза. Я думаю, она логична. Она дает объяснение возможности Бога вмешиваться в физический мир. Иначе начинается фантастика. Если Бог вмешивается, то Он — творец, Он — работник. Все законы физического мира, которые действуют, должны действовать и в Нем. И это Его сущность. Тогда мы можем объяснить наличие Бога. Тогда снимается целая куча вопросов, которые безбожники валили: «А как же Бог подчиняется законам?» В част-

ности, Бертран Рассел⁸⁵ распространялся по этому поводу.

Закон отрицания отрицания требует закономерных повторений. Примером может быть растение, движение астрономических объектов. Если астрономические объекты вращаются и движутся по своим закономерным орбитам, это доказывает, что закон отрицания отрицания был наложен на хаотические явления. Кто наложил этот закон? Какие силы? В физическом мире такая сила, густота, величина отсутствуют. Значит, мы приходим к единственному выводу, что это было сделано надмирной густотой, которая гораздо выше, совершеннее и которая может давать разрежение именно в данную вещь. Она формирует. Отрицание отрицания в нашем физическом мире действует, и в огромных объемах; из этого следует, что на хаотические явления были наложены закономерности, такие, как закон всемирного тяготения. Только надмирная густота, Бог, могла это сделать. Так логически это можно объяснить.

По моей модели души, монада представляет собой ее дух, ее разум, космический разум. Душа — это конструкция из трансфизических частиц со всеми ее каналами и волевой густотой, которая выражает собой волю, чувство и управление мозгом. Я — монада, управляющая через душу мозгом. Конструкция души: Я, каналы души, мембраны и волевая густота, которая фиксирует нейроны мозга в нужной точке, держит напряжение, пока нужно, добивается нужного ответа. Получается так: оператор — машина, машина — мозг, оператор — Я, то есть монада, центр и управляющая система. Машину моделирует мозг. Я остается человеком. Я составляет программу, корректирует и меняет ее.

Программы составляются годами, ибо происходят постоянные сбои, проверки. Без человека ничего не сделаешь. Фантазия, что машина будет сама программы составлять. Чтобы составлять свои программы, машина должна иметь волю. Машина не имеет воли, она не

⁸⁵ Бертран Рассел (1872—1970) — английский философ и математик.

имеет Я и, следовательно, не может иметь интуиции. Но она может иметь огромную память; она может по какой-то очень большой сложной программе иметь возможность решать с колоссальной скоростью задачи с тысячами неизвестных. Это несомненно. Фантастику надо отделить от реальных вещей. Машина производит самонаучение. Верно, что количество данных в ее запасе памяти, количество комбинаций, которые она делает, увеличиваются, но это вовсе не значит, что она становится человеком. Машина не имеет желаний. Почему она будет составлять программы, если у нее нет желания? Значит, все время человек, у которого есть желание и воля, должен ее направлять, составлять ее программу, подталкивать. Марксизм страшно проник всюду. Материалисты не понимают, что у машины нет души. Марксист думает, что у нее есть мозг, и этого достаточно. Но это абсолютно не так. Нужна еще душа.

Вы говорите, Володя, что моя модель души сложная. Но и человек сложен. Если мы хотим создать модель души, выдвинуть ее гипотезу, то мы не можем ее упростить. Иначе не сможем объяснить это сложное явление.

В. Ч.: А как вы относитесь к библейскому понятию сердца? В каком взаимоотношении находятся сердце и мозг по вашей структуре?

Д. П.: Для меня сердце — это физиология. Это мускул, который работает.

В. Ч. Может, это синоним души? В вашей структуре вы, пожалуй, его рассматриваете как что-то синонимичное душе.

Д. П.: Нет. У меня существуют душа, мозг, сердце. На сердце действуют некоторые чувства. Сердце связано с ними. У тебя сжимается сердце, если ты видишь какие-то страдания. Цепочка ясная: от наших рецепторов зрения, от наших рецепторов слуха, через нервы сигнал приходит в мозг; из мозга через каналы он приходит в душу и по душе идет в густоты свойств. Стусутилась густота жалости, милосердия, и у вас все уже окрашивается определенным образом. Эта окраска обратной связью действует не только на ваш мозг, но может действовать на ваше сердце. Думаю, что это логичное объ-

яснение. Но не следует какое-то особое значение придавать сердцу...

В. Ч.: Вы рассматриваете генетически эволюцию. Ни в одном словаре иностранных слов я не смог найти употребляемые вами термины, как, например, кроссинговер, аллели.

Д. П.: Кроссинговер — это разрыв хромосомы. У меня была популярная книга Ауэрбах⁸⁶, где все объяснения даны. Может, вам с ней ознакомиться? Моей памятью был конспект. Я вывез рукописи, сделал микрофильмы и передав их на Запад с людьми доброй воли, но конспекты не смог вывезти.

Д.П.: Приехавшие на Запад диссиденты, безусловно, не агенты КГБ. Это честнейшие люди, но они воспитаны на канонах безбожия, марксизма. Они больше, чем кто бы то ни было, формировались в советском нужнике. Какой-нибудь рабочий слушал марксистскую «науку» в семилетке и забыл о ней. Крестьян она вообще не трогала. А вот часть гуманитарной интеллигенции оказалась незащищенной от обязательного безбожия. Подавляющему большинству из них было хорошо в Советском Союзе, во всяком случае лучше, чем рабочим, крестьянам и инженерам. Они были у кормушки. Многие из них были членами Союза писателей.

Я не о вас, Володя. Вы принадлежите к гуманитарной интеллигенции, но очистились, потому что у вас душа другая, у вас другие заслоны, у вас — вера. А, к примеру, Виктор Некрасов⁸⁷ не защищен, как вы. Мы с ним одного года рождения. Меня в вуз не пускали, я должен был на заводе работать. А он из революционной семьи и смог поступить в самые драгоценные институты, в которые попасть-то было невозможно, — архитектурный, журналистики. В советской жизни все ему

⁸⁶ Ш. Ауэрбах. Генетика. М., 1966.

⁸⁷ Советский писатель. Эмигрировал из Киева во Францию, где и умер в 1987 году.

удавалось. Уже на Западе Некрасов написал «Записки зеваки». Дороги ему мавзолей и залпы Авроры. Воспевает он также в этой книге пьянство и тем самым поддерживает тех, кто говорит: «Вчера был царь, сегодня Сталин, дай только водку народу». Но это пощечина нашему народу!

Укажите, Володя, в Вашей книге, что Панин — бескомпромиссный борец с коммунизмом. Он это доказал на всех ступенях своей жизни и с тем же зарядом приехал на Запад. Здесь в своих лекциях он не менял своих мнений, не вилял хвостом, говорил всем правду в глаза. Он нажил себе кучу врагов. Не возражаю, если это — принципиальные враги. Это даже законно. Но мои враги поняли, что я — сила, с которой невозможно открыто бороться. Все мои предложения устроить дебаты, дискуссии, вести споры на телевидении, дать мне возможность в Сорбонне прочесть курс лекций, пусть бесплатно, почему-то режутся, остаются без ответа. А вот эмигранты из Чили читают лекции по политэкономии в Сорбонне. Какие у них идеи? Читают марксистский курс. Если же ты опровергаешь марксизм, то соглашателям всех мастей тебя надо задушить.

По всей видимости, придется вам коснуться моей книжки о Солженицыне⁸⁸. Книжка принципиальная, зачем нам ее скрывать? В ней противопоставляются соглашательская, примирительная, выжидательная линии и совершенно ясная линия борьбы, которую я веду. Между разными течениями — соглашательским, выжидательным, примирительным, стремящимся к эволюции или надеющимся на нее — и моей линией идет борьба. По этому поводу и написана книжка о «Письме вождам» Солженицына. Если у меня есть разногласия с Солженицыным, то меньше всего об «Архипелаге». Я мог бы там кой-какие детали подправить, но Солженицын сделал свое дело. Исполать ему. Я критикую его там, где он клюет носом, где он не за свое дело взялся.

В эмиграции есть и другие силы, направленные против Панина. В результате я оказался полностью бойко-

⁸⁸ Д. Панин. Солженицын и действительность.

гирован, изолирован, лишен каких бы то ни было заработков. Это тоже, конечно, надо подчеркнуть. Западный мир ничего от этого не выиграл: позитивные, сильные идеи оказались похороненными. Об этом надо бить в набат.

Для слепцов должно в свободном обществе организовать институт экспертов, который мог бы сказать: «Дайте ваши предложения, положите их на стол». Нужен какой-то общественный, интеллектуальный трибунал, который обсудит предложения Панина, Солженицына, Максимова, других представителей третьей волны и решит, что в них ошибочно и что верно. Вот как должно поступать. А вместо этого скопом наваливаются на одного человека, хоронят его, по сути дела, уничтожают. Было бы честней подослать наемного убийцу и отправить меня на тот свет.

В. Ч.: Книжка, которую я хочу о вас написать, будет маленькой. Я предпочитаю спорных вопросов не касаться.

Д. П.: Я себе представляю вашу книгу из четырех частей или глав. Первая глава — первый и второй раунд; вторая глава — западный мир во всей его красе и во всем его падении; третья глава — идеи, которые предлагает Панин по ряду вопросов, могущие способствовать выздоровлению мира, его усовершенствованию; четвертая глава — это как раз то, что мы с вами называем третьим раундом. Мне кажется, эта последняя часть удастся, если в ней будет правильно обрисована сложившаяся ситуация. В главе об идеях Панина и в четвертой главе можно будет сказать о моих лекциях. Прделана большая работа, и нечего ее скрывать. В третьей главе в нужном объеме следует сказать о том, что я предлагаю по каждому вопросу, о моем позитивном вкладе. В четвертой главе надо сказать о препятствиях, которые Свободный мир навалил на моем пути, чтобы с этими идеями даже не могли познакомиться. Сделайте, Володя, ударение на том, что касаетесь только поверхности явлений, ибо их существо спрятано в подземелье. Мы должны касаться того, что мы знаем, а не подземных связей, в отношении которых мы можем лишь строить гипотезы. Во всяком случае, насчет вся-

ких подземных дел можно сказать так: «Вот, мы наблюдаем, как физики, явление в камере, но мы можем только предполагать содержимое реактора, который ее снабжает».

Основная беда Свободного мира, что он потерял свое благородство, свою честность, превратился в сборище каких-то интриганов, клеветников. Честность железной метлой выметают, и, наоборот, насаждаются нравы омерзительной подпольщины. Я выразил в «Осциллирующем мире» свое враждебное отношение к франкмасонам; они мне этого никогда не простят. Кем была дана команда, что передо мной закрылись все двери? У нас нет возможности вывести на красное солнышко подземные силы, но о результатах их деятельности мы можем судить. Это гибель Свободного мира, если он будет так относиться к людям, которые его любят и приехали, чтобы ему помочь, вложить меч в его руки, дать ему позитивные идеи, философию, из-за отсутствия которой он превратился в какого-то слизняка. Дьяволу и его силам страшно. В аду не знаю какая свистопляска идет, чтобы задушить Панина, самого опасного человека для темных сил, чтобы сделать все возможное для его уничтожения. Пока речь идет о том, чтобы задушить его идеи, свести его с ума. О физическом уничтожении речи не идет: возможно, темные силы боятся, что это, наоборот, вызовет волну интереса к Панину. Расчетов у них много, опыт у них большой. Они такую дозу мне преподнесли, что другой человек давно бы с ума сошел, кончил бы самоубийством или просто превратился бы в развалину. На меня это не действует. Я, слава Богу, хорошо устроен, они, может быть, этого не учили. Значит, к другим способам перейдут.

Ваша книга должна ясно сказать, что идет непримиримая борьба с человеком, который вне компромиссов, предлагает эффективные идеи, подвергает убийственной критике ряд существующих мнений. Вот и ополчились все на него. Мы понимаем, почему ополчились коммунисты, леваки, социалисты, анархисты, на которых направлен основной удар. Но к ним подпряглись люди, может, и заблуждающиеся, у которых в башке ничего

своего нет. Приходится согласиться с Мацкевичем⁸⁹, что все это на какой-то убийственный трест⁹⁰ похоже.

В таком положении, как я, находится ряд людей. Похоронная процессия для мыслящих людей и зеленая улица для всякого сброда. Надо бить тревогу, бить в набат. Для этого, Володя, ваша книга. Мы думаем, что Запад все-таки способен оценить хорошие вещи, но ничтожества затирают ему мозги, подсовывают макулатуру.

В свое время я очень высокого мнения был о Буковском. Я в нем почувствовал что-то античное. А он по приезде на Запад даже не послал благодарности Пиночету⁹¹, который его вызволил из тюрьмы. Кто бы ни был освободивший его, он обязан был ему сказать «спасибо», если он человек. Нет, не сказал, ибо это могло помешать ему во мнении левых... А Пиночет, на которого всех собак вешают, — человек мужественный, спас страну от голода, до которого ее довели социалисты.

В. Ч.: Мне одна старая эмигрантка сказала: «Поймите, если вы не принадлежите к какому-нибудь мощному клану, будь то партия или организация, вы просто погибнете». И вам ведь говорили, что ничего у вас не выйдет, если не примкнете к кому бы то ни было. Вот я и ходил на работу, отработаю — и домой. С этим смирились. Привычка на Западе к свободе, к самоуправлению.

Д. П.: Это верно, но привычка к свободе вылилась в анархию. Именно семнадцатый год породил эту анархию, и дальше она пережлестнула через край, помогла Ленину.

В. Ч.: Еще крепостное право ему помогло.

Д. П.: Тоже верно. Безобразно задержалось оно в России. У Церкви, конечно, огромная вина. На сто лет раньше надо было с ним кончить, тогда многое не слу-

⁸⁹ Jozef Mackiewicz. «Trust» Nr. 2 — Monachium 1976.

⁹⁰ См. сноску 16 на с. 23.

⁹¹ Генерал Пиночет Угарте — президент Чили с 1974 по 1989 год. В настоящее время почетный сенатор.

чилось бы у нас. Но раз уж случилось, я нахожу причину объяснения в более страшной вещи. Нельзя валить все на латышей, евреев, поляков, венгров, китайцев, которые первые несколько лет, конечно, представляли в ЧК основные силы. Их потом уничтожили. Чекисты, вообще говоря, неживучие, они быстро погибают, сходят с ума. Одним словом, сделав свое дело, они ушли со сцены и только какие-то высокопоставленные, вроде Гарбузова, Менжинского, там остались. Но вся история большевистского периода России опирается на неисчислимы зверства самого народа. Никакими евреями и латышами их не отменишь. Что делалось в деревнях, в городах, в пригородах! Как уничтожали по доносам и при любых условиях! Какая в двадцатые годы преступность была! И она почти не каралась. Убил человека, и отправляют тебя на три года в ссылку, скажем в Нальчик. Мой дядя там учительствовал, и я приезжал к нему в двадцать седьмом году. Видел одного такого убийцу, которого все боялись. Вакханалия совершенно безнаказанных убийств во всей стране была. Сейчас все-таки какая-то видимость борьбы с преступлением...

В. Ч.: Не помню, в какой статье в «Посеве» сказано, что в тюрьме сидит русский поэт Лом-Лопата, который был арестован чуть ли не в сорок втором году.

Д. П.: Ну, только не тот Лом-Лопата⁹², который по лагерям со времен коллективизации. Тот, кого я знал, был животное. И потом, он был старше меня. Нет, это просто совпадение.

Возвращаюсь к вакханалии убийств. Чекисту убить человека ничего не составляло. Вот чекист приходит на вечеринку, ему нравится девушка, а она чья-то невеста. Он может ее тут же на месте застрелить, и с ним ничего не будет. Переведут в лучшем случае в другой город, вот и все. О чекистах говорить не будем, потому что, может, особенный подбор их был, но и без них были невероятные зверства, преступность. Коллективизация не была делом каких-то отборных чекистов. Миллионы

⁹² Пресбыванию Д. Панина один на один в камере с уголовником Лом-Лопатой посвящена глава в книге «Лубянка—Экибастуз».

людей ее проводили, совершали убийства, выгребали за-
крома. Надо было пахать потом в деревне в течение ря-
да лет.

Вопрос о зверствах я пытался таким образом объяс-
нить: генетически в русском народе ввиду его чудовищ-
ной истории всякое проявление благородства уничтожа-
лось. Это не Запад. На Западе было рыцарство, у нас
ничего такого не было. Наше дворянство — азиатское
дворянство. В восемнадцатом столетии немножко получ-
ше стало, да и то к народу отношение было как к бор-
зым. Если проследить всю историю нашего народа, то
только в Киевской Руси начиналось, может, что-то хо-
рошее: князь, дружина. А во время татарского ига вся-
кому человеку, который мог что-либо сказать, или свои,
или татары голову рубили; он и тем и другим был по-
мехой. Русские люди сами собирали дань для татар, на
этом ведь Калита въехал в Московское государство.
Можно сказать, что благородное начало искоренялось
физически. А что такое благородное начало? По моей
гипотезе, связь между душой и телом трансфизическая,
но мне кажется, что генный материал в какой-то мере
сказывается. Когда человек благородный, у него всегда
лицо хорошее; я не видел настоящих благородных лю-
дей с рожей преступника. Так что какая-то связь есть
между душой и ее оболочкой — телом. Мне непонятно,
какая, я не могу вам этого объяснить, но нельзя все-та-
ки сказать, что душа и тело — это совсем не одно и то
же. А если так, если этот генный материал уничтожал-
ся, так, может, он действительно и уничтожен был. Он
не дал нужного числа благородных людей, которые мог-
ли бы противостоять мерзости. Их выкосили. Их лишь
маленькая горстка осталась. В Белой армии было трид-
цать пять тысяч офицеров; с кадетами и другими сто-
сто двадцать тысяч. Остальные сидели в деревнях и
свои зверства творили. Одним словом, для насаждения
зверских инстинктов, зверской родословной условия бы-
ли великолепными. Для того чтобы благородное начало
в русском народе не то что процветало, могло суще-
ствовать, были препоны, которые нельзя было престу-
пать. Благородных людей уничтожали с малолетства. И
я думаю, что это основательное объяснение всех тех

зверств, которые происходили и происходят, всех застенков, которые существуют. Мы-то пережили все это, пережили всех сторожей, охранников. Вовсе это не значит, что у них преступные морды. Самые обыкновенные морды, но они делают то, что положено делать самому последнему преступнику. Ведь количество палачей невероятное. Любой следователь — палач.

Д. П.: Панин, конечно, не великий человек и сам по себе никакого интереса для читателя не представляет. Интерес представляет та обстановка, в которую он попал, и те мысли, которые он принес и которые хоронят. Я безвестен, не кончил никаких сорбонн, но у меня голова мыслителя. Бог мне такое дал.

В. Ч.: Но вы ведь кончили один из лучших технических институтов и аспирантуру?

Д. П.: Дело не в том, что я кончил, но я умею думать. Это единственное мое качество при всех моих недостатках, при отсутствии памяти... И я его использовал. И уж никак я не учитель. Не употребляйте это слово, как вы сделали в первой главе. Я — строитель. С этим словом я согласен.

Одна фраза у Хемингуэя мне вспоминается. Он говорит, что проза — это архитектура, сооружение. Его фразе доверьтесь и считайте, что должно быть сооружение. Да, фундамент, кусок жизни, на котором все остальное строится. В биографической части — поединок со смертью, с властью. На этом биография, собственно, кончается. А поединок со Свободным миром — это последняя часть, вершина. Между фундаментом и вершиной должны быть пласты, этажи, которые должны дать полное обоснование правоты третьего раунда. Следует указать силы, которые действуют, прячутся, ведут змеиную, омерзительную борьбу, и дать наш призыв к благородной открытой борьбе, к новому рыцарству, рыцарству духа. Не стесняйтесь называть вещи своими именами.

В. Ч.: Биографическая часть почти закончена. Я работаю сейчас над теоретическими главками, диалогами.

Раньше я писал в другой форме и сам се забраковал, потому что попахивало скучной монографией.

Д. П.: Ничего не сделаешь. Способ последовательных приближений. Хочу еще вас просить не разгонять объем книги.

В. Ч.: Да, максимум полтора ста страниц. Глава будет соединяться мостиком с диалогом. Биографическая часть будет соединяться с теоретической. Я отсеял все не относящееся к биографии.

Д. П.: Не выкидывайте отсеянные листки, может, они потом вам пригодятся.

Д. П.: Вы, Володя, пишете обо мне книгу и просите подробнее сказать о моих позитивных решениях.

Это прежде всего философия. Только с Божьей помощью можно было ее сделать. Хочу подчеркнуть, что философией я специально не занимался и не задавался целью создать философскую систему. Даже наоборот. Я был против всяких философских систем. Мне казалось, что они в основном приносят вред людям. Но одна из моих целей была борьба с атеизмом. В целом я посвятил ей одиннадцать лет размышлений, из них пять лет занимался вплотную этим вопросом. И вот, выбирая самые трудные места из атеистических произведений, именно ища их, отвечая на них, разоблачая и уничтожая их, я постепенно вынужден был создать свою философскую систему, потому что одной науки недостаточно.

Наука открыла, скажем, какой-то кусочек из доступных нам областей. В остальных областях мы знаем какие-то узловые точки. Расстояния между этими узловыми точками, что между ними происходит, какая закономерность их связывает — это уже область философии. Я философию мыслю в разрезе науки. Философия должна состоять из суммы гипотез. Эти гипотезы со временем должны пересматриваться, уточняться, меняться в соответствии с новыми научными достижениями. Тогда это будет живая философская система, которая будет следовать эпохе, развитию науки. И кроме того, она всегда

должна меряться по Божественным откровениям, раз Бог — Творец. С одной стороны, Бог дал Божественные откровения — это Его воля, Его решения, Его совет; с другой стороны, наш физический мир — это Его лаборатория. Изучайте Божественные откровения, они должны согласовываться. Если вы стоите на этой точке зрения, вы будете всегда передовым современным человеком. Это и есть моя философия. Повторяю, она родилась в области поиска, в области борьбы, и, может быть, поэтому Бог помог.

Я доказал, что нет ни одного положения безбожия, которое нельзя было бы опровергнуть. Я хочу назвать книгу, которую я сейчас закончил, где подытожил поиски тех лет, — «Пустота безбожия». У безбожников нет арсенала идей, позитивной программы, терминологии. Их арсенал: отрицание, увертки, насмешки, сличение текстов. Я не могу вам дать ни одного примера у безбожников, где можно было бы сказать: «Да, знаете, тут нужно ломать голову, тут нам преподнесли пилюлю». Но один вопрос требовал ответа. Вопрос был такой: «Если вы говорите, что душа трансфизической природы, то есть она не из физического мира, то тогда как вы объясняете взаимодействие души и мозга?» Мой воображаемый оппонент должен был рассуждать примерно так: «Тело, мозг находятся в области физического мира, где действуют физические законы и, следовательно, закон сохранения энергии. Вы говорите, что душа — трансфизическая. Прекрасно. Вы утверждаете, что душа и мозг в постоянном взаимоотношении, что душа руководит мозгом. Допустим. Но как вы тогда объясняете закон сохранения энергии? Значит, закон сохранения энергии нарушается? Значит, из трансфизического мира в физический и из физического мира в трансфизический происходит перелив энергии? Если вы этого не объясните, то не имеете права говорить о душе». Это был единственный вопрос, который я считал кардинальным, но мне кажется, что сами безбожники не поняли его важности. Я сам так сформулировал вопрос, и у меня что-то похолодело. Я понял, что он требует ответа, над которым надо работать. Во «Вселенной глазами современного человека», в главе «Бог управляет энергетическими

ресурсами Вселенной», я дал ответ на этот главнейший вопрос. Раз доказано, что закон сохранения энергии действует в пределах всей Вселенной, мы можем утверждать: «Да, душа и тело в разных мирах, но перелив в них энергии не нарушает вселенского закона сохранения энергии». «Пустота (или тщета) безбожия» — объемистая работа, которую я закончил, и ее печатает Исса.

Поскольку сейчас век социальных битв, надо было, конечно, уничтожить политэкономия Карла Маркса и создать вместо нее новую политэкономия на энергетической основе, то есть на основе закона сохранения энергии. На фундаменте моей политэкономии возможно построить настоящее человеческое общество. Начинается уже совершенно серьезный деловой разговор. Разговор на уровне строителей жизни — инженеров, предпринимателей, коммерсантов, рабочих. Я предлагаю Общество Независимых. За то время, что мы с вами не виделись, я переработал главу о нем в «Мире-маятнике», уточнил ряд переходных моментов. Для меня жизнь, мысль, история — это поток, причем мутный, в который надо уметь нырнуть, найти там правильное место и вынырнуть... Прозрачный ручеек образуется, когда ты уже все решил и тебе уже все ясно. Прозрачный ручеек — это выход, результат твоей работы, то, что ты можешь показывать людям. Этот результат может быть краткий, сжатый, на предельной ясности. Но твоя работа идет в мутном потоке. И далеко не просто что-то извлечь из него, сразу превратить его в журчащий прозрачный ручеек. Поэтому не удивляйтесь, что «Мир-маятник», а перед этим «Осциллирующий мир» десятилетиями перерабатывались. И сейчас я нахожусь в области последних вершков, когда работа сделана и ее особенно интересно передумать, переосмыслить, дать глубже.

Наш огромный мир-маятник движется, все человечество движется к своей критической точке, и сейчас, конечно, предстоят потрясения. В этой критической точке будет покончено с кровавыми тоталитарными коммунистическими режимами. Мы должны будем от них освободиться, наладить жизнь. Общество потребления в конце критической точки перейдет постепенно в Обще-

ство изобилия, в общество частичной автоматизации. Западные страны идут по пути индустриального материального прогресса, третий мир и страны сельскохозяйственной культуры находятся еще в очень тяжелом состоянии, и им надо будет оказать большую помощь. Если будет так, как я предполагаю, если люди доброй воли найдут решения и не дадут остановиться маятнику, взорваться миру, если они найдут силы, могущие покончить с коммунистическими режимами, и ум, чтобы начать новую осцилляцию, то в этой точке будет принято Общество Независимых — серьезная общественная система, которая и будет второй осцилляцией мира-маятника.

Я закончил «Общество Независимых», где указано, что является началом второй осцилляции, что является концом второй осцилляции. Постараюсь вам выслать социально-экономическую часть. Мы можем дать огромные богатства всему населению при двух условиях: с коммунистическими режимами будет покончено и найдутся все-таки люди доброй воли среди всех разрозненных народов, которые образуют единую цивилизацию мира-маятника. Так что это осуществимо. Гораздо хуже другое. Что делать потом? Как справиться со всем развалом и распадом?

Объективно я — антимаркс, то есть человек, который в конце двадцатого века дал на позитивном научном уровне то, что запорол Маркс в девятнадцатом веке. Моя политэкономия опровергает ошибочность политэкономии Карла Маркса в приложении к нашей действительности, его идеи социализма и коммунизма, которые приносят только несчастье и рабство. Вместо этих утопий и химер, при их осуществлении приводящих к кровавой действительности, предложена реальная программа. Можете ее критиковать, искать в ней недостатки, без которых, конечно, невозможно. Но это уже шаг вперед, и дальше развитие общества можно мыслить только как частичное его освобождение от недостатков. Каждая лучшая система должна обладать большим количеством достоинств и меньшим количеством недостатков. Но если все недостатки в ней исчезли, то это сказка, фантазия. Это противоречит первому закону

развития. Общество не может существовать без недостатков, иначе начинается действительно утопия.

Далее. Небольшая, но вместе с тем очень конденсированная работа, представляющая собой критику основных постулатов марксизма⁹³. План единый при рассмотрении постулатов о материи, пространстве и времени, сознании, душе, происхождении жизни, равно как политэкономии: сначала я даю на основании своих взглядов, своей философии позитивное объяснение материи, сознания, политэкономии; затем идет критика, верней, разгром представлений марксизма. Мой метод следующий: на место раскритикованной вещи обязательно дать позитивную вещь. В этом наша сила. Если ты можешь дать только критику, то сделал полдела.

В этой работе я доказываю, что философия Маркса — это сбор разных философских постулатов. На их место я предлагаю четкую христианскую философию, изложенную во «Вселенной глазами современного человека»⁹⁴. Как вести себя людям, какими методами действовать? Методы Маркса нам известны. Я предлагаю принципы людей доброй воли, могу их отстоять и считаю, что дал настоящее позитивное решение.

Почему мне удалось найти это решение? Ряд факторов должен был соединиться в одном человеке. И судьба его должна была быть очень тяжелой, и сам он должен был быть мыслителем определенного уровня. Мыслитель должен быть связан с наукой и ее любить. Я умею извлекать из науки основные стержни, основные положения, хотя со своей слабой памятью не выдержу экзамена ни по одной из ее отраслей. Я люблю инженерное дело и работал по крайней мере двадцать лет как инженер. Без инженерного мышления нельзя конструировать.

⁹³ «Постулаты марксизма и законы природы» — курс лекций, прочитанный в 1977 г. в Королевском университете города Кингстона в Канаде. В кн.: Д. Панин. Теория густот.

⁹⁴ Уже после смерти Д. Панина была опубликована «Теория густот», сначала на французском языке — «Théorie des densités» (Sisteron, Ed. Présence, 1990) в переводе И. Паниной — и затем на русском языке.

Надо было пройти мою жизнь, знать зло, его низины и пучины, так, как я их познал, попасть в переплет, и потерпеть, и пострадать самому, и быть всегда как-то с Богом, и верить в Бога и думать о Боге. Много причин должно быть, много качеств, много вещей должно было соединиться, чтобы дать возможность появиться моим работам. Не так просто это. Поэтому меня не удивляет, что наши гении, которые могли дать позитивные решения, не знали многих вещей. Жизнь их иначе сложилась; они не перестрадали, не перемучились. Достоевский был инженером, но он не любил своего дела и ни одного дня не работал инженером.

Очень ценю у мыслящего человека реальную мысль, живую, а не маниловские мечтания. Я придерживаюсь такого правила: если ты берешься за какую-то проблему, то годами можешь думать над ней, возвращаться к ней, но разреши ее. Все мои работы выполнены методом последовательных приближений. Метод правильный. Тем более его следует применять, когда Вселенная — предмет твоего изучения и понимания. Естественно, что ты занимаешься тогда то генетикой, чтобы понять, каким образом могла быть совершена эволюция, то политэкономией, то богословскими вопросами. И возвращаешься, но уже на более высоком уровне понимания, к работе над первоначальной проблемой.

Поясню на примере «Вселенной глазами современного человека». Направление мысли при ее создании у меня было правильное. Я исходил из начальных элементов Вселенной, считал, что они уже были созданы Богом. Но с годами я пришел к выводу, что Бог творит из пустоты, что начальные элементы Вселенной есть пустота, которой Бог дал определенное количество энергии, и одни элементы закручены в положительную сторону, другие в отрицательную сторону; вправо-влево. Одним словом, я здесь вплотную подошел к микромиру. Сейчас это вполне отвечает учению о микромире и явлениям в микромире, которые изучаются в физике. Поэтому я начинаю думать, что то, что я говорю о густоте, даже

не является гипотезой⁹³. Это можно считать теорией, ибо она отвечает явлениям в трансфизическом мире и полностью — явлениям в макромире, поскольку в нее входит и «Механика на квантовом уровне». Между ними, как я считаю, явления микромира, которые всегда должны отвечать тем же законам. И теперь я вижу, что Теория густот должна войти в микромир как составная часть.

Еще пример. Вопрос революции в умах в СССР. Семь лет работы. Я начал о ней думать с конца шестидесят восьмого года и пришел к окончательному решению совсем недавно. Созрел план, как провести революцию в умах в СССР. Если этот план начнет осуществляться, надо будет думать о деталях для его дальнейшего развития и учесть дельные замечания, если таковые будут. Но в целом план готов, его можно защищать, его можно предлагать.

Разрешен у меня вопрос о том, что называть революцией⁹⁴. Этот вопрос имеет колоссальное значение. Сейчас марксизм на этом понятии играет. Он всюду устраивает революции, которые никакого отношения к революции не имеют.

Вопрос интеллигенции. Сколько тумана в самом этом слове, клубок противоречий. Я предлагаю начать с классификации и провести разделение на интеллигенцию и людей умственного труда⁹⁵.

Национальный вопрос. Это очень тяжелый вопрос. Придется все-таки русским потесниться, отдать земли, не имеем мы права за них держаться. Но если мы даем

⁹³ Гипотеза Д. Панина о густоте подтвердилась уже после его смерти. Недавние исследования, проведенные американским спутником Кобе, подтвердили наличие густот в основе текстур. Физики Принстонского университета Д. Спергель и Н. Тьюрок пришли к выводу, что «событие (как образование текстур) породило различные густоты в первоначальной Вселенной» (D. Spiegel, N. Turok. Les textures et la structure de l'Univers. In: Pour la science (Ed. française de Scientific American), 1992, № 175).

⁹⁴ См. главу «Разные мысли» в кн.: Д. Панин. Теория густот.

⁹⁵ См. Приложение к этому разделу.

глобальное решение, предлагая Общество Независимых, то национальный вопрос решается совершенно безболезненно. Нет необходимости немцам свою империю устраивать, русским — свою. Разграничение исходит из численности населения, а существование общества зависит от способности хорошо им управлять и быть в нем свободным и независимым.

Я предложил именно Общество Независимых, потому что каждый человек должен быть независим. Если он независим, он уже свободен. А раз все независимы, значит, человек будет уважать другого человека. Иначе нельзя быть независимым: если ты независим, а другие зависимы, тогда это не Общество Независимых.

Кажется, мне удалось связать разные вопросы. Не нужно ничего придумывать каждый раз заново. Ты берешь свой арсенал, свою «Вселенную глазами современного человека» и из нее черпаешь, в сущности говоря, все... А то, что связано с квантами, с квантовой механикой, не обязательно всем знать. Это уже тонкости, без которых можно обойтись, да не каждый день я их и предлагаю.

Д. П.: О моих лекциях. Они удавались всегда, несмотря на мой паршивый французский язык. Потому что это не было только свидетельство. На каждый вопрос давался исчерпывающий ответ. Для этого нужна была концепция. Если у человека нет концепции, он расскажет факты, но не сможет дать ответы. Если вы прочтете блестящую лекцию и провалитесь на вопросах и ответах, вы человек конченный. За все пять лет не было ни одного вопроса, на который мы не могли бы с Иссой ответить. Социализму я противопоставлял Общество Независимых, эксплуатации, согласно политэкономии Карла Маркса, — мою новую политэкономия. Я имею право говорить, что марксизм ничего не стоит, что он разрушен. Моя теория густот — это логическая, ясная, простая схема. Если мы хотим исправить мир, привести его в какой-то человеческий порядок, то прежде всего у нас должен быть в голове порядок, пра-

вильная картина мироздания. Надо, чтоб ты мог ответить на возникающие вопросы, мог разобраться, а не кидаться из одного плюрализма в другой.

Почти одиннадцать лет я посвятил вопросу опровержения атеизма. В отношении Швейцера⁹⁸ вопрос специальный. Меня интересовало, был он безбожник или нет. Для меня вопрос болезненный, если безбожником является человек высокой духовности, безусловно очень образованный и к тому же в двадцатом веке, когда уже произошли важные раскопки, найдены кумранские списки, апокрифические евангелия. Очень все подвинулось со времен Энгельса. Немножко мне было больно, что на его уровень такой светоч двадцатого века спускается... Но, может, я из советского источника это взял. С точки зрения Общества Независимых моя позиция совершенно ясна. Если безбожник согласен на наши кондиции, ради Бога.

Вот что хочу, Володя, добавить. Самый жестокий суд — это время, суд истории. Возьмите какого-нибудь большого писателя. Из десятков томов, что он дал человечеству, настоящее умещается на одной странице, может, в одной главе, даже в одной строчке. Поразительная вещь. В каждой книге можно выудить основную строчку, две строчки, страничку, ради которой эта книга написана. Скажем, Платон. Мы знаем главным образом о его мире идей или его государстве. Теперь уже немного смешно, как оно устроено. Аристократизм Платона, мудрецы управляют, рабовладельческий строй существует, и можно повеситься, если он плох. Но об основном у Платона только знатоки философии знают. Эта мерка относится и к Гегелю, и к Канту. Много пустопорожних западных писателей. Ни одной строчки в их книгах не выделишь; неизвестно, для чего они написаны.

В книге Пьера Шоню «Белая чума» я выделил бы строчку: «Рождаемость понижается, когда падает интерес к жизни». Он говорит, что индейцев было восемьдесят миллионов (я никогда этой цифры не знал, думал, что десятки тысяч) и что они вовсе не были уничтоже-

⁹⁸ Альберт Швейцер (1875 — 1965), теолог и философ.

ны ковбоями, переселенцами. Они не хотели размножаться — вот причина катастрофического уменьшения их численности.

В.Ч.: Но они были вынуждены так поступить.

Д.П.: Совершенно верно, вынуждены. У них отбили охоту. Но это не значит, что их уничтожили, расстреляли. У индейцев было не так, как у нас в Советском Союзе, где не отбили охоту, а просто уничтожили людей.

В книге Жискар д'Эстена⁹⁹ для будущего никаких строчек нет. Но для себя я извлек строчки о его отношении к враждебным силам, о его трусости и барахтании по поверхности. Для меня это ценно.

Почему я дерзнул написать «Общество Независимых»? Потому что долгие годы работал над его фундаментом. Мою работу можно тоже свести к одной странице. Меньше даже. Из моей политэкономии важны два абзаца. Первый — о том, что прибавочный труд равен машинному труду; второй — о том, что прибавочный труд идет на образование прибыли, на социально-бытовые расходы работников, на содержание общества, на налоги и, значит, на увеличение производства. Вот два фундаментальных положения. Остальное можно изложить и лучше. Но эти два положения представляют собой зарубки, вещи, на которых я могу все строить. Они показывают, что идет не эксплуатация человека, а эксплуатация природы, природных источников и, следовательно, мы можем иметь огромнейшие богатства. Сомнения в неизбежности социальных конфликтов рассеиваются созданием содружества, братства работников, и от их талантов зависит получение всех богатств.

Кроме этих двух строго научных положений, обоснованных и доказанных, в «Обществе Независимых» мною выдвинута гипотеза о трех глубинных законах¹⁰⁰, которые управляют жизнью общества. Эта гипотеза представляет собой еще одну «строчку», которую следует вы-

⁹⁹ Валери Жискар д'Эстен, президент Франции (1974—1981). Речь идет о его книге «Французская демократия» (*Démocratie française*, Paris, Fayard, 1976).

¹⁰⁰ См. сноску 38 на с. 49.

делить. Итак, три «строчки» в «Обществе Независимых» будут жить, и уничтожить их не удастся. Все остальное — производное.

* * *

Д. П.: Я думаю, что интересно было бы показать, что в жизни у меня были три яркие полосы. Можно назвать каждую единоборством. Первое единоборство было со смертью при невероятном стечении обстоятельств. Битву мне удалось выиграть¹⁰¹.

Второе единоборство уже не мое лично, а трех тысяч человек, которые провели классическую забастовку и голодовку в течение пяти суток в Экибастузе. В условиях лагеря это было, конечно, единоборство со всем режимом. Я не был руководителем событий, но одним из главных вдохновителей этих трех тысяч зеков. И уж если Сталин дал бы приказ, то в первую очередь расстреляли бы вдохновителей и руководителей забастовки.

В. Ч.: А вы не возражаете, если я сравню ваше изложение событий во время забастовки в лагере с их изложением в «Архипелаге» у Солженицына?

Д. П.: Плохо дал их Солженицын. Он доказал, что не историк, а искажитель.

В. Ч.: Дело в том, как он свою роль изобразил.

Д. П.: Тоже неверно изобразил. Вы правильно это подметили. Мы говорили уже с вами об этом. Добавлю лишь, что он пишет: «Панин вечно молчал». Да Панин вечно говорил. За это его всегда и сажали. Кто ж тогда говорил, если не я? Конечно, на трибунах говорить нельзя было, но уж в кругу зеков! Я столько рисковал, столько говорил, что поучиться бы Солженицыну. Солженицын только задавал вопросы и слушал. Я столько людей подготовил, почему и могу себя считать одним из вдохновителей этого восстания. Когда наш барак был оцеплен и там решался вопрос судьбы забастовки, бла-

¹⁰¹ Д. Панин в лагере заболел пеллагрой и был при смерти (см. главу «Чудо на сороковой день» в его книге «Лубянка—Экибастуз»).

годаря моему выступлению произошел перелом. Надо было в «Архипелаге» ему сказать правду, как он тогда сказал: «Митя, это лучший день твоей жизни. Твой голос звенел, как серебро». Во время нашего передвижения как штрафников месяца два по пересылкам мы дух мятежный создали. Сколько я бандеровцев обработал, которые с другим совсем духом пришли. Так что в корне неверно это про меня у Солженицына. Поскольку теперь мы с ним друг против друга, историк меняет все карты.

Третье единоборство сравнимо с единоборством со смертью. Это единоборство с западным миром... Надо показать западным людям убедительно и ясно плоды их просвещения. Пять столетий идет уничтожение религии на Западе. И надо сказать им: «Вот к чему вы пришли. Вот ваши нравы, ваш секс, ваша порнография, ваши хиппи, ваша продажность, слабость ваших государственных мужей, которые ведут себя как проститутки. Вы не смогли даже с террором справиться, не смогли договориться даже о том, чтобы не вести никаких разговоров с террористами. Только Израиль не ведет с ними переговоров».

Одним словом, материала хоть отбавляй. Не нужно ничего выдумывать, надо сгруппировать факты. Для картины распада западного мира все они на поверхности. Бери газеты и пиши о том, что делается в Америке, во Франции, в других западных странах.

Запад провалился из-за отсутствия философии, дающей правильное видение мира. Существование на Западе марксизма доказывает, что у западных людей нет ничего за душой. Плюрализм — это бегство от борьбы, от защиты своих убеждений. Есть истина. Я предлагаю новую философию. Следует уничтожить неверные идеи, которые противоречат такому мерилу истины, как универсальные законы природы.

Я думаю, что третье единоборство должно быть центральным в вашей книге.

* * *

Д. П.: Когда прочтете мою критику гуманизма, обратите там внимание на критику категорического импера-

тива Канта. Категорический императив как руководитель нашей нравственности существует только в хорошей жизни. В лагере — нашей лаборатории — было доказано, что категорический императив в трудных условиях ничего не стоил; он исчезал.

В. Ч.: Человек проверяется в худших для него обстоятельствах.

Д. П.: Именно. Но Кант не мог это проверить. У него была слишком спокойная и благополучная жизнь.

В. Ч.: А что такое тогда совесть, которая именно в худшие минуты начинает говорить?

Д. П.: Не путайте совесть с категорическим императивом. Это разные вещи. Категорический императив можно и нужно сопоставить с требованиями морали, с требованиями христианских заповедей. Категорический императив — это моя мораль внутри меня. Но лаборатория этих ужасных лет в сталинских лагерях доказала, что те, у кого была христианская мораль — и не только христианская, но магометанская, иудейская, мораль от Бога, вечная мораль, — те держались. Но полный провал и совершеннейшая трагедия ожидали людей, которые вслед за Кантом считали, что мораль в моей душе и она должна мне указать, как я должен действовать. Именно эти люди действовали под давлением ума. Но ум не должен участвовать в создании морали; в тяжелых условиях он — проститутка. Лютер правильно назвал его блудливой кошкой. И мораль на уме можно строить только в условиях хорошей жизни, когда все налажено.

В. Ч.: В чем же Кант ошибся?

Д. П.: В том, что категорический императив не существует в сверхтяжелых условиях. Он исчезает начисто. Он заменяется блудливыми предложениями ума, сделками с совестью, устройством своего благополучия.

В. Ч.: Но вот вы и вам подобные сохранились же.

Д. П.: Мы были христиане. Вы меня не поняли. Категорический императив, как я уже сказал, заменяет требования морали, требования христианских заповедей и заповедей других вероучений. Категорический императив Канта есть заменитель вечной морали. Те люди, у которых была вечная мораль, держались в этих страшных условиях, потому что там им не нужен был ум.

В этих людях были зарублены заповеди. Если ты верующий, ты не смеешь действовать иначе. Твой ум при этом был спокоен, он не блудил, не перескакивал на другое, и ты выдерживал. Не так было с людьми, которые по кантианской модели существовали.

В. Ч.: Но советские критики на Канта обрушиваются именно за то, что он был классическим идеалистом.

Д. П.: Повторяю. Наши милые сталинские лагеря доказали, что там ум человека, его высокая душа ему изменяли. Я говорю о безбожниках, которые отнюдь не были мерзавцами, а в хорошем общежитии могли бы слыть даже образцом хорошего поведения. Эти люди не были заведомыми преступниками. Но в них, по несчастью, по их советскому воспитанию, с детства не была заложена вечная мораль. Они о ней не знали, а если знали, то по книгам. Это не то. Так что они были как раз кантианской моделью. Если эта модель была бы хороша, то именно в этих условиях человек должен был бы создать свою мораль и как-то ее укрепить. Эти люди до страшных испытаний, когда мы были еще в тюрьме и питание было сносным, были вполне нормальными. Мы с ними общались, они не были ни стукачами, ни ворами. Но когда они попали затем в мясорубку и подыхали от голода, кантианский императив у них лопнул.

В. Ч.: Может, не потому, что кантианский, а потому, что они были безбожники?

Д. П.: Конечно, и это. Если Кант имел в виду вечное, Бога, который нужен для его императива, то надо было говорить открыто: «Я — христианин. Христианские идеи, которые у меня были заложены с детства, во мне остались, трансформировались, превратились в категорический императив». Назови вещи своими именами. Несчастье Канта, Гегеля, что они боялись слова Бог. Они мистифицировали, не называли вещи своими именами, потому что были под террором французских энциклопедистов. Это мой большой упрек им. Если ты мыслитель, не бойся. Ты рубишь свои изыскания, рубишь свою систему, потому что хочешь быть видным профессором. Я не уважаю таких людей.

Оказалось, что хорошие безбожники, которых вполне можно было бы причислить именно к кантианцам, образованные люди, которые в наших спорах говорили: «Зачем нам Бог, у нас понятие совести, общественное явление, у нас это в голове сконцентрировано», потерпели фиаско. Пели они очень хорошо. Но когда надо было это пение претворить в жизнь, получилась страшная вещь, даже не трагедия, а грязь.

* * *

Творчество всегда разбито на этапы, и каждому из них следует дать оценку. Оценки уточняются, улучшаются. Одновременно прослеживается путь развития человека. Мой поиск в научных и философских работах был многолетним. Ты возвращаешься к одной и той же мысли, со всех сторон ее оцениваешь. Ты чувствуешь, что твой уровень повысился, что ты открыл новый закон или научился применять известный закон. И обогащенный в области последних вершков, в ходе последовательных приближений, ты получаешь что-то написанное с предельной (для тебя, конечно) ясностью, предельной краткостью. Получается то, что можно выдать на-гора.

Ошибка в терминологии, применение неудачного слова имеют свои корни, свои причины. Так было у меня с термином «настоящий коммунизм» во французском издании «Осциллирующего мира». Термин показывал, от чего ты отталкивался, из чего ты исходил, с какой силой ты хочешь бороться, и он имел свой *raison d'être*¹⁰². Это был вопрос тактики: как лучше врага ударить и как привлечь к себе союзников. Во французском издании я объяснял, почему ввел этот термин. Потом я его изъясил. Он мне больше не был нужен. Для Запада он режет ухо, не идет. Этот пример показывает, что могут быть поверхностные, терминологические ошибки и в самом многолетнем исследовании. Не надо до последне-

¹⁰²Разумное основание (франц.).

го слова отстаивать свое решение; надо уметь отбрасывать вещи, которые тебе не удалось. Иногда большое значение имеют советы друзей. За свои решения как инженер, как мыслитель ты должен отвечать головой. А в выборе термина можно прислушаться и к мнению других людей.

Все инженерное дело построено на разделении труда. Инженер делает проект, он должен знать, как изготавливать, его право вмешаться, если нужно, в процесс изготовления, но изготавливают совсем другие люди. Лингвисты, литературоведы и другие специалисты в своей области всегда могут очень ценный вклад сделать. Твоя мысль при этом заиграет, изложение станет более доходчивым. Я придаю очень большое значение советам и критике и отношусь к ним самым доброжелательным образом. Нельзя от одного человека требовать, чтоб он в каждой области мог заменить других. На весь мир единственный человек, по-моему, в котором все совпало, был Леонардо да Винчи.

На складе лежат все детали, скажем, пулемета. Имеется общий план, как собрать этот пулемет. План не вполне до конца разработан, но если этим заняться, то с помощью самих деталей и общих указаний собрать пулемет можно. Но чего-то тебе не хватает, чтобы правильно заняться сборкой. Самое простое сказать, что у тебя руки до нее не дошли. Но на это тоже я не могу сослаться. К примеру, «Общество Независимых». Третья часть, как реализовать Общество Независимых, была написана слабо, потому что не хватало какого-то самого главного элемента. Я считал там, что надо помогать армии, государству. Все это бессодержательно. Не было в этом какого-то живого ядра. И тут я обращаюсь к теории толчков. Без толчков, и очень часто внешних толчков, не идет сборка. Чего-то тебе не хватает, а вот толчок как раз указывает, что в этом направлении надо начать сборку, что вот так у тебя пойдет дело. И действи-

тельно, подтолкнуло решение этого вопроса избрание Миттерана президентом. Новую страничку перелистали: началась французская, европейская и всемирная трагедия. На сто семьдесят второй кассете я говорил о молодых и старых народах. Этого кусочка мне не хватало, а он как раз относится к сегодняшней ситуации. Речь шла о том, что для того, чтобы вырвать победу, надо идти на жертвы, на пролитие собственной крови, защищать свои убеждения, идти в толщу народа, завоевать людей. Писание книжечек хорошо, когда их читают. А если их не читают, то расчет только на милость судьбы, которую она нам не очень-то дарит. Все элементы были давно открыты: необходимо благородство, предательство губит, за предательство приходится расплачиваться. Все верно. Давным-давно было сказано и понято, что надо развивать свое благородство путем пролития крови, путем настоящих и решительных жертв. Но не было единой концепции, как это сделать.

Только сейчас я до этого дошел в связи с Обществом Независимых, стремлением победить кромешное зло. В микробратства проникают идеи о необходимости развивать благородство духа, и люди идут на всякие совещания нечестивых, громят их, пишут листовки, устраивают свои манифестации и постепенно завоевывают их души. Вот так. Нового ничего не скажешь, а вместе с тем какой-то толчок получился. Я понял, как надо написать книгу именно под этим углом зрения.

Чему можно уподобить положение Панина, который всю жизнь трудился? Давайте возьмем такую модель. Гора, тяжелая гора, твердая. Панину нужно пробить туннель в этой горе. У него нет никаких приготовленных средств. Ему нужно и средства приготовить, и найти правильное направление в этой горе, чтобы никуда не заползти внутрь земли. Одним словом, он работает всю жизнь, чтоб проложить этот туннель. Наконец он его проложил. Свет уже брезжит. Во весь рост выйти еще нельзя. Туннель пробит, но к самому его началу надо

еще немножко проползти. Конечно, Панин засыпан пылью, он в грязи, выпачкан весь. Но было бы с его стороны великой ошибкой, если в конце этого пути он начал бы говорить: «Мне пора белую рубашку надеть, хватит копать. Ко мне люди плохо относятся. Давайте изменим ко мне отношение». Непростительно с моей стороны было бы, если я хоть как-то на это пошел бы. Надо выйти из туннеля в виде землекопа, прокладчика. Надо сделать свои работы и положить их на стол, хотя бы на русском языке. Счеты сводить сейчас преждевременно.

Можно сказать, закончил мою философскую систему «Теорию густот». Но кому ее можно дать прочесть? Есть ли в эмиграции человек, который мог бы ее оценить? В лучшем случае опять появится статечка Пирожковой, как та, что была о моей «Вселенной»: «Да, вроде ничего он это сделал». Но к кому обратиться для глубокого анализа моей работы? Может, к Левицкому, который занимается российской историей и философией? Пока эти двое. Может, еще кто-то третий. Но если на всю эмиграцию российскую, на шестьсот тысяч человек, а теперь уже больше, есть всего три человека, которые могут дать суждение, то это жалкое зрелище. Скорей всего, моя философия будет встречена в штыки русской печатью, возможно, будут неискренние отзывы — опять похоронное дело. Надо будет, как раньше я делал со своими работами, переводить ее на иностранные языки; тоже дело тяжелое. Одним словом, при моей жизни не видать ей хорошей оценки.

Я приехал в Свободный мир, и мне приходится завоевывать свою свободу. Я вижу, что если бы начал поддакивать, то, может быть, мое положение было бы более легким, но я не был бы свободным. Я свою сво-

боду проявляю в том, что отстаиваю свои убеждения. Это главная свобода для человека мысли.

Поэтому свою свободу, свою независимость я отстаиваю наперекор обществу, наперекор силам, которые ее душат. «Тот свободен, кто каждый день идет на бой за свободу». Эта гётевская фраза — мудрая фраза. Это не пустые слова. Я это очень хорошо понимаю, на себе проверил.

Из истории древних народов мы знаем, что наука была в храмах, ею занимались жрецы, для общества она была закрыта. В какой-то мере мой путь повторяет эту схему. С сорок восьмого по семьдесят восьмой год я занимался вопросом приложения законов развития, их справедливости и универсальности. Собрал более тысячи примеров. Объем этой работы страниц пятьсот. Работа ценная. Поскольку я собирался уехать на Запад, я передавал фотопленки моих рукописей с западными людьми доброй воли. Увы, я не мог перефотографировать эту объемистую работу. Пришлось уничтожить рукопись, и я свел ее к нескольким правилам на нескольких страничках, выбрал несколько характерных примеров, которые могут показать способы приложения, применимости законов развития и ответить на большинство вопросов.

На основе своей Теории густот я проверил основные положения Гегеля, прежде всего его подход к диалектике, эволюции и истории. Гегель хотел доказать ответственность и необходимость развития борьбы в противоположных вещах. Но он сделал это неумело, ввел излишние и неправильные положения вроде борьбы бытия и небытия, которая для него является основой диалектики, изменения, движения. Накопленные им данные подверглись неправильной обработке и неправильной интерпретации. Такой материал, конечно, надо было не спешить публиковать. Это была его внутренняя лаборатория, далекая от правильных решений. Публикация принесла неисчислимы бедствия, потому что

Маркс перевернул гегелевские положения, заменил его абсолютный дух материей и эту в корне неверную схему положил в основу своей доктрины, получившей название марксизма, принесшего человечеству страшнейшие мучения. Ответственность за Маркса целиком лежит на Гегеле. Маркс его детище. Гегель вложил в его голову свои совершенно неправильные установки. Проследивая Гегеля, видишь как его положения ясно определили взгляды Маркса. Если взгляды Гегеля были бы справедливы, то не было бы Маркса... *(Обрыв записи.)*

Убить идею нельзя, но, конечно, можно сделать все, чтобы ее исказить, замолчать. Напечатанные законы Менделя сорок лет пролежали в библиотеках, и на них внимания не обратили. Почему? Потому что их автор был монах. Разве монах может что-нибудь хорошее сделать? И замолчали Менделя начисто в этом передовом веке; дали возможность сорок лет проповедовать позорный дарвинизм, хотя Мендель полностью опрокидывал схему Дарвина. Заплатили за это распространением массового безбожия. За все приходится платить.

ВАРИАНТ МОЕЙ МОЛОДОСТИ

В двадцать восьмом году я поступил на Подольский цементный завод, работал рабочим в сменах и свободное время тратил на подготовку к экзаменам в Московское высшее техническое училище (Бауманский институт), которое было моей мечтой. Я тогда хотел стать первоклассным инженером.

Поскольку осенью двадцать восьмого года меня даже не допустили до экзаменов, то у меня появилось довольно мимолетное решение поступить на заочное отделение педагогического института, на физико-математическое отделение. Сказано — сделано. Приняли меня туда без всяких разговоров. Какие-то гроши даже надо было платить. И я начал получать первые задания. По-

мню, что они были только по математике. Математику я все-таки очень хорошо знал в объеме прежнего реального училища: решил все до одной десять тысяч задач из задачника Бычкова. Уровень реалиста царского времени в области средней математики оказался достаточным. Я получаю задание, справляюсь с ним легко, отправляю, и результаты хорошие.

Правильно ли я сделал, что бросил учиться в этом педагогическом институте? Мной никто не руководил, не с кем было посоветоваться. Взрослым вокруг себя я не доверял, для меня они были банкроты. От них я слышал одно: поступай в высшее учебное заведение. Эти люди жили и живут до сих пор по старинке. Как сами учились в высшем учебном заведении, так и ты должен был поступать. Надо бы посоветоваться с кем-либо, кто был меня на четыре-пять лет постарше и уже попробовал и высшее учебное заведение, и не высшее учебное заведение, но таких я что-то не встречал. Видимо, они сами себе прокладывали дорогу. Поколение перед нами действовало тоже по старинке, то есть пробивалось в высшее учебное заведение. Никаких заочных заведений раньше никогда не было. Заочное отделение было нововведением, поэтому я так легко и поступил на него. Вечерних факультетов тогда тоже не было. Был один-единственный старый способ образования: днем поступаешь, днем учишься. Общее стремление окружающих меня юношей было во что бы то ни стало поступить в высшие учебные заведения. На этой волне и я как-то невольно эту цель перед собой поставил.

Довольно быстро я понял, что оказался в тисках пед-института, вместо того чтобы готовиться по всем остальным предметам для поступления в ВУЗ. Тиски меня в основном держали в области математики и физики, которые я и без того знал лучше многих предметов. И я не стал там заниматься. Я стал готовиться к вступительным экзаменам в Бауманский институт и в двадцать девятом году, могу сказать без ложной скромности, выдержал их блестяще. Это было ясно преподавателям, мне и моим товарищам. Но меня все равно не приняли: отказали за недостатком места. Я снова воз-

вращаюсь на завод и еще трубку два года. В педагогический институт больше не лезу.

В этом, пожалуй, моя ошибка была. Я ведь заранее испытал свои силы, вполне можно было заниматься в заочном институте. Какие были в этом преимущества? Я мог оставаться рабочим, отказываться от всяких повышений, что было нелегко, конечно. Начиналась первая пятилетка, уже чувствовался недостаток в людях, а я все-таки кончил химический техникум. Однако думаю, что года три-четыре я мог бы так продержаться, перекантоваться. К двадцать девятому, тридцатому году я вполне мог договориться на работе и, когда пускалась вторая очередь завода, стать, скажем, машинистом компрессорной станции. Меня как техника взяли бы туда за милую душу, я очень быстро эту профессию освоил бы, у меня были бы прекрасные условия. Я машинист — дело солидное, и главное, совершенно свободен. Я сижу, наблюдаю, знаю, когда надо подлить масло, посмотреть на показания манометров. Во время остановки на ремонт пришлось бы работать засучив рукава, но это случалось редко. В основном я был бы наблюдателем за машиной и мог бы на моем дежурстве заниматься своим образованием. Вполне было бы дельно. Кроме того, я получал бы около ста рублей вместо шестидесяти пяти. Двадцать один рубль я платил бы своей хозяйке, от нее я, конечно, никуда не переехал бы. На остальное при карточной системе у меня хватало бы. Я не потерял бы уйму времени на всякие собрания, посещения клуба, женщин, за которыми почему-то бегал.

За это время я почти кончил бы заочный педагогический институт. Математику, физику знал бы назубок и хорошо русский язык изучил бы, смог бы восстановить все пробелы в нем. Память у меня тогда еще хоть средненькая, но все же была. Изучил бы немецкий язык. По-французски мог бы просто читать в поезде: десяток книг прочел бы за год, и язык поддерживался бы на каком-то уровне. И разговаривать по-французски было еще с кем. Преимуществ, конечно, в этом варианте было много.

Выдержки и воли у меня хватило бы. Это как раз в моей натуре — поставить цель и двигаться к ней. Я

вставал бы каждый день, когда нужно; от зари до зари было бы железное расписание; на работе тоже все время, какое можно, уделяю учению: скажем, долблю немецкий словарь, правила всякие заучиваю. Работа у меня была такая, что допускала совмещение. Как семичасовой день установили, три часа работал бы на производстве и четыре часа рабочим в лаборатории. Две версты туда, обратно. Я, конечно, начал бы бегать. Ведь я начал уже бегать в тридцать четвертом году, до всякой йоги.

Времени у меня лишнего не было бы, и я понял бы сразу, как нужно вести себя в отношении общественности. Я брал бы на себя кое-какие нагрузки, на производстве устанавливал бы какие-то бригады, сквозные данные, проводил бы собрания в нужном разрезе. Это у меня заняло бы мало времени, но дало бы мне возможность каждый год одну-две бумажки получать в завкоме о том, что я сделал то-то и то-то, столько-то производственных совещаний провел. В тридцать втором с моей подготовкой и другими качествами я блестяще выдержал бы конкурсные экзамены в Бауманский институт. А раз у меня шесть-семь лет стажа машиниста, был бы принят. Тут и разговаривать было нечего. Любой факультет передо мной был бы открыт. Учусь. От общегития я мог бы отказаться и жить у отца. Но стипендию мне дали бы с первых же дней. Тогда стипендия, особенно стипендия отличника, давала возможность человеку жить худо ли, бедно. Я мог бы небольшие займы брать у отца, если не хватало бы на одежду, на книги. А на питание мне хватило бы. Вполне все это было реально.

Еще год, до тридцать пятого, продержался бы в пединституте, который почти кончал бы. Не было бы у меня столько пробелов в моем образовании. Я никогда не хотел быть педагогом, и мне не важно было, кончить его или не кончить. Но для меня очень важно было знать как следует математику, физику, химию да русский и пару иностранных языков. В Бауманском училище изучаю третий язык — английский. С точки зрения моего образования все было бы идеально: у меня было бы три языка, солиднейшая университетская подготовка.

На заводе я прошел большую тренировку: ни в какие разговоры не вступать, быть совершенно вне политики. У меня уже выработалась бы такая привычка. Так что я вполне мог бы закончить институт без всяких бурь. К году сороковому, во всяком случае к сорок первому, к началу войны, я безусловно закончил бы с дипломом отличника лучший в Москве институт — Бауманское высшее техническое училище.

Жизнь могла бы сложиться совершенно иначе. Я был бы строгий молодой человек, рабочий. Все мои любовные похождения были бы сведены до предела, до минимума. Вместо книжного человека я был бы рабочим-самоучкой, как говорили в свое время. Учился бы на заочном в педагогическом институте. Встретил бы девушку, которая меня вполне поняла бы и стала бы моей подругой жизни. Такие девушки были на моем пути, но я не обращал на них внимания; для меня они были обузой. Я в то время считал, что ни в коем случае нельзя жениться, ибо надо учиться. У меня была идефикс — кончить высшее учебное заведение, и, конечно, связывать я себя не мог. А на положении рабочего почему себя не связать бы? Она работает, ты работаешь. Перебились бы как-нибудь. Поскольку я женился бы на девушке, разделяющей мои взгляды, своей в доску, я был бы гарантирован от посадки. Дождался бы войны и попал бы в ополчение. Девяносто процентов, если не больше, что я погиб бы.

Если я пошел бы по этому пути, то был бы очень хорошо образованным инженером. Все эти годы, с двадцать восьмого по тридцать девятый, я затратил бы на работу на заводе, на одном и том же месте, на одном и том же участке, и одновременно на учение. То, что мешало этому пути, было бы отброшено. На встречи, любовные похождения, поездки не было бы времени и денег. Во время учения вокруг меня было бы исключительно малое число людей: в институте у меня появились бы товарищи, но вне института в течение первых пяти лет я был бы почти один; возможно, с моей подругой, если таковая появилась бы. У меня не было бы многих столкновений с людьми, с которыми я вел политические споры, столько раз рискуя при этом своей

головой, не было бы совершенно отчаянных разговоров в условиях тридцать седьмого — тридцать восьмого года.

Я не прошел бы через «азотирование», эту интересную страницу моей жизни, когда в советских условиях я хотел стать миллионером и шел по этому пути. Не было бы у меня поры денежного расцвета в середине тридцатых годов, и не знал бы я ни ресторанов, ни баров. Я не ездил бы в командировки, которые открыли мне на многое глаза. Я не принял бы участия в изобретательской работе, не ушел бы для этого из института на целый год. Я не написал бы работы по гидродинамике, которая появилась именно потому, что я почти год не посещал занятий в институте и чувствовал себя как вольный казак. Я не знал бы, что такое Наркомат оборонной промышленности, и вряд ли попал бы на военный завод: я никогда не выбрал бы такой специальности. Я не был бы аспирантом и не испытал бы аспирантской доли.

Можно сказать смело, что в тридцать втором году я никогда не пришел бы к идее о густоте, потому что родилась она в моей голове в ходе изучения электротехники. Вследствие бригадного метода нас поставили в такие условия, что мы электротехнику изучали до физики. Я увлекся электротехникой; электромагнитные явления натолкнули меня на идею густоты. Возможно, я пришел бы к ней и лет на пять позже, в чем не уверен: если я в Бауманском институте стал бы учиться, то при огромной нагрузке чертежами, расчетами и прочим могло бы не хватить времени на «густотизм», как я его тогда называл, не вовремя это было бы.

Я не сформировался бы таким, какой я есть, с моими недостатками, с моими пороками. Если моей жизни не суждено было бы так сложиться, как она сложилась, то есть в сороковом году меня не посадили бы, а в сорок четвертом я не был бы на краю смерти и благодаря Божьей воле не выжил бы, то самое страшное не случилось бы: не исчезла бы моя память и не были бы зачеркнуты одним махом все мои достижения — школь-

ные и институтские познания. Не исчез бы и немецкий, на который я потратил много времени.

По всей видимости, мой тяжелый, скользкий путь, связанный и с падениями, и с низменными переживаниями, для меня, для моей задачи был правильным. Ни в коем случае не хочу делать никаких обобщений. Это — путь редкого, частного случая, моего случая. Чтобы испытать все, что я испытал, Божья рука должна была меня подталкивать. И стезю надо было чувствовать каким-то высшим чутьем, и быть верующим человеком, и немножко отходить от веры.

Если я был бы рабочим, я от веры никогда открыто не отошел бы, я всегда ходил бы в церковь. Странные соображения о том, что я должен узнать врага поближе, не завладели бы мною, и не было бы у меня комсомольского билета, который, кроме грязи и мерзких переживаний, ничего мне не дал. И в мыслях у меня его не было бы. Зачем он мне был бы нужен? Врага я без него узнал бы, работая на заводе.

Для формирования нормального человека правильным был путь педагогического института. Он позволял быть рабочим, рано жениться, верить в Бога, быть твердым человеком, вести жизнь железной рукой. Это была моя натура. Так я должен был поступить, а там — что Богу будет угодно. Уверен, что в ополчении я сумел бы против режима обернуть свое оружие. А это была моя цель.

Итак, к тридцати годам я был бы рабочим и хорошо образованным инженером, но не знаю, что я из себя представлял бы как личность. Я не сформировался бы в свойственном мне духе. Больше того, вряд ли я испытал бы себя как человека научной мысли. Я разбрасывался, широко за все брался. И за гидродинамику, и за электротехнику; кроме того, я стремился охватить и математику, и химию, и, можно еще сказать, автоматику. Диссертацией своей я был совершенно недоволен. Но вместе с тем такой подход ко всему мне очень много дал, потому что я не был узким специалистом в одной области. В то время, когда я кончил институт и аспирантуру, я много знал, много продумал. Я все-таки приобрел

знание людей, обстановки, партийной и комсомольской среды. И не на уровне общих представлений, а посредством живой связи с людьми. Мне это очень много дало. Не то что много, но все-таки дало. И затем вся эта эпопея с изобретательством показала мне жизнь совсем с другой стороны.

Не представляю себе все же, что до тридцати лет я дожил бы без борьбы с этим режимом, хотя бы словесной. Если я обуздал бы себя настолько, что совершенно в ней не участвовал бы, я не был бы тем, что я есть. Я — борец с этим режимом. Пускай словами, но я многих все-таки убеждал; ведь не бесследно для них прошли все наши разговоры. С точки зрения личного устройства я действительно сделал большую ошибку¹⁰³. Но с точки зрения той судьбы, которая мне была предназначена, я действовал все-таки верно. Иначе я искажил бы свой образ.

Со всем моим образованием, со всеми моими науками я мог бы либо быть убит на войне, и все тут, либо моя жизнь, моя судьба повторились бы, а они могли повториться, потому что мне трудно было бы все-таки себя совершенно сдерживать, запеленать, ни слова против режима не молвить. Это на меня не похоже, я не думаю, что я так мог бы сделать. Скорей, мог бы нарваться, немножко распустить язык, особенно в последние годы, когда Ежова сменил Берия. Все-таки наивность у меня еще тогда была. Но если меня сажают, если моя история в заключении в значительной мере повторяется, то в сорок четвертом я теряю память на сороковой день, и весь предшествующий путь, по которому я, как муравей, шел, летит на воздух. Ничего нет, памяти нет, языки пропали, лишь осколки знаний остались. Одним словом, я превращаюсь в то, чем я стал, но при этом теряю уйму вещей.

¹⁰³ «Летом тридцать седьмого я женился. [Речь идет о женитьбе Д. Панина на Е.И. Голобородько. — *И. П.*]. На моем пути встречались девушки и женщины близких мне взглядов, но сердцу не прикажешь: я выбрал жену советской выучки» (Д. Панин. «Лубянка—Экибастуз»).

Меня могли и за религию посадить. Перед войной ходить в церковь, да еще студенту! Почти наверняка меня посадили бы. А раз посадка, значит, такова судьба и все, что я сделал, летит; все это не нужно.

Если скользкий путь, который я избрал, оправдался, то только благодаря сверхтрудной задаче, которую мне предназначено было решить. Если я ошибся бы и не было бы передо мной этой задачи, то надо прямо сказать, что я совершил колоссальную ошибку в двадцать восьмом году, бросив педагогический институт.

Приложение

ПИСЬМО ГЛЕБУ СТРУВЕ¹⁰⁴ 10 ИЮНЯ 1974 ГОДА¹⁰⁵.

Дорогой Глеб Петрович,

Спасибо за Вашу откровенность, которую очень ценю. Только так я представляю дружеские отношения. Поэтому не могу не ответить Вам по существу затронутого вопроса.

В главе своей книги, где я говорю об интеллигенции, я считаю себя союзником Вашего отца¹⁰⁶. Именно Ваш отец нашел мужество и смелость заявить в 1909 и 1918 годах, когда вопрос приобрел жгучую остроту, о вредоносном поведении интеллигенции. Его и его сторонников закидали грязью, но это их не остановило. Сейчас Милюков и Керенский — история, но народ, который

¹⁰⁴ Г. П. Струве — известный литературовед, составитель бесценных собраний сочинений русских поэтов — Мандельштама, Цветаевой и других.

¹⁰⁵ В кн.: Д. Панин. Мир-маятник, с. 181.

¹⁰⁶ Петр Струве — российский общественный деятель. Участник сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), в которых цвет мыслящей интеллигенции грозно предупреждал Россию о вредоносной для страны и народа деятельности разночинной интеллигенции.

при их посредничестве пригвоздили к кресту, мучается до сих пор.

Я прекрасно понимал, что своим отношением к определенному крылу интеллигенции навлеку на себя уйму неприятностей. Но я верю, что, будь жив Ваш отец, он взял бы мою сторону, ибо люди, от имени которых я говорю, и я сам стали свидетелями его сбывшихся опасений.

Обстановка на Западе очень напоминает начало XX века в России. Образовалась своя интеллигенция, насквозь левая, с марксистским мусором в голове, с обязательным атеизмом. Молчать — значит толкать доверчивых людей под откос. Надо спасти, что еще возможно, и переходить в наступление по всей линии против главного врага всех народов.

И еще я думаю, Ваш отец одобрил бы желание навести элементарный порядок в проблеме об интеллигенции и ввести верную терминологию. Камушки и цветочки в наши дни разложены давно по полочкам, а образованные и неучи, гении и тупицы, светочи и преступники свалены в одну кучу с общим названием. Это удобно именно тем, кто хочет спрятаться, но продолжать свою подрывную деятельность. При этом возможно слыть передовым и умным, а несогласных шельмовать реакционерамн.

Мне очень хотелось бы донести до Вас дыхание угнетенных. Жаль, если не удалось. Но действительность, к сожалению, подтвердила пророчества Вашего отца и его единомышленников.

За все приходится расплачиваться. За безумство маньяков, фанатиков и изменников народы России заплатили дорогой ценой. Так не наш ли долг открыть глаза Западу на то, что ему готовят молодчики из той же породы людей?

Из Вашего письма я понял, что Вы считаете, что эта проблема сложнее. Но я не ставил вопрос во всем объеме, а лишь решил ввести элементы необходимой классификации да предложил покончить с причислением к лику святых. Стыдно, что русская эмиграция до сих пор сама не решилась (умения никакого для этого не требуется) сказать всю правду об интеллигенции и провести честное размежевание.

III

Зиновьев¹⁰⁷ говорит, что большинство людей в СССР довольны, что пятьдесят миллионов этот режим охраняют. Это мура, ерунда. Людей, которые поддерживают этот режим, которые действительно вцепились в него зубами и когтями и будут делать все, чтоб его сохранить, наберется миллиона три. Есть люди, которые теперь даже Сталина вспоминают: «Вот как при Сталине было». Будут вспоминать и время всех этих завхозов, которые умеют торговать на черном рынке. Для торговли на нормальном рынке надо совсем другие качества иметь. Сейчас торговец, преуспевающий на черном рынке, — это ловкач, рвач. Может, одновременно он обманщик и жулик, может, даже и предатель в нем сидит. Комбинация очень неприятная, но она есть, она будет. Но вот черный рынок меняется на нормальный, и среди людей, которые за рынок в виде черного рынка, отсеются не способные вести настоящую нормальную торговлю на нормальном рынке, отсеются те, которых не устраивают маленькие прибыли, обязанность быть честными, ухаживать за покупателем. Так что даже для сторонников рынка, которые сейчас, можно сказать, под ударом находятся и вместе с тем в какой-то мере процветают, будущая жизнь совершенно не так уж ясна и розова. И если мы предложим им нормальный ход развития — кооперативы, частный рынок, частную соб-

¹⁰⁷ Александр Зиновьев — советский философ и логик. Эмигрировал в Германию в 1978 году. Свою писательскую деятельность начал с романа «Зияющие высоты».

ственность, в общем, развитие Общества Независимых, — то без разъяснений даже самых простых вопросов и доказательств нам не обойтись. Все области жизни должны быть рассмотрены прямо в лупу, в микроскоп, чтобы люди поняли, как дело должно идти, к чему мы должны прийти. И если мы хотим остаться народом, а не каким-то чудовищем, пугалом, если мы хотим быть нормальным народом, надо развивать определенные качества и взять определенное направление жизни.

Какой пестрый состав! Копни глубже: тюремщики, люди, которые ничего из себя не представляют, нечисть, нелюдь, способная мучить и находить в этом удовольствие, садисты, неполноценные людишки, которые очень хорошо себя чувствуют в виде этаких поработителей, угнетающих других людей. Их миллионы. Что с ними делать? Как к ним подойти? Что им предложить? Это большая проблема. Стукачей, по-видимому, восемь миллионов. Большинство из них пережили большие трагедии, насилие. Трагедии трагедиями, но они живут десятки лет, делали и делают свою работу. Как с ними быть? Я согласен, что вешать их не нужно, но вместе с тем и ходу им давать нельзя. Я уж не говорю о работниках КГБ, заплечных дел мастерах. Только их четыреста тысяч. Сравнительно с другими они как сыр в масле катаются, да и работа у них сейчас не день и ночь, как при Сталине. Под видом чиновников делают свое дело образованные люди. Затем вся эта свора министров, замминистров, начальников главков, конторских людей. Такое количество министерств никому не нужно. Способные люди, работавшие в них, смогут себя применить. Но ведь большинство ничего из себя не представляет, они не развивали в себе в течение шестидесяти лет полезных навыков. Поэтому они держатся за партийную линию, очковтирательство, ложь, обман, подхалимаж. Это все люди, которых могила только исправит. Конечно, толкать их туда никто не собирается.

Колоссальный вопрос — крестьянство. Крестьян

уничтожили, им переломали хребет. Во всех странах наблюдается стремление уехать из деревни в город. У нас было восемьдесят процентов крестьян, теперь сорок процентов, поговаривают даже о тридцати процентах. Ну, будем считать, что еще сорок процентов крестьян, и когда будут условия нормальной земледельческой работы, часть народа пойдет обратно в деревню. Произойдет расщепление, разделение. Будут хорошие крепкие хозяйства, наподобие столыпинских хуторов; возможно, будут крупные землевладения, которые смогут образоваться сами: либо их организует талантливый человек, либо люди сумеют вместе собраться и какое-то товарищество устроить по совместной обработке земли и закупке зерна, по совместным машинам. В начале нэпа это уже начиналось, можно даже сказать — процветало. Вместе с тем будет группа людей, всякие там совхозные батраки, у которых вообще ничего нет. Им всем можно будет дать клочки земли. Но хватит прежнего! Должна быть ясность: надо уметь обрабатывать землю, количество которой огромно. И нужно будет помочь советом и другим, чтобы ни в коем случае не было опять крена в сторону социализма.

О рабочих и говорить нечего. Рабочий перестал быть рабочим. Ему надо научиться работать по-настоящему. Впрочем, может быть, здесь даже легче, меньше всяких волн. Тот, кто был рабочим, им и останется. Будут хорошие условия существования, хорошая зарплата — рабочий покажет, на что способен, что он может.

Затем огромное количество разрушительной интеллигенции¹⁰⁸ (не путать с людьми умственного труда). Что с ней делать? Новое поколение. Диссиденты. У многих развал души, развал всего, цепляются за все что угодно, ни совести, ни чести, никаких понятий. Лишь бы процветать, кое-как существовать.

По всем этим коренным вопросам должны быть сделаны выводы. В выводах тоже надо не миндальничать. К примеру, КГБ; рассмотри его с предельной ясностью.

¹⁰⁸ См. Приложение к разделу II.

Ладно если ты чиновник, но если ты лиходея, садист, тогда с тобой и разговора быть не может. Будем прощать многих, но тех, кто не упивался кровью своих жертв...

К СТАТЬЕ ЗИНОВЬЕВА «ЗА ЧТО БОРОЛИСЬ, НА ТО И НАПОРОЛИСЬ»¹⁰⁹

Зиновьев считает, что «построили именно то, что хотели построить». Но кто хотел построить? Проектантом был Ленин и его шайка. Народ к этому никакого отношения не имел, хотя бы даже по своей неграмотности. Рабочие отошли первыми, поняли, что их надули (Шляпников и другие члены «рабочей оппозиции»). Рабочие не хотели ленинского построения. Свое понимание и свое желание построения они выразили забастовками, «рабочей оппозицией», отношением к труду. О крестьянах и говорить нечего. Их вообще уничтожили и изнасиловали. Так что непонятно, о ком Зиновьев говорит. «Построила» то, что хотела построить, партия Ленина. И надо говорить о том, что шайка устроила себе жизнь за счет народа. Построили то, что хотели построить, партийные бюрократы.

Марксизм был использован действительно на сто процентов Лениным. И рекомендации насчет уничтожения крестьянства давал большевикам Маркс. Лениным все было выполнено. Ленин начал, Сталин докончил. Программа марксизма реализована на сто процентов, даже развита немножко для такой сельскохозяйственной страны, как Россия. Это правильно понято Зиновьевым. Но кто это делал? Не надо путать банду с народом. «За что боролись, на то и напоролись» можно отнести к членам партии, которые в тридцать седьмом году в количестве миллиона человек были расстреляны. Они напоролись. А народ, бедные люди за проект Ленина не боролись, они были в стороне. Правильно говорят очевидцы этих событий: боролись сто тысяч белых и сто тысяч красных.

¹⁰⁹ «Синтаксис», N°3, 1979.

Красные, конечно, начали мобилизовать людей, но их ядро и белые, видимо, были соотносительны. Вот и все дело. А народ выжидал, гадал, думал, сидел, в леса уходил, устраивал всякие восстания, но ни для той, ни для другой стороны ничего разумного народ не делал. Ничего он не хотел и не понимал, и не мог понять. Сами члены партии недалеко ушли от обыкновенных мужиков.

«Построили по плану в полном соответствии с мудрыми указаниями вождей и чаяниями масс» (с. 8). Насчет мудрых указаний вождей я уже сказал, насчет чаяний масс — это стопроцентное вранье. Массы думали о другом, другие чаяния у них были: иметь землю, хорошие заработки, чтоб лучше жилось, чем при царе. А получили то, чего не чаяли: расстрелы, лагеря, высылки. И жить стали в десять раз хуже.

«Возьмем такой факт, как массовые репрессии после революции и при сталинизме. Что это такое? На мой взгляд, это и есть народовластие в реальном его исполнении. Это и есть подлинная свобода, доведенная до предела. Это — власть народа». В сумасшедший дом Зиновьева надо посадить за такие мысли. Он все-таки профессор логики. Как он может пороть такую чепуху? Народ потерял шестьдесят миллионов, и это он называет народовластием? Установлена была не власть народа, а власть над народом, приведшая к его порабощению и истреблению. Реализована была программа безумцев: Маркса, Ткачева, Ленина. Ткачев говорил, что все взрослое население нужно уничтожить. Ленин от него недалеко ушел. Он уничтожил за пять лет своего правления двадцать миллионов, а Сталин помог еще шестьдесят миллионов угрохать.

«Самое предельное насилие над личностью в рамках этого общества вырастает именно из заботы о личности». Ленин говорил о терроре как методе убеждения. Он и продолжается. Ленин дал определение диктатуры как никакими законами, ничем не ограниченного насилия. В этом партийном инкубаторе хорошо живет тем, кто напитан этими марксистскими и ленинскими фор-

мулами. У них своего ума-то, собственно, нет. Они впитали в себя все эти мысли. Они плоть от плоти бандитской шайки, которая все творит. О какой заботе о личности говорит Зиновьев? Что ж они для себя такую заботу не устроили? Сталин в Кремле пиры закатывал в то время, как людей расстреливали по тыще человек за ночь. О себе эта банда думает. Такую чушь могут говорить только какие-то сатрапы, холуи этого режима, те, кто уже совершенно выродился и опустился до уровня лакеев. Даже здесь, на Западе, Зиновьев не может из себя это лакейство выбросить. Он его выставляет напоказ и даже не понимает, что сам себя к позорному столбу приковал. Это уже его натура; он не может от нее избавиться.

«Социальное неравенство вырастает именно из того, что реализуются принципы равенства». Прежде всего — это ложь. Марксисты отошли от равенства. В тридцатом году они еще сделали пробу: те из них, кто этого хотел, получали одну и ту же зарплату. Потом сразу поняли свою невыгоду, объявили это уравниловкой, осудили, пересажали людей и покончили с мифом равенства. Поняв, что на уравниловке ничего не урвешь для себя, они стоят теперь на принципе «каждому по труду». И Зиновьев не может не знать, что многосемейный человек может дохнуть с голоду, а какой-нибудь паразит получать тыщи и тыщи, потому что он угоден этому режиму. Никакого равенства нет, никто к нему, собственно, и не стремился. В первые же дни революции комиссар был в кожаной тужурке и в сапогах, а красноармейцы в лаптях или босые. Так что насчет равенства партийные боссы никогда не говорили. Всегда это считалось у них чем-то мелкобуржуазным. И в этом даже вопросе Зиновьев не разобрался.

«Общество... крепнет из года в год, процветает». Видимо, с точки зрения Зиновьева. Неужели всерьез он считает процветанием то, что творится в Советском Союзе? Он как-то никак не может разделить население и режим. Если считать процветанием то, что режим катается как сыр в масле, обжирается и опивается, ограбив всех, — Зиновьев прав. Но люди бедствуют и шестьдесят лет уже влекут позорную жизнь. Почему Зиновьев

на это все время не напирает? Почему он не производит разделение между властью и народом?

«...носился Чапаев с шашкой наголо [...] не для того, чтобы спасти страждущее человечество, а для того, чтобы [...] чиновники из аппарата [...] (ЦК, КГБ [...], Союза писателей [...]) могли на персональных машинах ездить в спецраспределители за продуктами...» Обалдеть надо, чтоб такое написать. Если кто-нибудь из чапаевых, которые добровольно пошли в Красную армию — не все же были мобилизованы, кое-кто попался на удочку этой лживой агитации, — знал бы, что будет что-нибудь отдаленно похожее на то, что получилось, разве стал бы он воевать?

Формулу «каждому — по его социальному положению» Зиновьев считает справедливей формулы «каждому по потребностям». Но это же обман. Марксом было написано «каждому по потребностям». А если взяли и перевернули эту фразу, то не надо было революцию устраивать. Были дворяне, были помещики, но это были люди, которые правым путем зарабатывали свое имущество, а не грабили кого-то.

Зиновьев считает, что каждая маленькая фабрика, институт как бы клеточка всего советского общества и в этой клеточке то же самое творится, что и во всех других местах, и вроде как во всем обществе. Правильно, потому что законы одни, идеология одна, изгнание религии одно, выкорчевывание веры в Бога одно; всюду — нищета, обман; всюду — партия, сексоты, КГБ. Так как же может быть на маленькой фабрике что-то другое, чем в обществе? Другое есть в микробратствах, где нет открытого доступа всем щупальцам системы, где нет змей. Это строй насадил такие свойства, как карьеризм, лицемерие, двоемыслие, халтура. Это — естественный ответ людей на то издевательство, на то насилие, которые режим устроил населению.

Сами «при каждом учреждении страны завели бы свои карательные группы», если не было бы КГБ. Зиновьев говорит, что в каждом институте, на каждом заводе сами люди создали бы свои КГБ, и эти КГБ пере-

сажали бы в тюрьмы, лагеря своих сослуживцев еще более свирепо, чем существующий КГБ. Откуда он это взял? Конечно, из модели того учреждения, где находился. Там действительно сосредоточены шакалы и гиены, которые ненавидят друг друга, проникнуты марксизмом, самым омерзительным безбожием, абсолютно ничего не имеют общего с народом, оторваны от него совершенно, живут только завистью, стремлением как-то на костях другого построить свое благополучие... Если КГБ не было бы на заводах, если не было бы его шупальцев, то не было бы и советской власти, не было бы стукачей, а были бы забастовки, вольные порядки и вольные нравы.

Зиновьев считает, что строй «в Советском Союзе сложился вполне естественно, в полном соответствии с социальными законами». Какие социальные законы? Я уже прочел все его книги. Почему он эти социальные законы не сформулирует? Откуда они взялись? Почему их надо было с помощью штыков, латышей, ГПУ насаждать? Почему раньше этого не было? Почему в других странах, где нет этого строя, обходятся без этих социальных законов? Что это за законы, которые зависят от произвола и машины террора? Это не законы, а искусственно созданная обстановка, и в ответ на эту искусственно созданную обстановку «птицы могли сказать рыбам: «Как прекрасно в воздухе, полетим с нами». Да, пожалуйста. Уничтожьте КГБ, уничтожьте весь этот режим, и мы полетим. Вот ответ народа.

«Человек должен рассчитывать только на самого себя». Так зачем же Зиновьеву внушать другим людям неверную модель жизни? Ведь это мешает развитию человека, не дает ему возможности рассчитывать на себя, подрезает его крылья. Для чего говорить людям, что «для того, чтобы произошла хотя бы маленькая эволюция, в условиях этого общества нужны годы и годы, десятилетия и десятилетия, нужны жертвы, нужна борьба». Но ради чего борьба? Если трудно достигнуть эволюции в этом обществе, где действуют его законы, то люди обречены на безумное сопротивление. Но это со-

вершено неверно. Законов нет, произошло насилие над огромным народом по его глупости, темноте, из-за исторической ловушки, в которую он попал. Попраны глубинные законы, и народ за это заплатил колоссальной ценой, ценой своего здоровья, может быть, своего будущего. Вот в чем дело, а вовсе не в том, что правят какие-то незримые социальные законы, которые еще никто не сформулировал и благодаря которым этот режим будет существовать еще многие и многие годы. Дайте нам, силам освобождения, радиостанцию, и мы за пять лет его перевернем.

«ЗИЯЮЩИЕ ВЫСОТЫ» ЗИНОВЬЕВА

— Новое общество. Злоба, взаимное насилие, стремление ослабить социальную позицию другого индивида путем двуличности, доноса, клеветы, подсиживания, предательства. Человек не должен отклоняться от нормы. Он ни в коем случае не должен выделяться.

В сталинском режиме это было особенно заметно и зависело от террора, от того, кто во главе. Но Зиновьев о терроре не говорит, а вежливо улыбается.

— Свести успехи коллег до минимума, ставить им палки в колеса. Каждый человек должен выделять в социальную среду определенное количество зла, которое в нем заложено. Таков закон.

Это справедливо для безбожного общества, где имеют место искусственная дрессировка и обстановка, создающая тип какой-то нелюди. Это правило искусственно выведенной нелюди. Русский народ не был таким. Таким его сделали за шестьдесят лет этого режима.

— Хамство и произвол чиновников, грубость продавцов, произвол милиции, открытое взяточничество — это норма, а вовсе не какие-то отклонения.

Мы считаем это отклонениями, потому что меряем систему с точки зрения вечных истин, всего того багажа, который мы получили во время учения из книг в

основном девятнадцатого века. А новое общество надо мерять тоже новыми рамками.

— Удивительно, что в этой среде удается что-то сделать.

Впечатление, что в данном случае Шизофреник¹¹⁰ прав.

— Шизофреник говорит, что человек, собственно говоря, неплох, но он плох потому, что находится в определенной ячейке социального механизма, куда ему удалось забраться.

С этим согласиться не могу. Дело не в том, на каком он этаже сидит. К сожалению, среди колхозников и совхозников распространено тоже такое толкование: если сосед чуть получше живет, то как-то надо его свести до своего уровня. Но это незаконно. Это только для советской системы. В этой системе, где уничтожены лучшие люди, где тон задает всякая сволочь, пьяницы, негодяи, где царит безбожие, где всякое слово добра высмеивается, затоптано в грязь, невольно расцветают пышным цветом жестокие нравы. В человеке есть гадостные свойства, но при религии, хорошем обществе, хороших примерах, здоровом общественном мнении эти свойства оседают на дне души и не выходят наружу. Сам человек подавляет их в себе. Но эта система такова, что душа человека открыта для всей гадости. Соответственно в его душе действительно генерирует зло без всяких препятствий. Советское подрежимное общество приветствует это явление, потому что оно построено на зле. Ему нужны палачи, негодяи, доносчики, стукачи. Без этого оно не может существовать.

Почему это общество так борется с религией? Потому что религия для него смерть. Религия прекращает генерацию всей этой мерзости, и построенное на ней общество может просто завянуть. Некому будет его поддерживать. Шизофреник говорит, что мерзость — не качество каких-то структур, а общества, которое пошло бессознательно по пути зла, ненависти, генерации дьяволизма.

¹¹⁰Один из персонажей «Зияющих высот».

Перечел еще раз первые сто страниц «Зияющих высот». Остальные четыреста шестьдесят служат добавлением к тому, что я только что сказал.

— Глава «Руководители» (с. 104). Карьерист представляет свои личные интересы как интересы руководимой им группы. Карьера чаще строится на воображаемых, кажущихся, а не действительно достижимых целях. Поэтому и процветают очковтирательство, дезинформация.

Кто знает режим, знает, что это именно так. Раз режим построен на лжи, на правде только тюрьму себе заработаешь. Поэтому существует третья мораль, и процветает она не только среди колхозников и рабочих, но и в самых высоких кругах. Любой советский чиновник пропадет, если будет говорить правду и руководствоваться христианской моралью. Потому чиновники — это первые вруны, первые искажители правды и действительности. Рабочие у них только учатся. «Мораль рабов»¹¹⁴ прощительна для угнетенных. Класс угнетателей тоже разделен перегородками, и тот, кто сидит повыше, использует эту мораль с пользой для себя. Остальным тоже приходится прибегать скорей к морали рабов, чем к христианской морали.

— На странице 111 его книги характерный призыв: «Все устаревшее и отжившее надо душить в зародыше. Малое должно вытеснять старое».

Чем это отличается от знаменитого места в четвертой главе «Краткого курса»¹¹⁵? Только тем, что у Зиновьева

¹¹⁴ «Мораль рабов — реакция населения на коммунистическую мораль (морально все, что полезно классу партийных бюрократов), насаждаемую режимом, с которым невозможно быть честным. Рабы не хотят говорить правду. Они не хотят работать для этого режима. Рабы тащат все, что можно, у государства. Так народ протестует против режима и ведет подспудную борьбу, которая уже не раз приводила к краху экономической системы...» (Д. П а н и н. Как провести революцию в умах в СССР. В кн.: Д. П а н и н. Держава созидателей. См. также о трех моральных в книгах «Лубянка — Экибастуз» и «Солженицын и действительность».

¹¹⁵ Имеется в виду «Краткий курс истории ВКП(б)», вышедший в свет в 1938 году и ставший учебником для школ и вузов.

несколько шаржировано. Краски, конечно, не надо сгущать, достаточно того, что есть.

— Не ко времени, не к месту у Зиновьева какие-то постоянные субботники, работающие в сортире люди, которых на гауптвахту сажают. В пору военного коммунизма действительно издевались над бывшими, как их тогда называли. Богатые, интеллигенты должны были целый день работать на морозе, колоть лед, убирать снег. Буржуазию к ногтю! Но Зиновьев описывает сливки партийной интеллигенции, то есть той интеллигенции, которая ближе всего к пирогу. А все эти социологи, сотрудники, шизофреники меньше всего могли попасть на какой-то субботник. Это ерунда. Разве доктора и кандидаты наук были когда-нибудь на субботнике? Да никогда. Я по своему институту это знаю. Всегда присылали какую-то разверстку: столько-то человек на субботник. Вот и шли на него всякие лаборанты, чертежники, младшие научные сотрудники. А у Зиновьева вся знать сидит целыми днями в сортирах. Где-нибудь в Америке человек прочтет и подумает: «Как же, действительно, мучают людей». Неверно это. То, что надо сказать, прятать нельзя, но не надо придумывать того, чего нет.

— Возвращаюсь на страницу 111. «Подлинная наука [...] подчиняется [...] диалектической логике, которая по широте, глубине, степени, всесторонности [...] превосходит формальную [...]. Диалектическая логика учит нас тому, что все понятия и вещи вертлявы, изворотливы, скользки, перевоплощаются друг в друга и во все что угодно, а вместо кухонного принципа «либо да, либо нет» в ней господствует принцип «и да, и нет, а если угодно, то ни то ни другое».

По тому, как ядовито написан этот кусок, можно предположить, что в зиновьевском кругу преподавателей диалектической логики поняли, что она — мыльный пузырь. Потому что в действительности никакой диалектической логики нет. Есть простая логика Джона Булля: да есть да, нет есть нет. На ней построены все кибернетические машины, а диалектическая логика, кроме как врунами и людьми, которые хотят оправдать свои преступления, не употребляется. И ни один мыслящий

человек эту логику не применяет. Положение о том, что «да есть нет, нет есть да», — результат грубейшей ошибки Гегеля, где он говорил, что бытие есть небытие, небытие есть бытие, что это становление. В действительности есть бытие, ни в какое небытие оно не переходит. Все это я рассмотрел в критике Гегеля¹¹³.

Со страницы 136 начинаются «Крысы». Очень ловко задуманная глава, но, к сожалению, она быстро сошла на нет. Сталинская эпоха в виде крыс. Зиновьев метко попал в цель. Следовало развить эту главу и сделать ее центральным местом. Но аналогии Зиновьева недостаточно убедительны. Почему-то объяснить он их не берется, а все время говорит, что это необъяснимо. Видимо, это ему не по плечу.

Очень хорошо дан дневник натурщицы (с. 150). Побольше бы таких местечек. Это выхвачено из жизни.

— «Вопрос о крысах-лидерах есть один из центральных для крысологии» (с. 155).

В таком духе и продолжить бы.

— Испортился лифт и обрек «ожиревших и одуревших от старости и безделья сотрудников» на необходимость подниматься по лестнице (с. 154).

Великолепно!

— «Мир сам по себе сер и прост. Сложность мира есть лишь нагромождение и путаница из простого» (с. 157).

Зиновьев занялся вопросами пространства и времени и высказал довольно верное мнение. Однако смысл он несколько исказил. Мир исключительно, изумительно, гениально прост в своих элементах. Только из простых, надежных элементов можно построить такие сложнейшие организмы, как клетка, хромосома, жизнь. Если в своих основах жизнь имела бы сложные элементы, это не дало бы возможности провести развитие, получить действительно высокие формы. Именно для достижения высоких уровней развития надо, чтобы сами основные кирпичики были очень простыми. И соотношение меж-

¹¹³См. в «Теории густот»: «Основные положения Гегеля в свете Теории густот» и «Дух народа по Гегелю».

ду ними, и их взаимные связи тоже должны быть очень простыми. Огромная область высшей математики лишь путь, переход к пониманию, к более простым вещам. Потому что все основные уравнения — уравнение Планка, уравнение Эйнштейна, уравнение Ньютона — страшно простые. Когда мы достигли такой простоты, мы достигли понимания первооснов.

— Зиновьев говорит, что пространство и время — трюки языка, а основное — это логика. Нельзя переступить логику; открытия науки нас могут потрясать, но они лежат в ее русле. А если мы что-то против логики сделаем, то мы тем самым повредим какому-то научному течению или каким-то выборам и так далее.

Конечно, против логики нечего бунтовать. Открытия могут быть интуитивными, но голова у нас работает логично, иначе не было бы разработок.

— Зиновьев стремится объяснить поведение пространства и времени в микромире и в теории относительности какими-то неясностями языка, тем, что мы не вполне хорошо выражаем свои мысли в этой области.

Дело не в этом. Нужно уметь понять, что такое пространство, что такое время. Когда я нашел определение этих величин, все стало гораздо проще для меня в картине мироздания. Так что дело не в трюках языка. Языком мы с горем пополам, но все-таки умеем владеть. Когда в ходе большого числа раздумий и приближений мы находим формулировку, то эта формулировка не обязательно будет внутренне логично и правильно отражать наши достижения. Эта главка не дотягивает до научного уровня. С другой стороны, ее можно считать философской. Если книгу Зиновьева рассматривать не только как сатиричную, но и как философскую, то возражений не имею. Человек имеет право высказывать свои суждения в сложных, путаных вопросах тем языком, какой ему Бог на душу положит.

— Зиновьев постоянно возвращается к одной и той же теме: он доказывает, что идеология — не наука, что у нее какой-то особый язык (с. 164).

Конечно, верно. Это из его области, и здесь он попадает в цель. Чушь, что «предложения идеологии нель-

зя опровергнуть и подтвердить, ибо они бессмысленны». Для красного словца это сказано. Для меня марксистскую идеологию было гораздо труднее опровергнуть, чем те или иные положения Канта или Гегеля. Не забудьте, что над марксизмом тысячи и тысячи людей думали за хорошие деньги. Марксизм для меня — это не только книги Маркса и Энгельса. В их случае перья полетят. Но надо было заняться тем, чем они действовали и пользовались. И здесь совсем не так просто разделаться с марксизмом. Мне это удалось на основании густотизма, как я раньше называл свою Теорию густот. Удалось доказать, что марксизм не является наукой, что все его положения противоречат науке, что они отстали и смешны. Поэтому марксизм следует представить в форме шуток и анекдотов. Судя по книге Зиновьева, в кругах самих марксистов уже довольно широко применяется такой метод. А Клеветник¹¹⁴ тень на плетень наводит, защищая марксизм.

— Официальная идеология, стремясь казаться научной, разрушает веру в свой собственный разум (168).

Это справедливо. С идеологией не поспоришь. Можно в кругу своих друзей ее высмеять. Но ведь приходится часами ее слушать, а потом сдавать экзамены. И осколки этой лженауки, этих ложных взглядов, как заноза, остаются в тебе. Человек, который прошел через марксизм, обязательно несет в себе его родимые пятна. Когда человек занимается наукой, его умственные способности только оттачиваются, а идеология превращает человека в урод и глупца.

— Зиновьев любит играть на опровержениях. Например: «Мелкие успехи никогда не ведут к крупной победе. Крупная победа складывается только из поражений» (с.168).

Не опровергает ли он такими замечаниями разум, не наносит ли ему ущерб? Ведь эту сентенцию произносит Болтун, умнейший представитель его книги. Хлесткая фраза может запомниться при беглом чтении и произведет такую же работу, как идеология. Надо быть ответ-

¹¹⁴Персонаж «Зияющих высот».

ственным за свои слова и ради секундного успеха, не заполнять книгу вздором.

— Главка о Лысенко (с. 172), занимает только полстранички из пятисот страниц книги.

И не поймешь, Лысенко это или нет. В общем-то, Лысенко, но для посвященных. А неплохо показать бы как следует эту страницу истории естествознания. Как Жорес Медведев в свое время сделал. Изобразить бы Лысенко на фоне крыс или другим образом, что оживило бы картину.

— Мы люди «без прошлого. Без будущего. Мы и есть чистое мелькание». Где выход? В религии. Но далее: «В условиях современного образования это пустое дело, сказал Ученый». Посетитель робко замечает, что «религия есть еще человеческая общность». «Старушечья общность», ему отвечают.

Вот почти все, что говорится о религии. Религия сведена до уровня старушечьих, бабушкиных сказок. Большая слабость книги Зиновьева, что он ограничился несколькими строчками о религии. В самом основном и центральном вопросе у этого господаря — философа, умника, логика — пустое место.

— Как крысы устраивают выборы, как были растерзаны те из них, которые не подняли свой хвост (с. 178).

Насчет крыс очень здорово Зиновьев прошелся. Разумность массовых уничтожений не подлежит сомнению. Можно бы центральное место книги сделать из этой главы.

— «Идеология имеет конкурента, с которым не так-то просто справиться, — логику» (с.180).

Как раз наоборот, логика должна с ней справиться или уже давно с ней справилась. Какое-то все время недопонимание у Зиновьева силы науки, силы логики и слабости этой паршивой идеологии. Или это нарочно он делает?

Хорошо даны соображения, по которым какой-то карьерист или просто маленький человек проголосовал «за», когда надо было голосовать «против». Мазила сказал, что он с помощью какого-то особенного прибора наблюдал при этом образование раковой опухоли у близкого ему существа (с. 182).

— В книге Правдеча приводятся примеры, когда активность даже нескольких человек давала эффект (с. 183). Болтун, конечно, это опровергает: «Что ты предложишь мышам для того, чтобы стать слонами?»

Я предложил бы революцию в умах.

Вторая сторона магнитофонной ленты кончается. Подведу итог. Книга написана на платоновско-зиновьевском языке нашего века. Не отрицаю ума автора, его наблюдательности и умения сделать меткий вывод. Его ли мысли, или он у кого-то их услышал — мне это совершенно неинтересно. Важно, что он их услышал и в меткой форме их изложил. Отдаю ему должное. Меткие замечания следовало бы даже для себя выписать.

Отдельные разоблачительные главы очень удались Зиновьеву в области, которую он хорошо знает: выборы академика, как задавили ученого и разрушили его школу. Здесь он как рыба в воде, и его повествование не вызывает никакого раздражения. Вообще у Зиновьева философический склад ума: где-то он делает обобщения, не боится касаться сложных вопросов. Конечно, далеко это от того, чтобы сказать о нем, что он в какой-то мере философ. Системы никакой не чувствуется, обычные замечания критического порядка. Но он еще молодой, годам к шестидесяти, может, будет и философом.

Как писатель он круглый нуль. Композиция рыхлая, неудачная. Ни личности, ни места, ни действия. Ходульные схемы говорунов под зашифрованными названиями. Как они встречаются? Почему они все время разговаривают? Форма трактата, каким являются «Зияющие высоты», этого не объясняет.

Как сатирик Зиновьев тоже равен нулю. Претензии у него большие, и они еще более испортили книгу. Грязь и неприличные места, сальности, назойливость какая-то тоже портят его книгу. Я всегда считал, что материал советской власти для гениального Свифта. А Зиновьев со своей находкой крысария ничего не сумел сделать. Для того чтобы сделать обобщения, надо понять не только группку людей, к которым ты сам принадлежишь, но и отношение народа к этому режиму. Для этого надо быть философом и сатириком. Зиновьев это-

го не понял, и поэтому крысарий у него не получился. А на материале крысария и если правильно учесть отношение народа к режиму, могла получиться совершенно блестящая вещь. Можно было бы описать крысарий в ленинское, сталинское, хрущевское, брежневское время. Крыс можно было бы заставить говорить человеческими голосами на платоновско-зиновьевском языке. Придумывать все время не надо было бы, но нужно для такой книги знание действительной жизни, истории.

Надо не забывать, что Зиновьев — знаток партийной марксистской интеллигенции, очень близкой к правящей группе, самой привилегированной из всей интеллигенции, той, что на лучшем счету, с командировками, учеными степенями, с огромной зарплатой¹¹⁵. Так что он описывает только этот круг. О народе он почти ничего не пишет и передает точку зрения этого круга: народ вполне доволен, что власть народная. Не зная этой народной власти, не желая ее знать и закрывая глаза на все события, он не отвечает на ряд вопросов, как например, почему крестьяне, рабочие, инженеры так относятся к своей работе, почему все так из рук вон плохо. В его элитных кругах говорят: «Мы работаем плохо, и уровень жизни понижается». Почему? Когда человек доволен своей властью и условиями своего существования, он делает работу хорошо. А когда у всего народа обрублены крылья, перебит спиной хребет, говорить, что власть — это народная лада, что она ему нравится, — чудовищное недомыслие и клевета. Но благодаря этой клевете его книжки были препровождены, вероятно даже КГБ, за границу, молниеносно напечатаны, переведены на многие языки. Почерк КГБ совершенно ясный. Может, он договор с ним, как с чертом, не подписывал, но КГБ сумел его поймать. Там взяли его рукопись, увидели его отношение к народу, поняли, что он Правдец номер два, Солженицын номер два, и решили его выпустить. «Тут нам с ним возиться нечего, книжка уже попала за границу, выпускаем его». Наверное, так и было сделано.

¹¹⁵Для советских людей того времени.

Самый страшный и главный порок книги в том, что он приписывает народу лояльность к этой власти. Преступная позиция.

Я разобрал уже сто девяносто страниц. Дальнейшее чтение книги только увеличило бы количество примеров, но на выводы повлиять не может. Преступность этой книги я еще рассматриваю с точки зрения отношения ее автора к религии. Был великий народ, христианский народ. Шестьдесят лет низводят христианство, сделали все что можно для этого, верующих осталось миллионов шестьдесят. Но это выпадает из поля зрения Зиновьева. О верующих почти ни слова. И ровно два слова о каком-нибудь крестьянине или рабочем.

— «В вашем кружке, — говорит Журналист, — я ни разу не слышал разговоров о судьбе ибанского народа [...] Неужели это вас не волнует? Ибанский народ, говорит Болтун, не нуждается в нашей заботе о нем. Его вполне устраивает забота о нем его любимого начальства [...] Ибанский народ достаточно образован, начитан и вполне отдает себе отчет в своем положении. Он знает, чего хочет. И в общем имеет именно то, что хочет. Деятельность начальства отвечает его интересам. Во всяком случае, ни о каких принципиальных конфликтах народа и руководства у нас и речи быть не может [...] Начальство народ не зажимает. А потому, что начальство народно, а народ начальственен. Народ несет полную ответственность за деятельность своего руководства. Он соучастник всех его добрых и злых дел... О народе у нас есть кому заботиться» (с. 280).

Где ж глаза Зиновьева? А почему все эти вооруженные восстания, гражданская война, коллективизация? Сколько было сопротивления, сколько крови пролито, сколько народа уничтожено. Почему восемьдесят миллионов людей уничтожено? Это цена за что-то или нет? Почему народ не хочет работать и не работает и довел уже страну до экономического краха? Ведь только Запад ее спасает. Почему подсоветский народ должен быть доволен, когда ему верить в Бога не позволяют, жить свободно не позволяют? Крестьянин привязан к земле, рабочий — к своему городишку. Жилищные условия черт знает какие; последнее время только начали выправ-

ляться. Что ж люди — свиньи, что ли? Сказать то, что сказал Зиновьев, значит сказать, что русские люди — рабы, негодяи, которые вполне удовлетворены. Зиновьев забыл, что шестьдесят лет народ находится в условиях невиданного террора, что создана такая организация, как КГБ, которой никогда в жизни не было на свете. Эта организация обхватила полностью народ своими щупальцами. А народ все-таки сопротивляется, в микробратствах идет борьба.

Василий Васильевич Орехов прав, что «Зияющие высоты» не для читателя; так писать нельзя. Я заставил себя прочесть эту книгу и одолел даже еще одну книгу Зиновьева, сделал выписки, разобрал целый ряд его ошибочных положений, в общем, наговорил шесть часовых кассет. Зиновьев, на мой взгляд, явление, и от него нельзя отмахиваться.

На Запад приехал Правдец и начал проповедовать опять в струе Солженицына: революции никакой не нужно. Но Зиновьев вреднее Солженицына. Он прямо говорит: народ доволен, он сам создал этот режим, в основном пятая часть народа довольна начальничками. В общем, он такие вещи говорит, что курам на смех. Но на эту удочку могут попасться и, наверное, попадают. На весь мир проповедует он с профессорским видом эти мысли, и вполне понятно, почему его выпустили. Но разве эмиграция восстала против этого? Да ничего подобного. «Русская мысль» дала ему возможность высказаться в интервью, которое я, правда, не читал: у меня, к сожалению, пропал этот номер. Наверное, Зиновьев там говорил в том же духе. На его интервью в «Экспрессе» было слабенькое возраженьеице Терновского — собственно, и все. За всю эмигрантскую печать отвечать не могу, но не думаю, что кто-то еще выступил против. Перед лицом Запада эмиграция проглотила пилюлю, преподнесенную Зиновьевым. Значит, все, что говорю я и ряд других приехавших, неверно. Приехало светило, профессор логики, и он нам объяснил, что все в порядке при этом строе, имеются какие-то недостатки для ученых и, может, им не нравится, а народу хорошо. Господи, это же малина для Брежнева и для Андропова! Ну, КГБ он поругал немножко. Чепуха. Про КГБ уже

столько книг написано, что это не имеет никакого значения.

В сложных книгах Зиновьева могли, конечно, на Западе не разобраться. Но если люди занимаются политикой, считают себя эмигрантами, издают журналы, то для них должно быть хоть ясно, что Зиновьев сказал про наш народ. Он ведь совершенно не скрывает свое мнение, не протаскивает какие-то завуалированные фразы, говорит прямо: народ доволен. Значит, у людей опаска, если они Зиновьеву не возражают: как бы не сочли меня махровым реакционером. Люди запуганы. Интеллектуальный террор на них действует. Какая ж это свобода?

Один пример еще хочу привести. В «Посеве» за август месяц дана длинная биография Зиновьева. Если бы «Посев» и НТС представляли бы из себя какую-то умственную силу, то должны были бы, я сказал бы, даже обязаны были бы исследовать «Зияющие высоты» Зиновьева и обнаружить в этой книге черным по белому напечатанные мысли против революции, против свержения режима, совершенно неверную оценку населения, призыв к соглашательству с режимом и прочее. Зачем же организации, цель которой избавление от этого режима, делать Зиновьеву рекламу?

В сентябре месяце Зиновьев развернулся, начал давать интервью, но «Посев» никак на них не отозвался. Проглотил их тоже. Нет в эмиграции центра, который мог бы определить ценность того или иного человека, того или иного явления.

* * *

Книга Агурского об идеологии национал-большевизма¹¹⁹. Много интересных сведений можно получить о деятелях двадцатых годов во время революции. Агур-

¹¹⁹ М. Агурский. Идеология национал-большевизма. — Париж, Имка-Пресс, 1980.

ский в плену у таких людей, как Устрялов¹¹⁷, Ключников¹¹⁸, Алексей Толстой, которые, видя страшную Россию, бились над мыслью, как преодолеть ее, переосмыслить. Их не хватило на то, чтоб исследовать большевиков, бороться с ними. Они были бары, профессора, которые с ученым видом порицали даже тех, кто жертвовал своей жизнью. Что ж они придумали? Твердят хором, что большевизм — это, в сущности, национал-большевизм. Его национальное кредо — коммунисты Троцкий и Зиновьев, а рациональное — большевики, Ленин и другие. В этот вздор они верили, и даже часть из них приехала в СССР, сменила веки, поступила на службу. Правда, их почти всех передушили. Я таких людей могу не то что понять, но объяснить их отношение к этой проблеме; объяснить, но не оправдать. Они строили свои химеры на чистом гегельянстве: всякое явление вызывает свое отрицание, а потом получится отрицание отрицания, и все будет хорошо. Большевики были против России, потом они породят национальное движение, и в результате получится сильная Россия. Примерно к этой убогой схеме сводится все у Агурского. Он видит так, как все отражено у большевиков: что Ленин сказал, как ценил он советы других. Сталин у него прямо провидец: он все предвидел, все использовал, все заранее у него устроено. Ничего подобного. Если он использовал антисемитские настроения русского населения против засилия евреев, то это ему сама жизнь подсказала, здесь не надо было ничего придумывать. Никакого национал-большевизма не было, а шло жуткое искоренение религии все двадцатые годы. А в двадцать девятом году вообще уничтожили церкви, и в общем-то прикончили православную Церковь. Я мальчиком был, когда нельзя было сказать слово «национальный», «патриот». Русские были изгой, все национальное было выкорчевано, школа Покровского рус-

¹¹⁷ Имеются в виду книги Н. Устрялова «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920) и «Под знаком революции» (Харбин, 1925).

¹¹⁸ Ю. Ключников На великом историческом перепутьи (Берлин, 1922).

скую историю изображала черт знает как. Какой же это национал-большевизм? Вообще до тридцать четвертого года русской истории не преподавали. Концепция Агурского придуманная. Именно используя антинациональные настроения, господа провалили настоящую Россию и стали цепляться за какие-то кусочки пирога, для чего потом туда и приехали. И на основании таких вздорных настроений Агурский строит весь свой национал-большевизм.

* * *

«Князь мира сего» Г. Климова ¹²². Он описывает какой-то воображаемый тринадцатый отдел КГБ и его начальника, который исследует историю христианской Церкви, использует все старые правила и каналы и старается применять инквизиторские приемы в советской действительности. Он инспирирует Сталина на все чистки. Идет якобы идейная борьба. Климов считает, что все коммунисты, которые совершали революцию, — дьяволы и у них всех половая неполноценность. Когда эти неполноценные люди устраивали революцию, это было полезно. Но поскольку они существуют и теперь со всеми своими качествами, их надо уничтожить, иначе они будут устраивать новую революцию.

Климов так обосновывает эти чистки. Образованные люди вокруг Сталина вооружают его средствами, которые якобы ему были чужды. Все это делается не для укрепления власти, а из соображений очень глубоких, мистических. Полное оправдание террора. Всех, кого уничтожили, надо было уничтожить рано или поздно. Климов и в эмиграции находит неполноценных в половом отношении людей, со всякими комплексами. Он считает, что они тоже могут повредить сталинскому режиму... (*Обрыв записи.*)

¹²² Нью-Йорк, 1970.

«ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ГЕННАДИЯ ШИМАНОВА», СОГЛАСНО АЛЕКСАНДРУ ЯНОВУ¹²⁰

Самого Шиманова мне читать не довелось. Целиком полагаюсь на честность Янова. Он тщательно ссылается на Шиманова, и думаю, что воспроизводит его мысли без искажения. Я постоянно себя ловил на том, что все время чувствовал сходство между идеями Солженицына и изложенными в журнале «Синтаксис» мыслями Шиманова. В ходе рассуждений я иногда, может быть, буду проводить параллели. Но поскольку критика данных идей Солженицына дана в моей книге «Солженицын и действительность», здесь буду говорить в основном о том, что характерно для самого Шиманова.

Истоки доктрины Шиманова (с. 32—33). В двух словах он говорит о провале коммунистической утопии и отсутствии у Запада тоже путей, способных вызвать симпатии. Шиманову мерещится военная опасность Китая. Внутренние процессы «буржуизации» и духовно-нравственная деградация должны толкать советскую власть сначала к каким-то частичным, а потом и к решительным переменам «перед лицом государственной катастрофы». Режим потерял цель, и, вероятно, поэтому он не мобилизуется в нужной степени. «Движение превратилось в топтание на месте, а затем в «гниение». Нация дезориентирована и поэтому деградирует, духовно умирает. Общественная и трудовая дисциплина катастрофически падают, подрывая самые основы жизненной силы нации».

То, что коммунизм провалился, может быть, печалит лишь класс партийных бюрократов да тех, кто присосался к нему с большой ложкой. Для населения это радость и долгожданный его ответ, который всегда в народе жил: бредни о коммунизме выгодны только классу партийных бюрократов и других насильников и мерзавцев. Все в этом режиме направлено против народа, поэтому коммунизм провалился с участием в большой мере населения. Совершенно верно, что низкая трудовая дисциплина, но

¹²⁰Статья А. Янова «Идеальное государство Геннадия Шиманова» опубликована в журнале «Синтаксис», 1978, №1.

это не признак того, что народ разочаровался, потерял цель. Да черт с ней, с этой целью, которая была у фанатиков, когда они устанавливали режим, а потом существовала для карьеры, для удержания власти.

Все это уже давно разобрано. Идеология — это ширма. Она существовала и существует и удобна для того, чтобы за нее прятаться. Но народ плохо работает не потому, что он разочарован, а потому что не хочет в этих условиях жить и работать. Не хочет работать задаром, быть бесправным, под террором, где слова нельзя сказать против режима, а все надо хвалить. Ведь надо быть животным, чтобы не только такой режим хвалить, но и быть разочарованным оттого, что этот режим не приносит каких-то плодов. Да он принес плоды. Коммунизм и есть его плоды. Не нужно никаких других ожиданий. Хрущев говорил, что через двадцать лет будет бесплатный проезд и бесплатный обед, который вычтут из вашей же зарплаты. Это уже есть, из зарплаты уже все вычтено. Совершенно неверная оценка режима у Шиманова. Именно благодаря этой системе народ не мобилизован. Если была бы другая система, если Россия развивалась бы в своем русле, мы сейчас горы сворачивали бы, мы были бы сейчас самыми богатыми, давно Америку за пояс заткнули бы. У нас сейчас было бы пятьсот миллионов населения, уж четыреста с ручательством. Тогда была бы настоящая картина, тогда люди сами мобилизовались бы. А сейчас можно мобилизовать только гальванизированные трупы.

Как поворачивается язык говорить о высоких целях? Что же в них высокого? Создатели этой системы семьдесят миллионов людей ухлопали, сеют преступления, террор. СССР — рассадник для всего мира самых омерзительных преступлений. Что делается в Камбодже, в Ливане? Никого уже не трогает, что в Эфиопии детей стреляют, в Камбодже — стариков, женщин. Господи! Приезжают советские негодяи на Запад, им ручки пожимают. Наш народ внутренне честнее западных проституток, которые в правительствах находятся. По крайней мере он в душе знает цену этому режиму, хоть и вынужден делать, что прикажут. Как можно говорить, что режим утратил цели? Цели, наоборот, им достига-

ются. Но о каких целях идет речь? Цель одна: завоевать власть во всем мире. Вожди режима к ней идут. К сожалению, народ обязан им помогать.

Вот почему нужна революция в умах: чтобы вбить клин окончательно между народом и режимом, между угнетенной частью населения и режимом. В этом смысл революции в умах. И к этой революции народ уже подготовлен, он уж давно был к ней подготовлен. Когда умники экзамены по марксизму сдавали, отцы и деды нашего народа уже знали о его целях. А сейчас представители марксизма путаются в двух соснах — что ни «открытие», то глупость.

Шиманов считает, что плохая дисциплина подрывает «самые основы жизненной силы нации». Ничего подобного: не нации, а режима. Нация не раб, она не хочет существовать в таких условиях. Мы — вольнолюбивый народ. Напрасно про нас говорят, что мы — рабы. Неверно это совершенно. Рабы не завоевывают шестую часть земного шара. Мы — землепроходцы: Сибирь, Аляску не царь завоевал, люди завоевали. А наши одиннадцать казачьих войск? Это разве не вольница?

Не успели в России столыпинскую реформу вовремя провести, дворяне помешали. Надо было освободить крестьян сто лет тому назад, на сто лет, во всяком случае, на пятьдесят лет раньше. С выкупными деньгами надо было в середине прошлого века покончить. С середины прошлого века шло бы тогда полным ходом развитие нашего крестьянства. Вот когда была бы наша трудовая дисциплина; о ней не говорили бы, она сама получалась бы. «Движение превратилось в топтание на месте». Но народ топчется нарочно. Это его способ борьбы. Он не может устраивать демонстрации, забастовки. Он держит этот режим за глотку на уровне труда. Это надо понимать.

Второе положение Шиманова. Он считает, что «революция, гражданская война и ГУЛАГ, смерть миллионов, голод и коллективизация... оказались бессмыслицей». Верно: бессмыслица, конечно. «Бог умер». Под этим Шиманов подразумевает, что великая цель движения коммунизма оказалась неосуществимой, неверной. На этом основании он строит свою доктрину: советские

люди боятся даже инстинктивно думать, что великая цель оказалась неверной, что все жертвы оказались втуне. Они думают об этом как о собственной смерти.

Во-первых, не втуне были все жертвы, а благодаря им началась очень своеобразная борьба народа с режимом. Все шестьдесят лет шла и идет война между этими двумя антагонистами. Надо быть слепым, чтобы этого не понять. Невинные люди не столь уж невинные. Конечно, отчаянных борцов, сознательных, среди восьмидесяти миллионов жертв было немного. Но пассивных врагов этого режима процентов девяносто, хоть из коммунистов не наберется и десяти процентов. Так что жертвы — следствие народного сопротивления и борьбы, то открытой, то закрытой. Втайне, в подполье, все время идет такая война. Народ может только радоваться, что коммунизм провалился и с режимом будет покончено.

Режим это тоже понимает, поэтому он делает ставку на наглое военное завоевание всей Вселенной, всего мира. Когда вожди режима завоюют весь мир, они покажут свои зубы окончательно. Новый Сталин будет целые народы уничтожать, и прежние Гитлер и Сталин им покажутся детьми. Все будет делаться приказом, стесняться нечего будет. А это народу совсем не по нраву. Народ на своей шкуре настолько все понял и во всем убедился, что победы этого режима не хочет. На Украине, на Дону, в Казахстане, на Кубани вымаривали целые области. Сам народ, что ли, устраивал голод с колоссальными людскими потерями? Народ гнули, его заставляли идти в колхозы, его туда загоняли, а активных людей, которые могли представлять угрозу, уничтожали. Индустриализация проводилась в основном чудовищными способами, уж не говоря о том, что было много глупостей, безумия. Нужно было ковать оружие для этого режима и против самого народа. Народ не в силах был этому противостоять; он делал, что мог, но работать все-таки было нужно. Так что установка Шиманова в корне ложная.

Третий вывод Шиманова. Он говорит, что страна во всеобщей растерянности и гниении, «в самой тяжелой за все время истории беде». Значит, он считает, что на-

род тоже растерялся и гниет. Это неверно ни в отношении режима, ни в отношении народа. Режим не растерялся и не гниет. Он гнет свою линию, сеет преступления, имеет огромный флот, прибирает к рукам одну страну за другой. У народа тоже нет никакой растерянности. За шестьдесят лет он привык себя держать в этом режиме. Тяжело, что сорок процентов психбольных и людей с нервными расстройствами, что огромное количество пьяниц. Конечно, народ нездоров. Безусловно, что в таком режиме годик пожить — можно на тот свет отправиться. А народ прожил в нем шестьдесят лет. Уже три поколения искалечены. Тем не менее он держится, не сдаётся, и доказательство тому — совершенно ясные признаки отношения к режиму рабочих, крестьян и инженерной интеллигенции.

Шиманову в его нужнике мерещится бедный режим, растерянный и гниющий, который оказался в страшной беде между двух огней, Китаем и Европой. Но Китай не хочет воевать и никогда не будет, наверное, воевать. Он никогда не полезет на Советский Союз, разве только если ему представится удобный момент, когда мы этот режим будем сбрасывать. Тогда надо быть начеку. И Европа рада-радешенька будет, если только ее в покое оставят. Она под угрозой: на ее границах сосредоточены пятьдесят тысяч танков, огромное количество самолетов, готовых броситься на нее. Что за чушь при этом прет Шиманов? Совсем допер, когда говорит, что Китай и Европа к тому же беспощадны. При нынешнем «положении нации нечем парировать эту смертельную угрозу». Но о какой смертельной угрозе идет речь? Советский режим — смертельная угроза для всех стран, он по очереди каждую из них уничтожает. А оказывается, что это режим под смертельной угрозой. Не хватает слов у меня, чтоб выразить возмущение, в которое я пришел от этих мыслей Шиманова.

Шиманов говорит, «что христианство как универсальное орудие спасения мира не удалось». Выйдя из катакомб, оно за «чечевичную похлебку мирской власти» растеряло свои ценности. Неверно все это. Не следует забывать, что христианство — народная религия, а не религия только для идеальных монахов, рыцарей, и

объединяет эта религия весь народ, который имеет свои пороки, недостатки. К тому же христианство стало господствующей религией, когда были еще варварские времена. Европа была под натиском неверных, сарацин, арабов, турок; только успевай поворачиваться да обороняться. И в этих условиях христианство дало всё: и всю культуру, и гражданские права, и просвещенные монархии, и законность, и уважение к личности, и ее достоинство, и уважение к женщине. Господи, мы пропитаны христианским духом. Как же Шиманов не понимает? Даже те, кто откинул Бога, Христа, все равно живут в этой атмосфере.

Шиманов считает, что социализм тоже провалился, что он тоже плохой. Это, конечно, верно. Зная диалектику в самом примитивном виде, он считает, что синтез тезиса и антитезиса должен образоваться в России. По его мнению, Россия была приготовлена к этой миссии Богом, который нарочно насыляет на нужные ему народы чуму и всякие бедствия. Петровские реформы, Октябрьская революция, Гулаг — все эти великие бедствия народные якобы спасли народ. Чем же спасли? Во-первых, по Шиманову, народ не стал буржуазным. Провал, крушение коммунизма дают дорогу очищенному, обновленному христианству, православию. И «соедините исконную русскую веру с внутренней имманентно-религиозной сущностью коммунизма и [...] вы увидите перед собой Бога» (с. 36). Итак, обновленное православие, в самой высшей своей форме, которую мы еще, может быть, и не знаем, должно соединиться с религиозной струей коммунизма. То есть нужно создать совершенно невероятный гибрид. Как известно, коммунизм и марксизм построены на явном отрицании Бога. Это самые сильные безбожные власть и течение, которые существовали на земном шаре. Все страны, которые получили коммунистический режим, в течение всех лет занимаются одним и тем же: уничтожением религии, веры, верующих, особенно христиан. Соединить православие с коммунистическим учением — вещь невозможная, совершеннейший нонсенс. Это все равно как соединить воду и огонь. Нельзя соединить несоединимое. Если Шиманов хочет заменить одно другим, то так и надо

говорить. Но как можно говорить о каком-то синтезе? Советская власть, коммунистическое правительство, коммунистическая партия должны расстаться со своей идеологией, считает Шиманов. Знакомый напев — об этом уже у Солженицына. В моей книге «Солженицын и действительность» по косточкам разбирается, доказывається невозможность такого пожелания. Режим может быть только уничтожен, сметен с лица земли. Партийным бюрократам мы не хотим зла, мы не хотим им мстить, но мы хотим их убрать с подмостков истории. Больше ничего. Но это не так мало, и этого возможно достичь. Для этой цели я, например, предлагаю революцию в умах. Я думаю, что с режимом справиться все-таки можно, потому что все держится на народе. А отношение народа к нему мы знаем. Если произойдет в умах настоящая революция, народ почувствует свои силы, начнет объединяться. Режим действует, конечно, методом своих репрессий, террором. Но одним террором не справишься: уже не то время, и Сталина нет. Я останавливаюсь на этом вопросе в сборнике «Горе — не беда». Нет Сталина, и много других причин, которые не позволят провести массовый террор. Не выйдет. Во время революции в умах будут создаваться тормозы. Уже сейчас можно много тормозов наметить. Это реальная вещь. Будут отстранены от власти слуги режима, и их заменят люди здравые из нашего народа. Но они никакого просвещенного христианства не знают, ибо и обыкновенного христианства не знают. На три четверти страна отвращена от христианства, антирелигиозное воспитание дает себя знать. О каком же можно говорить новом христианстве? Дай Бог к простейшему христианству как-нибудь людей приучить. Во всяком случае, люди намучились, передумали многое и хорошо понимают, что к чему. Если революция в умах пойдет, то думаю, что они сумеют выбрать из того, что им предложат, найдут наиболее для себя целесообразное решение, связанное с наименьшим кровопролитием, с наименьшими передрыганиями. Такая перспектива представляется вполне возможной.

Шиманов считает нужным распространить существующую идеологию на православие, причем на обновлен-

ное православие. Чудовищное недоразумение! Как превратить коммунистов в новых православных, когда мы не можем надеяться, что на это предложение отзовутся старые православные? И что это за новое православие, откуда оно взялось? Солженицын предлагает новую нравственную революцию, Шиманов — новое православие. Уточните, господа, что вы предлагаете. Надо же ответственность нести за свои предложения. Если ты предлагаешь народу что-то делать, то это не должен быть какой-то мираж. Скажи, чем старое христианство плохо и чем новое христианство от него отличается. Тогда можно будет судить о твоём предложении.

Шиманов нападает на язычески-буржуазную цивилизацию, ибо ему нужна аскетическая и духовная цивилизация. Но наш народ намучился; он нищий, бедный, изголодался. Стыдно говорить о таких народах, что они к тому же буржуазные. Дайте им по-человечески пожить, чтобы они в известных рамках достигли того, что имеет французский или немецкий рабочий, живущий нормальной жизнью. До буржуазной жизни еще далеко.

Что такое буржуазность, Шиманов знает по книжкам да по блокноту агитатора. Конечно, у буржуазности есть свои минусы, слов нет. Но по сравнению с коммунистическим режимом — это малина. Буржуазность — это принадлежность людей, а не анонимное страшилище, которое опутало всех. С ней можно бороться, устраивать забастовки, уходить от нее, ее ругать. Но это вполне человеческая вещь. Капиталисты — очень полезные люди, но иногда впадают в крайность. Против их крайностей должен действовать этический контроль. Но надо признать, что это талантливые, могучие люди. Только полное убожество Шиманова позволяет ему рассматривать как что-то плохое, называемое буржуазностью, всякое стремление к предприимчивости, желание устроить жизнь, преобразить ее за счет своей инициативы, своего ума, своей свободы. Нужно ли эту буржуазность искоренять? Для Шиманова это совершенно закрытая страница. Он жил все время по определенной схеме. Только в тоталитарном режиме идет уничтожение личной инициативы, свободы предпринимательства и всего прочего. Это не достижение режима. Мы видели, к чему это

приводит. Поэтому жалкой выглядит рекомендация Шиманова и его упор на то, что русский народ был спасен от проказы буржуазности. Так ли это? Русский народ все-таки тыщу лет жил при частной собственности. Чем же он особенно отличался от других народов? И промышленность у нас уже развивалась, и торговля шла полным ходом, и с огромной скоростью железные дороги были построены, и металлургия развивалась, и сельское хозяйство. Мукомол получал два процента с оборота. Представляете, какое количество муки он должен был перемолоть, чтобы восемьдесят тысяч в год заработать. Это же труженики могли сделать. А для Шиманова буржуазность — это стричь купоны. Его убогие представления о буржуазности на уровне двадцатых годов, когда Маяковский и вся его компания рисовали зубастых, толстых буржуев с огромной сигарой.

Вопрос злоупотреблений предпринимателей с наибольшей рациональностью разрешается этическим контролем, о котором я все время говорю. Возможно, конечно, и иное решение. Но перед нами набор каких-то безответственных фраз, сложившихся в воспаленном мозгу человека из подполья Достоевского. Но тот человек был умный. Шиманов же прет какие-то странные вещи. От аскетизма нам надо немножко отдохнуть. Одному-двум поколениям надо пожить нормально: пожить немножко так, как жили до катастрофы в нашей стране, когда никто нас не учил, не подгонял, не делал из нас миссионеров, исполнителей миссии.

Шиманов предлагает концепцию, заключающуюся «не столько в обличении режима, сколько в использовании его имманентно-религиозной природы для достижения общенациональных целей» (с. 38). Религиозная природа марксизма представляет собой религию безбожия, религию скрытого сатанизма. Марксисты действительно, как обезьяна Бога, стали обезьяной религии. Это не значит, что это что-то хорошее: они поставили хорошее на службу самого ужасного. Это сатанизм действия. А Шиманов считает, что этот сатанизм действия нам и нужен. Раз режим имманентно-религиозной природы, то его можно поставить на службу достижения общенациональных целей. Но цели режима и населения

диаметрально противоположны. Цель режима — держать население в кабале, а цель населения — освободиться от этой кабалы. У режима — сатанизм, у нас — христианство. Как можно их соединить? Ведь предлагается какое-то совершеннейшее безумие. Для Шиманова советская власть хороша тем, что, с одной стороны, противостоит гнилой западной демократии, то есть искушению, а с другой — мобилизует народ на новый исторический подвиг. Советская власть не может стремиться к коммунизму, потому что понимает, что ничего из этого не получится. Советской власти при этих условиях можно найти оправдание: она была как бы «инструментом Божиим для построения нового христианского мира. Иного оправдания у нее нет».

На эту удочку Шиманов хочет поймать прошедший великолепный отбор класс партийных бюрократов, куда доступ есть только самым жестоким, чудовищным людям. И он хочет их свернуть на христианство. Как? Каким образом? Почему эти отпетые безбожники придут к христианству? Специально были отобраны люди, у которых нет ни совести, ни чести, ни честности — ничего. Эти люди держат в руках всю власть. И вот им говорят: сделайтеся христианами. Это все равно что в лагере в шайку бандитов прийти и сказать: «Знаете, ребята, вы теперь уже хорошие стали. Бросьте все, чем занимаетесь, ножички свои отдайте, пахана своего прогоните. Давайте вкалывать вместе с нами, давайте работать. Все по-хорошему будет, может, поделимся с вами посылками, которые получаем». Это же полное непонимание природы этих людей. И бандиты, и те, кто с ними, — преступники. Природа у них одинаковая. Класс партийных бюрократов и часть угнетателей, которая с ним тесно сплела свою судьбу, перервут глотку любому за свою власть, свои преимущества, свои привилегии, свои богатства. У них же нисколько рука не дрогнет. Как можно делать на них такую дикую ставку? Они окуривают себя своей идеологией: «Кто скажет, что у нас неправильно? У нас все правильно. Были жертвы, Сталин напортил, у Ленина все замечательно было. А в основном ту войну мы выиграли, и новую войну выиграем; да мы ее уже ведем. И без войны мы страну за

страной к себе прибираем. Торжество коммунизма. О его банкротстве нет и речи. Все прекрасно. Когда победим окончательно, коммунизм устроим, а пока нам мешает западное окружение. Безумная опасность сейчас Китай, а главное — Европа». Весь ответ.

Шиманов думает, что он может такой проповедью уговорить население. Волк отпилит себе зубы и начнет травку кушать. Советская власть станет инструментом Божиим. Если советская власть — инструмент Божий, если менять ничего не нужно, если мы внутренне имманентно-религиозные люди, так в чем дело? Подчиняться надо. «Мы делаем свое дело, — скажут угнетатели. — А вы не бунтуйте, не занимайтесь никаким диссидентством, вкалывайте на заводе, выполняйте наши приказы. Согласны? Мы вас не подведем. Если вы говорите, что Бог нас ведет к цели, значит, Бог нас приведет. Что ж мы можем сделать, если сейчас такие? Может, через некоторое время Бог нас изменит, мы сделаемся лучшими, к новому христианству придем». Вот ход их рассуждений, ход их ответов. Добровольная кабала присоединяется к существующему рабству. Это еще хуже, чем Солженицын предлагал. Он хоть не предлагал самим во врагов превращаться. А Шиманов советует людям целиком отдать себя в распоряжение этой банды, рассматривать ее как инструмент Божий, как Божию силу и не сметь не то что бунтовать, а слово против нее сказать. Вот до чего дошло дело.

«Не советской власти нужно приспособиться для этого [для «великого преобразования мира»! — *И. П.*] к народу, а народу приспособиться к советской власти, понять и принять ее в свое сердце, как нашу родную власть, «которая от Бога». Ибо только приняв ее и растворив ее в себе, может народ сделать ее подлинно народной» (с. 39). Итак, по Шиманову, выступать против власти — значит идти против Бога. Нет, подчиняться такой власти — это идти против Бога; не бороться с ней — это пренебрегать волей и учением Божиим.

Дай Бог, конечно, наладиться этим вновь образовавшимся христианам, но они не те христиане, которых с детских лет приучили к христианству. Мы тоже плохонькие христиане, но получили какое-то воспитание в

детстве. Мы ходили в церковь, учили закон Божий, немного из катехизиса кое-кто успел узнать, дома что-то рассказали, среда, товарищи. Какое-то было все-таки силовое поле, которое помогало человеку жить. В наших головах и душах создавался христианский мир: в них заронился ряд требований, заповедей, определенных понятий о грехе, о недопустимости дурных дел и желательности добрых дел.

Несчастные безбожники, которых с детских лет изуродовали, пришли к христианству годам к тридцати, в большинстве случаев через его книжное восприятие. Дай Бог, если они хорошего священника встретят. Но много ли таковой им расскажет? Повидал он их в этих условиях несколько раз, окрестил, и на том спасибо. Наш брат грамотей на книжки налегает, где-то их достает, что-то читает. Вот и Шиманов. Он, конечно, подкованный человек и прочел у апостола Павла, что всякая власть от Бога. Застряло это в его голове. Все, значит, заотсечено. В нужный момент он к цитате прибегает и старается ею обосновать свою линию. Но в каких условиях было сказано «всякая власть от Бога»? Это была Римская империя, хоть и языческая, но не сатанинская. Были законы, правила. Власть была очень передовая для тех времен, но не шутила, требовала закон выполнять. Если что, тебя могли в тюрьму посадить и на кресте распять. Это все было. Но зато и порядок был. Каждому человеку и христианину было ясно, что порядок должны блюсти служители власти, которые меч имеют. Не зря он им был дан, а для того, чтобы в стране, в империи был порядок, мир. Дороги были тогда великолепные. Второй, третий век — золотой век того времени, как тогда говорили. И такую власть надо признать от Бога, даже если она и казнит людей и есть злоупотребления. Другое дело Нерон, Диоклетиан — страшные гонители христиан. С нашей точки зрения, это уже власть не от Бога. Чего же гнать людей, своих же подданных, которые преступлений не совершают, выполняют свои гражданские обязанности, платят подати, но отказываются есть идоложертвенное мясо? Господи, что ж тут за преступление? Апостол Павел был шире нас; он считал, что власти защищают свою, пусть

неверную, точку зрения, но, во всяком случае, думают, что благу служат; не дьяволу они поклоняются, не силам зла, не капищу Молоха. Апостол Павел имел в виду настоящую власть, человеческую, не дьявольскую. Поэтому, может, формулу «власть от Бога» распространяли даже на Нерона. Но ведь советский режим и Нерон — не одно и то же. Нерон сделал один раз пожар, распорядился расправиться с христианами, а в СССР методически в течение шестидесяти лет уничтожают христиан, веру и делают черт знает что. Совершенно дьявольская вещь! И делается это с дьявольским расчетом, не для того, чтобы какое-то благоденствие установить, а наоборот, чтобы покончить с семьей, разрушить ее, хорошие отношения людей, сделать их винтиками, рабами своей машины. Поэтому в этом случае слова Апостола Павла неприменимы. Они для нормальной власти, а эта власть дьявольская.

Итак, Шиманов считает, что надо принять советскую власть, растворить ее в себе. Принять власть марксистскую, безбожную, созданную, чтобы угнетать население! Зачем же население должно принимать власть, которая является его врагом? Как это сделать, даже если это было бы возможно? Ведь у Шиманова двойная задача: надо власть растворить и потом ее как-то преобразовать. Должна быть какая-то промежуточная точка. До этой точки власть исповедует марксизм, дальше она начинает исповедовать православие. Может, этой точки нет, и переход какой-то постепенный, но, какой бы этот переход ни был, постепенный или внезапный (причем постепенный еще опасней), он расшатает эту систему. Вся эта система, все ее шупальцы, партия, которая и так без особой охоты сейчас действует, начнут расползаться.

Но если идеология исчезнет и начнут говорить о каком-то православии, к которому никто не приучен, то люди, а они почти все безбожники, будут пожимать плечами. Никогда эта власть не примет предложение Шиманова. Для власти оно связано с ее расшатыванием, с ее ослаблением и даже с ее устранением. А для народа предложение Шиманова неприемлемо, потому что, если власть и согласилась бы его принять, люди должны были бы стать рабами, внутренними рабами.

Если Солженицын предлагал режиму просто избавиться от этой идеологии и не брать ничего взамен, то здесь совсем наоборот. Здесь не только надо выбросить эту идеологию, но заменить ее на православие.

Власть может принять предложение Шиманова в целях очередного обмана населения. Если население клюнуло бы на него, если власть имущие видели бы, что это предложение может иметь массовый успех, может как-то укрепить их положение, то почему не обмануть население лишний раз? Я уже говорил о схеме власть — народ. Режим мог бы отнестись к этому плану благосклонно в качестве своего маневра и не мешать таким господам, как Шиманов, проводить в какой-то умеренной степени их пропаганду. Но в очень малой степени, под большим контролем, против которого Шиманов не возражает.

Чудовишна в предложении Шиманова его внутренняя часть. Как могут православные люди, люди верующие, принять в своем сердце безбожную власть, которая утопает в крови преступлений и ни на минуту их не останавливает? У Шиманова расчет на каких-то чудовищ. В Советском Союзе есть такие, условно говоря, христиане-чудовища, которые не прочь с другими чудовищами побрататься, и их не удерживают ни разница взглядов, ни то, что те сатанисты, а они вроде как христиане. Допустим даже, что власть приняла православие. Но что это за православие, которое существует за счет всемирного подавления народа, лишения его всех свобод?

Что ж это за христианство? Ведь христианство говорит: где Бог, там свобода. Христианство старается стремиться к свободе. Правда, к настоящей, высокой свободе, а не к низким ее проявлениям. Не в духе христианства устроить из страны тюрьму, из народа — каких-то заключенных.

Если остается советская власть, то природа ее остается той же самой. Вот Шиманов и говорит, что должна остаться партия и проникать во все клеточки жизни. Остаться должна советская власть, какой мы ее знаем, какая она есть уже шестьдесят лет, но только ее идеология сменена. Нет больше идеологии марксизма, а

есть идеология христианства. Кому же такой маскарад нужен? Какое же это христианство? Если эти новые православные иногда даже будут ходить в церковь, так это же надругательство над религией. Хуже сатанизма. Сатанизм откровенно против Бога. Что сатанисты у себя делают, мы не знаем; может, действительно часть сатанистов служит какие-то культы Сатане. Но если существующий коммунистический режим станет легальной православной властью, то это будет надругательством над христианством.

Шиманов против «жидо-масонской программы» академика Сахарова, против космополитического диссидентства. Даже Солженицын ему не подходит; он считает его перерядившимся в патриота и националиста либералом. Приведенные оценки Шиманова ниже всякой критики. Для нас важно, что диссидентов он ненавидит за их стремление все-таки какую-то свободу установить. Шиманову свобода не нужна совершенно. Он стремится к идеократическому государству.

Солженицын говорит, что нужно освободиться от идеологии. Шиманов считает, что ни в коем случае нельзя это делать, что государство без идеологии пропадет. «Марксистская идеология [...] является основой нашего Государства [...] надо заботиться не о том, чтобы марксизм был механически отброшен, а о том, чтобы он был трансформирован самой жизнью и [...] изжит»(с. 40).

Господи, его уже изживают шестьдесят лет! Как вы его изживете, когда вам вколачивают его с трех-четырехлетнего возраста. Для себя вы его изжили. Он для вас умер, подох, стал источником анекдотов. Но этот мертвец продолжает служить исправно режиму. Режим за свою идеологию прячется. И продавшейся части населения марксизм тоже служит, он как-то оправдывает ее подлость, облегчает ей жизнь. Зачем же его отбрасывать? Режим связан с марксистской идеологией. Какой режим, такая и идеология. Если сменится идеология, то такой режим не нужен.

Допустим, что произошло чудо: все коммунисты (среди них есть, конечно, хорошие люди, но мы сейчас говорим о тех, от кого зависят судьбы страны) решили

искренне перейти в православие. Им все осточертело. Какое-то прозрение у них; какой-то среди них нашелся оракул, который их убедил. Хорошо, они перешли в православие. Зачем им тогда иметь КГБ, страшную партийную систему, все ее щупальца, всех доносчиков? Какой тогда в этом смысл? Вся карательная система должна быть тогда в нормальных рамках любого государства. Конечно, без какого-то принуждения не обойдешься, всюду есть полиция, но это не значит, что она проникает во все поры. Но Шиманов ведь говорит, что ни в коем случае нельзя, чтобы власть отказалась от идеологии, иначе останется покончить с собой. Значит, надо продолжать всем ее внушать, вдохнуть во все клетки жизни. Как накачивали марксизмом, так будут накачивать шимановским христианством. От такого христианства люди взвоют и станут его незнамо как ненавидеть. Разве можно такими методами в конце двадцатого века действовать? Уже был опыт в истории, когда хотели грешников насильно в Царствие Небесное вводить. Самая мрачная сторона Церкви и самая большая ее ошибка. Так как же можно такое предлагать сделать в масштабе больше двухсот пятидесяти миллионов человек? Как же можно предлагать загонять людей в Царствие Божие с помощью КГБ, доносчиков, тюрем? Что-то совершенно несусветное.

Идеология Шиманова должна стать органическим «соединением Нила Сорского и Ленина», смесью православия с ленинизмом. Будущее государство у него к тому же должно остаться идеократическим, то есть иметь одну, монопольную, исключаящую какое-либо инакомыслие идеологию. Тут уж совсем фантазмагория. Еще можно понять кое-как существование в этом режиме христианства, которое, как теперь говорят, взяли на вооружение, чтобы таким образом держаться за власть. Но Шиманов еще дальше пошел и заблудился еще больше. Он хочет придумать сплав из ленинизма и православного христианства. Это уже диавольщина пошла. Но может, он совершенно не разбирается в этих вопросах? Верней всего, что так. Соединить идеологию величайшего преступника, самого крайнего аморалиста, которого знал мир, с христианством, благородным велико-

лепным учением, — такое выдумать можно только в пьяном бреду. Нет, диавол несоединим с Богом, и дьявольские средства несоединимы с Божественными средствами. Из этого никогда ничего не получится. Попытки были, но кончались провалом. Робеспьер для своего террора не прибегал к христианскому Богу, но использовал то, что за него придумали, — деизм, признающий бога разума. Это еще кое-как на что-то было похоже. Но эта доктрина погибла немедленно после того, как убили Робеспьера.

«[...] утвердить верноподданническую атмосферу» по отношению к режиму «как единственно возможную для православно-русских патриотов» (с. 42.). Предлагается полное рабство, и телесное, и духовное. Власть должна быть «орудием преобразования мира». Государство должно мобилизовать и подчинить себе не только все действия, но и все помыслы, все самые интимные отправления своих подданных. Следовательно, оно должно быть способно «к тотальному контролю» над населением. Для всего этого Шиманову нужно государство, во главе которого стоит партия, охватывающая «весь общественный организм до мельчайшей его клеточки» (с. 43). Итак, русские должны быть невиданными еще рабами тоталитарного государства, рабами и телом, и душой, и умом. Такое состояние обретается в Китае с помощью насильственной идеологии. Там вопрос ставится так: или тебя уничтожат, или ты будешь делать вид, что согласен с этой идеологией, что она тебе очень нравится. Ты даешь представление, театральное представление, удобное для режима. Но зачем же все это делать христианину? Это ведь опять соединение несоединимого. Зачем же христианину лезть в такую петлю? Зачем ему отдавать свое первородство, свою свободу, которая рождается благодаря бессмертной душе и служению Богу? Зачем ему свою бессмертную душу пакостить и превращать себя в раба? Бессмертная душа и добровольное рабство несовместимы. Они еще совместимы, когда тебя сделали рабом. В этом безвыходном положении, когда ты ничего не можешь делать, появляется все же внутренняя свобода. А тут о внутренней свободе не идет речь, если все должно быть добровольно отдано на слу-

жение этому милому государству, если ты сам себя в рабство должен вовлекать.

Понятно, почему Шиманов гнет в сторону власти в теме, за которую взялся. В нем все время срабатывает механизм приспособления. Он все время хочет показать, что не враг режима, что он за режим, чтобы ему не всунули пятак в зубы да трояк по рогам¹²¹. Шиманова понять можно как человека, который в режиме прожил десятки лет. Но посоветуем ему понять других, тех, которые хотят из этого режима выскочить, порвать с ним или, уж во всяком случае, не превращаться в палачей самих себя, своих близких, всего народа, а соблюдать хоть в малой мере свое достоинство и как-то отгораживаться от всей этой скверны. Как же он за них решает и почему они должны остаться в том же самом бедственном положении, навсегда расстаться с надеждой на свободу и какое-то человеческое положение, с надеждой на исправление своей жизни путем борьбы за свои права? В плане, выдвигаемом Шимановым, право борьбы отнято. У него должны быть люди, которые не могут бороться ни за какие свои интересы, ни за какие свои желания. Где же он найдет таких? Это могут быть только какие-то сломленные типы. Правильно говорит Янов, что Бог у него вытеснен государством. Человеческая личность в христианском смысле обладает правом выбора. У человека свободная воля. Он обязан свою бессмертную душу спасти, Царствия Божия на земле в какой-то мере добиваться. При принятии предложения Шиманова все это невозможно. Христианин перестает быть христианином. Христианин превращается в безответственного робота, который все делает — любые преступления, любую грязную работу. И взамен не получает ни удовлетворения, ничего, за исключением того, что он должен еще славословить это государство и считать, что все замечательно. Таким образом, Шиманов совершил какую-то чудовищную подмену: марксистскую схему наполнил христианством.

¹²¹ Пять или три года поражения в правах после освобождения из лагеря.

Шиманов считает, что «национальные организмы должны быть [...] непроницаемыми друг для друга. [...] Советский Союз — это [...] мистический организм» (с. 45). Все это опять для того, чтобы всячески защитить право на существование Советского Союза, всей этой огромной полицейской державы, проникнутой ЧК и всеми ее нравами. И якобы в этой державе произойдет изменение в идеологии.

Шиманов принадлежит к диссидентской правой, по выражению Янова, сформулировавшего ее постулаты. Первый постулат: отказ от истинного христианства, что делает цивилизацию бессильной. Так оно и есть. Янов прав.

Второй постулат: ядром и оплотом секулярного человечества является буржуазный Запад, который, по Солженицыну, оказывается «на оползнях, в немощи воли, в темноте о будущем, с раздерганной и сниженной душой», «в политическом кризисе и духовной растерянности». Эта характеристика Солженицына довольно близка к действительности.

Третий постулат: русский народ в силу бедствий, которые на него навалились, способен освободить себя, а потом и все христианское человечество от смертельной язвы буржуазной секулярности и так называемой «желтой опасности». Но почему надо спасать от буржуазной опасности? В «Обществе Независимых» я показываю, что этой опасности нет. Кому нравится быть богатым, пускай будет богатым, кто хочет быть среднего достатка, будет среднего достатка, а тот, кому вообще на достаток наплевать, будет просто хорошо обеспечен по жизнь. Так что это вопрос вчерашнего дня. А на сегодняшний день он в основном для нищих стран, которые надо быстро обустроить, одеть, научить работать и поставить в человеческие условия. Не такое уж достижение это понимать. Но болтовня о буржуазной опасности из одной книги в другую переходит и говорит об отсталости тех, кто так мыслит, об их незнании требований людей.

Четвертый постулат: агентом Запада в России является тонкий слой интеллигенции, «образованщины», как ее называет Солженицын, «цивилизованных дикарей», по Шиманову, «сионских мудрецов», как скажет, веро-

ятно, его преемник. Это слой носителей «лжи» (или чуждой народу идеологии). В пестром составе советской интеллигенции мы можем найти себе и союзников и врагов. Основные враги — это те, кто придерживается марксистских взглядов и проповедует безбожие. С рядом других можно договориться. Сегодня он «образованщина», а завтра — герой на баррикадах. В советских условиях надо уметь быть хорошим конспиратором, не выдающим людей, надежным человеком, иметь качества борца. Когда у человека хорошие действия, то и к хорошим взглядам он скорей приходит.

Пятый постулат: политические режимы несущественны для обретения внутренней свободы. Солженицын говорит, что «государственная система, существующая у нас, не тем страшна, что она недемократична, авторитарна... — в таких условиях человек еще может жить без вреда для своей духовной сущности». Он ее противопоставляет западному миру, демократии. И Солженицын, и Шиманов отдают предпочтение именно авторитарной системе. «Авторитарный» — понятие растяжимое. Авторитарным был хороший царский строй, самодержавие. А строй в СССР не авторитарный, а тоталитарный. Это совсем другое дело. Авторитарному строю можно отдать предпочтение перед демократией. Но неверно отдать предпочтение тоталитарному строю перед демократией, автократией, аристократией. Это значит предавать подсоветские народы, отдавать их действительно на растерзание чудовищам, вампирам.

Неверна и ставка на внутреннюю свободу, не зависящую от режима. Одной внутренней свободой невозможно жить. Внутренняя свобода — для людей избранных. Нельзя для нее дать общее правило: один с внутренней свободой справляется, а другому вместо внутренней свободы захочется внешней свободы, без которой начинается сумасшествие, пьянство и тому подобное. То, что хорошо, скажем, для Солженицына или Шиманова, совершенно недостаточно для человека, который просто хочет жить, зарабатывать деньги и тратить их по своему усмотрению. Для него важна его маленькая нормальная свобода, и нельзя его ее лишать. И от лукавого все эти разговоры о внутренней свободе.

По Шиманову, внутренняя свобода не зависит от режима. Зачем же тогда нужен весь этот тотальный контроль над каждым твоим шагом, твоими мыслями? Если есть внутренняя свобода, спрячь голову под подушку, и ты свободен. Надо бы Шиманову отвечать за свои слова и предложения. Какая же это внутренняя свобода? В чем она проявляется? Следуя установке Шиманова, с одной стороны, ты будешь и мыслями, и словами, и действиями согласен с режимом, а с другой стороны, в душе будешь проклинать этот режим. И внутренняя свобода будет в том, что будешь говорить сам себе: «Все это ерунда, я несчастный человек, я вынужден, но внутренне я все это осуждаю, понимаю, что это плохо». Какая же это внутренняя свобода? Для чего она нужна такому рабу? У этого раба нет внутренней свободы. У него нет ни наружной, ни внутренней свободы. Все его помыслы принадлежат государству, осуществляющему тотальный контроль. А раз он считает, что это государство от Бога, значит, оно для него является выразителем Божьим. При таком положении какая же может быть внутренняя свобода? Ведь она должна быть связана со всеми этими переживаниями. И следовательно, если внутренняя свобода противоречит этим переживаниям, то все действия человека ложные. Он, оказывается, лукавый раб, который не признает этой власти, а просто делает вид. Да, это модель того, что мы имеем в Советском Союзе. Как же можно такое гадство преподносить как истинное христианство и как модель для всего мира, и вдобавок говорить, что русский народ был создан для того, чтобы эту омерзительную модель внедрять на земном шаре?

Получается у Шиманова, что бедное население должно питать верноподданнические чувства к жирным кабанам, которые обжираются за своими закрытыми заборами. В добавление к шимановской линии — заповеди Солженицына: не лгать, раскаиваться, самоограничиваться. Этот режим держится на сплошной лжи. А Солженицын предлагает народу не лгать, то есть провести еще полное духовное разоружение. В твоей душе будут хозяйничать как им угодно всякие приказчики этого режима. Должно стать на колени уже окончательно,

превратиться в сознательных рабов. Надо все-таки какие-то границы ставить в своих предложениях и домыслах.

Спрашивается: для чего же все это нужно? Ну хорошо, все вышло по Шиманову и Солженицыну. Народ питает верноподданнические чувства к правящему классу, класс ведет ту же самую свою линию для порабощения всех остальных стран. И выходит, что наш народ является сознательным участником всех этих преступлений режима, равноправным преступником. Какая же цель у Шиманова? Для чего ему все это нужно? И при чем здесь православие? Не связаны концы с концами у Шиманова совершенно.

Тотальный контроль над населением (с. 42), в сущности говоря, представляет собой большее надругательство над народом, чем шигалевщина. В схеме Шигалева не должно быть талантов, всех нужно сравнивать. А у Шиманова остается тотальный контроль над населением — советский режим с КГБ, дружинниками, КПСС, комсомолом, стукачами, и к этому еще прибавляется христианство. Зачем при христианстве тотальный контроль? Он необходим для режима, который основан на лжи и насилии. Но для христианства, которое всегда приводит к свободе, к освобождению, это совершенно чужеродное занятие. Если Шигалев был логичен в своих построениях, то Шиманов предлагает какое-то искусственное смешение, искусственное соединение несоединимых частей только для того, чтобы как-то оправдать свое отношение к режиму и вместе с тем сделать вид, что это путь развития русского народа. Одним словом, занимается самообманом, который приводит всегда к самым печальным последствиям.

Зачем вообще нужен тотальный контроль над населением? Нужен этический контроль над государством, а населению совершенно достаточно выработанных веками и традициями условий, в которых оно живет. В душу каждого человека, в каждую семью лезть совершенно не требуется. А вот если преступление совершается, то этим надо заниматься. Так было во всех хороших общественных устройствах, так и должно быть. Додумать до того, чтобы устраивать повальный и тотальный

шпионаж, можно, только когда человек уже родился в этой системе и ничего другого не видел. Тогда у него весь свет в эту копеечку выходит.

Как осмеливается Шиманов говорить о каком-то истинном христианстве? Он не считает истинным нынешнее христианство с его недостатками, которые связаны с человеческими недостатками. Истинным христианством будет смесь марксизма, советской власти, КГБ, христианства типа, скорей всего, Московской патриархии. Не имеет он представления о христианстве совершенно, если для него оно то же самое, что марксизм. Надо лишь подновить, изменить марксистские лозунги, и будет новое христианство по Шиманову. Если ты что-то смыслишь в христианстве, то следует задать себе вопрос: угодно это Богу или нет. Надо спросить себя, может ли Дух Святой дать свое благословение на этот домысел неумного человека. В том, что нагородил Шиманов, нет никакого светлого проблеска, никакой светлой мысли. Это топтание человека в каком-то ограниченном пространстве. Он знает режим и не знает христианства. Вот и вообразил, что христианство выиграет, станет истинным, если его будут нести с помощью КГБ.

И этот человек является мыслителем и выразителем какой-то части диссидентов. Да избави нас, Боже, от таких диссидентов!

* * *

В. Турчин¹²⁵ погружен в кибернетику; она для него венец творения. Он все меряет с позиций кибернетики и возвеличивает человека, но не его дух, а, пожалуй, его ум.

В средние века какой-нибудь неизвестный монах, прежде чем изобразить божественную картину, написать икону, молился, постился, относился к своей миссии как к какому-то великому подвигу. Наконец, писал картину и даже не подписывал ее своей рукой, своим име-

¹²⁵ В. Турчин. Инерция страха. — Нью-Йорк, изд. Хроника, 1977.

нем. Таков был подход к духовному. Другой подход к своему творению, теперь особенно модный, увековечил Зиновьев в своих «Зияющих высотах». Он выражен подлым чевенгуровско-зиновьевским языком, на котором разговаривает передовая советская интеллигенция, образованная в некоем кибернетическом смысле: все у нее упирается в разучивание, а душа где-то на задворках.

В значительной мере для меня подход автора к предмету своего творчества — критерий его понимания духовного. Поэтому с самого начала я получил какой-то заряд протivления «Инерции страха», где не Бог и не дух человека управляют им, а машинно-разумные комбинации, где человек — пристяжка к машине. Не Бог, не человек решает вопросы. Все решается научнообразными умозрительными кибернетическими заключениями. И в этом страшная порочность. Если ты на таком чевенгуровско-зиновьевском языке разговариваешь, то надо сказать тебе прямо: «Молодой человек или старый человек, возьми пока назад свои работы; если в Бога не веришь, то во главу угла возьми хотя бы дух человеческий; переделай свою вещь, тогда и публикуй ее; не спеши. Ты сумел хорошее уцепить — прекрасно, но подано оно должно быть под другим углом зрения». Что-то античеловеческое в подаче материала, где все насквозь пропитано марксизмом, где автор не может избавиться от бесконечных ссылок на Маркса.

Идеал Турчина — кибернетическая машина. Она у него наделена всеми совершенствами, которые у нее уже есть и еще будут. Но он забывает одну вещь: все эти высокие совершенства, виртуозные способности, а именно логика, память, быстрота, накопительная способность, взяты с человека. Коль Турчин восхищается этими качествами у машины, то прежде всего должен восхищаться этими качествами у человека. В машину они пришли от человека. Эта машина создана в течение трех десятилетий. До этих пор таких машин не было. Вся человеческая культура, цивилизация сделана человеком при помощи Божественных откровений. А когда читаешь книгу Турчина, то может создаться впечатление, что история началась с того момента, когда появились кибернетические машины, которыми и надо все

измерять. Но кибернетическая машина очень слабый еще измеритель человека. Кое в чем она проявляет свои виртуозные способности, но все-таки машина — это груда электрических и механических деталей, ничего больше. А получается так, что Турчин по элементам машинных комбинаций и записей измеряет и социализм, и человека. К этому вернусь.

Когда читаешь такую книгу, лишний раз убеждаешься, что наука должна быть поставлена под контроль этических сил. Иначе турчины черт те что наломают. Турчин просидел штаны на физике, и ему кажется, что если он знает ее и кибернетику, то знает все. С необычайной легкостью судит он о величайших человеческих ценностях и достижениях. Уши вянут от того, что он говорит. Он — кабинетный ученый; жизни, конечно, не знает. Может, в своей области он многого достиг, но то, что он предлагает для человеческого общества, — слабо, непродуманно и поверхностно. Машины и физика у него вытесняют живого человека. Это вообще-то свойственно философу, забывающему о человеке, когда он путешествует в метафизических высотах. Теперь вместо метафизики появилась новая метафизика — кибернетика; очень удобно. Турчин говорит на языке кибернетики страшно умные вещи, и люди должны смотреть ему в рот и верить. Но для человека важно, как мыслитель справляется с такими вопросами, как праведность, подвиг, честность, умение пожертвовать собой ради ближних. Иначе мы знаем, к чему это приводит. Эти добродетели даются обществом для возможности человеческого и сверхчеловеческого существования. Если они есть, то к ним легко можно пристегнуть кибернетику. А если их нет, если о них забывают и говорят только об иерархии в машинном смысле, то жди беды, очередной беды.

Я рассматриваю Турчина как одного из персонажей Зиновьева, разносчика бедствий. Турчин опирается на социализм с марксизмом. В своей критике Маркса он почти полностью принимает марксистский социализм. Какие-то оговорочки, экивоки он допускает, но стоит он на социализме и ссылается не на Священное писание, а на Маркса. Или он на него ссылается, или

он от него отталкивается, но налицо марксистская кухня, марксистское мышление.

В связи с этим я вспоминаю, как моя дорогая Бася¹²³, которой мама поручила мое воспитание, на сон грядущий мне что-то читала, по-моему, из Джека Лондона. И там какой-то вроде неплохой человек, хозяин, мистер, делает выговор своей секретарше или своему подчиненному и говорит: «Знаете, я вас увольняю, вы мне не подходите». И она расплакалась. Я говорю: «Басенька, что ты, милая, плачешь?» А она мне: «Ну как же можно быть таким жестоким? За что ж он его уволил?» Она всю жизнь была в услужении в домах, она — маленький чаплинский чудесный человек, воспроизведение христианской культуры. И на нее очень сильно подействовало, как хозяин выговор сделал, как он ни за что ни про что уволил человека, который, по ее мнению, не заслуживал этой меры. Она очень четко, ясно это поняла, потому что всю жизнь находилась в положении этого человека.

Кибернетика, иерархия и какие-то псевдонаучные термины — всем этим начинают забивать людям голову. Этих учителей ничего не касается; человеческие отношения, слезы, обиды — все это ерунда. Но это же бедствие. Этому конца не будет. Был Гегель; наделал черт знает что своими курбетами и метафизикой. На ее основании Маркс построил свою людоедскую систему. Теперь как из одной реки тыща ручьев. Каждый берет что-то от Маркса и что-то из кибернетики и начинает нас угощать. Нет, такого благодеяния нам не нужно. Впечатление, что ты имеешь дело с какими-то нравственными кастратами: чего-то у них нет, что-то у них вырезали. О религии они не имеют никакого представления. Хорошо, мы знаем, как этих людей воспитывали. Для нас картина совершенно ясная.

Годам к тридцати такой человек на вершинах московской жизни, несколько книжек прочел: наверное, Бердяева, может, Евангелие в руках подержал. Всё. И он с таким пренебрежением дает окончательное сужде-

¹²³ Надежда Михайловна Хлопова — гувернантка Д. Панина.

ние, как будто речь идет о лишней книге по кибернетике, которую он прочел и которая не особенно удачно, по его мнению, написана: религия устарела, никто сейчас религией заниматься не может, сейчас нужен другой подход. И он видит свой социализм как религию. Дальше об этом скажу подробнее.

Надо все-таки иметь религиозный опыт, знать, что такое религия, не по какой-то прочитанной книжонке. Тогда можно говорить о том, будет ли социализм Турчина религией или в лучшем случае какой-нибудь омерзительной сектой. Страна пережила такой ужас, как ленинизм и сталинизм, где как раз была религия, социализм как религия. Чего еще придумывать? Был земной бог — товарищ Сталин усатый. Большой религии не придумаешь. Так нет, Турчин и это пропустил мимо ушей. Какая-то у него особенная религия. Но какая? Сказать о ней трудно, но можно напустить туману.

Сейчас для людей науки во всем мире, для больших и маленьких ученых, считается обязательным количество их работ. Куда бы человек ни поступал, какую бы заявку, описывая свои достижения, ни делал, все измеряется числом работ. Бог их знает, какие у него работы, но главное их список, сорок научных трудов, и чтобы они были напечатаны, конечно, в хороших журналах. Это уже требование серьезное. Число работ в какой-то мере начинает заменять качество ученого. Во всяком случае, качество мыслителя оно явно заменяет. Ученый может написать много работ, если он преподает в хорошей школе или институте и у него хорошие отношения с начальством. Тогда механически, год за годом он выдает по одной хорошей, приличной работе. Особенных достижений в этом нет.

В данном случае нормально, что число работ, которые сделал Турчин, находится в полном соответствии с его хорошими умственными способностями. Он — человек умный. Он дает верное определение тоталитаризма, правильно говорит, что режим не может поддаться либерализации, что, наоборот, укрепляется его тоталитарная сущность. Отдадим ему должное. Я буду напоминать те случаи, когда он правильно говорит, хотя моя цель не доказательство его достоинств — я не отрицаю

их с самого начала, — а доказательство его ошибки и вреда, который она может принести. Если он умный человек, то, возможно, через десяток лет упорной работы напишет о каком-то социализме и предложит, отказавшись от этого названия, какую-нибудь систему, которая переживет остальные. Дай Бог!

У Турчина отношение к большим проблемам в разрезе тех многочисленных работ, которые он и его собратья писали по кибернетике. Возможно, он думал так: «Если я свою статью пишу за десяток-два вечеров, то могу и книгу об обществе, о социализме написать». Но из его книги, о которой идет речь, следует, что с основным материалом он не справился: он не знает ни общества, ни жизни, ни религии, да и сам социализм знает книжно через призму Маркса и других людей, кто имеет с марксистской теорией дело. Этого мало. Нужен глобальный, всесторонний подход к вопросу, который рассматривает Турчин, и надо быть жизнью подготовленным человеком, имеющим большой опыт, положительный и отрицательный, чтобы дать на него ответ.

Турчин нас оглушивает термином «эволюция», «эволюционная теория». Две сотни лет твердили насчет прогресса. Сейчас начинают бить отбой, потому что видят, что в одном направлении прогресс, а в других случаях полный регресс. Дошла и до любителей прогресса мысль: что прогресс должен быть не односторонним, прогресс должен быть не только в технике и он не только в том, чтобы на Венеру пускать спутники, а самим опускаться на дно преисподней.

Словом «прогресс» Турчин не манипулирует, он заменил его словом «эволюция». Так же как он дал правильное определение тоталитаризма, так и надо бы дать определение эволюции. Ему как физику это обязательно надо было сделать. Однако непонятно, стоит ли он на марксистско-дарвиновских позициях в отношении эволюции. В этом случае вся его концепция безжизненная и ложная. Если он рассматривал бы эволюцию как творческую эволюцию, в чем я сильно сомневаюсь, он ее не употреблял бы в первом смысле.

В противовес Зиновьеву Турчин считает, что режим и образ мышления навязаны насильно, с помощью тер-

рора (с. 22). Не буду останавливаться на других его правильных высказываниях, но любопытно, что даже в них он из марксистских пеленок не вылезает. Если речь идет о благородстве, о нравственности, то обязательно он это связывает с выплавкой чугуна. Правда, он говорит, что можно иметь много чугуна, но иметь подлое общество, и это уже шаг вперед. Но даже по этим оценкам видно, что человек еще в пути, не разобрался и не освободился от всего груза, всякой дребедени, которые были ему преподнесены за те годы, что он работал как подсоветский человек.

Теперешний «советский человек принимает тоталитаризм добровольно и сознательно» (с. 37). При этом Турчин делает правильный вывод, что нужны идеи, которые воздействуют на сознание людей. Бесспорно, нужны идеи, разоблачения, новые концепции, нужно вооружить людей. Но неверно, что люди сознательно и добровольно держатся за эту власть. Если не было бы террора и люди сидели бы под этой властью, можно было бы сделать вывод об их добровольном и сознательном отношении к режиму. Но при том жутком терроре, при том положении, когда люди целиком находятся в руках государства, говорить о добровольности, сознательности, каком-то подчинении, довольстве — это идти по стопам Зиновьева. Это все равно что говорить, что пар сознательно и добровольно находится в котле. Он там находится, потому что все клапаны закрыты. Откройте клапан, и из этого клапана пойдет садить пар. Так и в этом случае: люди сидят в этом режиме, потому что они в закрытом пространстве и никуда выхода не могут найти.

Турчин говорит о какой-то вере в теорию. Советские люди будто бы в практике жизни разобрались хорошо, но находятся под гипнозом каких-то крупных научных и философских представлений, как, например, о материи, диалектике. Если у кого-нибудь они в голове остались, то у партработников и научных людей, которых с детства наспиговывают политграмотой, и продолжается это всю их жизнь; всякие минимумы они сдают, чтобы от одной ученой степени к другой перейти. Но у массы рабочих, заводских людей, крестьян вся эта премудрость

остается только как насмешка над ней самой. Да никто и не помнит саму премудрость, столько пародий и пошлостей о ней было говорено. Но у Турчина: «Ну что ж, это ничего. Если у марксизма есть прорехи, то ведь нет полностью формализованных теорий; в любой физической теории и то можно найти прорехи». Если так, то марксизм получает право на существование. Однако он потерпел полный провал, заменив в своем доказательстве материю идеей¹²⁴. Не о полноте охвата теории идет речь. В марксизме обнаружены грубейшие ошибки, порочность его положений, необоснованность всех его претензий, и верить в эту теорию, проповедовать ее — значит заниматься шарлатанством.

Турчин так рассуждает, потому что марксизм не был подвергнут убийственной критике, которую он заслуживает. В Советском Союзе за это тюрьма; Запад прогнил настолько, что многие люди там в марксизм верят, и тоже не разойдешься. Моя работа «Постулаты марксизма и законы природы» камня на камне в марксизме не оставляет, но напечатана она по-французски в нашем маленьком журнальчике и по-английски в канадском университетском издании¹²⁵, а на всю Францию, на весь мир невозможно сказать правду о марксизме. Все же я не перестаю призывать Запад поднять на смех эту теорию и разрушить ее в сознании людей.

Турчин говорит о четырех уровнях, на которых идеология держится. На низшем уровне текущей политики, истории КПСС люди разобрались в этой идеологии, никто в нее не верит, над ней смеются. Ее критикуют на низших этажах, но это не страшно. Но на уровне философии, экономики, на социальном уровне — ничего не поделаешь. Люди верят в марксизм, и в этом их сила. Важно, что верхние этажи недосыгаемы.

¹²⁴ Д. Панин доказывает, что марксистская материя представляет собой философскую категорию для обозначения объективной реальности. См. главу «Является ли марксизм материализмом?» в «Теории густот».

¹²⁵ На русском языке «Постулаты марксизма и законы природы» были опубликованы уже после смерти Д. Панина в его «Теории густот».

Но для кого они недостижимы? Только для людей, которые судят о марксизме по лживой информации, которая распространяется в СССР. Это надо бы знать Турчину.

По мнению Турчина, только верующие люди «отвергают марксистско-ленинскую идеологию целиком». Их всего тридцать два миллиона человек, по официальной статистике семьдесят четвертого года (с. 48). Турчин — член партии; наверное, с ним никто откровенно не хотел разговаривать. И судит он о народе на основании зиновьевских разговоров с себе подобными людьми. Христианство для него — догматическая устаревшая система. Ему кажется, что для того, чтобы принять христианство, надо над собой совершить какое-то насилие. Положительный идеал, а он подводит под него все христианство, представляется ему чем-то устаревшим и ненаучным. Турчин согласен рассматривать с марксистами духовную жизнь как форму движения материи. Это на уровне школьного диамата и доказывает, что он совсем не разобрался ни в том, что такое материя у марксистов, ни в том, что такое движение. Все же он не согласен, что бытие определяет сознание.

К кибернетике у него подход тоже чисто марксистский. Все построено на материальных механизмах: обратная связь, моделирование, мозг. Системой S+ Турчин называет систему более высокую, чем остальные системы, из которых она образовалась, и могущую ими руководить. Переход от системы упрощенной к более сложной метасистеме он называет метасистемным переходом и рассматривает его как квант эволюции (с. 54). Далее он объясняет свой взгляд на эволюцию (с. 55), чьим механизмом у него является естественный отбор. Природа при этом работает по методу проб и ошибок. О творческих мутациях он представления не имеет. Видимо, у него переход к S+, к более сложной системе, происходит сам собой. Из одной клетки возникли многоклеточные; животных, человека у него нет; развитие происходит само собой. Чисто марксистский взгляд.

«... не будем отрицать, что у человека есть душа» (с. 57). Здесь он все-таки ушел вперед. Правда, он считает, как я уже сказал, что в основе природы лежит метод

проб и ошибок. Опять уровень представлений середины девятнадцатого столетия. Но в вопросе о базисе и надстройке он, слава Богу, с марксизмом не согласен и считает, что надстройка более ценна: она создает руководство, идеи.

Турчин критикует Маркса за его учение религиозно-догматического типа, за исторический детерминизм. Марксизм приводит к нигилизму, к отрицанию духовной культуры. Словом, он поднял восстание против господства мысли. Человек исчезает. Все сводится к классам, к борьбе классов, к интересам. Турчин с этим не согласен и, видимо, считает, что социализм надо строить на другой основе.

«... разрушение духовной культуры опасно для общества» (с. 67). Духовная культура — это не только умение читать, писать, считать. Это культура души, нравственность, благородство, честность. Турчин начинает только-только, ощупью, подходить к этому вопросу, с которого надо было начинать. Слава Богу, что его посетило озарение.

«В марксизме есть черты и элементы, которые я не только принимаю и приветствую, но в которых вижу единственную надежду на спасение человечества» (с. 68). Что за непреодолимое желание отыскать в марксизме какую-то хорошую сторону! Но далее: «...не эти элементы специфичны для марксизма». И Турчин очень неплохо критикует марксистскую систему (с. 69).

«Советского человека всячески оберегают от таких [правильных. — *И. П.*] представлений, внушают ему, что они «идеалистичны и ненаучны». Советский человек живет в атмосфере детерминизма девятнадцатого века, он склонен к фатализму» (с. 71). Это относится скорее к партийной элите или к научным работникам, которые действительно нашпигованы марксизмом. У простых смертных я не замечал таких взглядов. Чем проще человек, тем проще и правильней он смотрит на вещи. Для него нет никаких загадок, никаких фетишей, никакого фатализма. Для него существуют захватчики и желание от этих захватчиков избавиться. Конечно, если он не потерял образ человеческий, не спился и не сошел с ума.

Турчин серьезно говорит о философском материализме, о том, что исторический материализм до него не дотягивает (с. 71). Одним словом, для него философский материализм еще существует.

Хорошая критика положения в Советском Союзе (с. 77). Турчин отмечает, что производительность труда там во много раз ниже, чем в передовых капиталистических странах. И мы «бесконечно отстаем по вычислительной технике».

«Мы [...], используя подъем национальной энергии, порожденной революцией, невиданными темпами создавали промышленность» (с. 78). Он, наверное, когда была первая пятилетка, еще под стол ходил пешком. Невиданные темпы создавались трудами заключенных, раскулаченных; шло уничтожение людей. «Неужели социалистический строй представляет худшие возможности, чем капиталистический» в развитии производственной системы? Если он задает такой вопрос, то он ребенок. Он не знает ни промышленности, ни рабочих, ни отношения трудовых людей к социалистической системе. Но он с ними не согласен и считает, что социализм сильнее капитализма. «Источник наших трудностей — не в социалистическом строе, а, наоборот, в тех особенностях, в тех условиях нашей жизни, которые идут вразрез с социализмом, враждебны ему. Этот источник — антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период и окончательно не ликвидированные и по сей день». Побоку то, как развивалась семимильными шагами промышленность в царской России в начале двадцатого века. Он об этом не знает. О чем же тогда говорить? У советских бонз всегда так было: в двадцатые годы мы изживали отсталость царского режима, потом издержки производства Сталина, теперь будем изживать издержки производства Брежнева. Конца этому не будет. Взяли бы хоть в толк радетели социализма, а не капитализма, что США и Англия за тридцать лет получили более шестидесяти Нобелевских премий из девяноста, а СССР только три. И что «[...] медицинское обслуживание в нашей стране находится на ужасающе низком уровне [...], современные эффективные лекарства врачам запрещается даже

выписывать» (с. 89), и что «в 1900 году в Онежском озере вылавливалось 2000 центнеров лосося в год, сейчас — 50 центнеров, то есть в 40 раз меньше» (с. 91).

«Для меня возврат к христианскому сознанию невозможен, как невозможен он, по моему глубокому убеждению, и для подавляющего большинства наших современников» (с. 108). Турчин призывает к научному мировоззрению, построенному на научной картине мира. Он, очевидно, еще в середине девятнадцатого века, хотя ему кажется, что в научном отношении он в нашем веке. Именно христианское сознание дает научную картину. Но Турчин отделяет религию китайской стеной от науки, так сильна в нем закваска марксизма и атеизма. Вопрос религии у него совершенно не продуман. Зачем делать заявления о том, что он создаст научное мировоззрение? Его надо создать. А в процессе его создания он должен будет прийти к выводу, что без Бога ничего не получается.

В разделе «Социализм» Турчин не останавливается на положениях Шафаревича о том, что социализм упраздняет частную собственность, уничтожает религию, разрушает семью, но отвергает, что социализм — это инстинктивное стремление к смерти. А положения Шафаревича надо рассмотреть именно в той последовательности, как он их дает, доказывая стремление социализма к самоуничтожению. Шафаревич говорит об этом основательно, проводит неопровержимые параллели, в частности, с инками, у которых были человеческие жертвоприношения. Куда уж дальше ехать? То, что происходит на наших глазах в Советском Союзе, в Китае, в Камбодже, разве не людоедство? И еще дальше людоедства там пошли. В общей сложности за шестьдесят лет мы уже сейчас потеряли больше ста пятидесяти миллионов человек. И все будем что-то в социализме искать.

Книгу Шафаревича я не читал, только его статью. Обоснованно. В книге он, наверное, еще больше дает фактов. Турчин от его доказательств отмахивается, но тогда их надо опровергнуть. А для этого у Турчина нет оснований.

Для Турчина социализм — религия, будущая гло-

бальная цивилизация. Не знает он, что такое религия. Приклеить ярлык к явлению можно, но от этого оно не станет религией, если не отвечает верно этому понятию. Марксизм во всех его проявлениях, в модели Советского Союза, Китая, выступает как квазирелигия. Все чистки Сталина и Мао — жертвоприношения. Шафаревич зацепил инстинкт марксизма: стремление к самоуничтожению. Но может, это более сложно? Может, это диавольская суть этой квазирелигии? Турчин называет свой социализм религией, потому что при нем будет все чисто и хорошо. Но это не доказано, следовательно, ненаучно. Может, еще хуже при нем будет? Турчин отрицает христианство, отрицает Бога. Все элементы, которые создали социализм в разных странах, налицо и в социализме Турчина. Так откуда ждать хорошего при этом социализме?

«... религиозным чувством я называю эмоцию, соответствующую продвижению к Высшей цели» (с. 112). Во-первых, что понимать под высшей целью? Для христианина, иудея, мусульманина высшая цель, конечно, Бог и тот путь, который он указывает; высшая цель — это выполнение воли Бога. Существуют и люди, которые высшей целью считают коммунизм. Становится ли от этого он высшей целью? Можно его, конечно, окружить всяким религиозным почитанием, как это делалось в Советском Союзе, и, вероятно, в Китае еще похлеще, но перестанет ли он от этого быть диавольской религией? На странице 116 у Турчина получается, что высшую цель надо создать из ничего. Если Бог из ничего создал Вселенную, то предполагается, что человек может из ничего создать себе бога в виде высшей цели. В распоряжении человека, по Турчину, только его воля и знание. Отбрасывая Бога, приходится при выборе идеала, высших целей заниматься изобретательством, что-то делать из пустоты, создавать какие-то фантомы. Турчин считает, что марксизм приобрел огромное влияние, потому что оказался формой выявления и сгущения религиозных чувств (с. 117). «Человек — существо религиозное». Это он верно сказал. Если человек продолжает уничтожать религию, то он создает себе квазирелигию.

Что-то очень основательное зацепил Шафаревич, ка-

саясь инстинктивного стремления к смерти социализма. Так просто — одним отрицанием — от этого не отделаешься. Это перекликается с тем, что говорит Артур Кёстлер¹²⁶, которому даже кажется, что произошла какая-то ошибка Творца в ходе эволюции и у человечества жажда самоистребления. Турчин говорит почти то же самое, но связывает это явление не с социализмом, а с непрерывными войнами. Во всяком случае, в человеке есть элемент самоуничтожения, которого нет в животном мире. И это — серьезная вещь. Но уничтожение людей во время войн ни в какое сравнение не идет с их уничтожением при социализме. Если Турчин нам предлагает социализм, поменяв только его вывеску, то мы можем ожидать такого же самоистребления или еще почище, теперь во имя квазирелигии.

«Социализм — это религия, провозглашающая Высшей целью интеграцию человечества» (с. 124). И далее Турчин говорит, что социализм должен стремиться ко всеобщему равенству и справедливости. Религиозная природа социализма объясняется сравнительно просто. У безбожников есть стремление построить безбожное общество. А раз они строят безбожное общество, то на месте религии, на месте Бога, у них появляется его заменитель, суррогат. Социализм — обязательно безбожный. Это основной его признак. Действительно, что-то «религиозное» в этом феномене есть. Это доказано.

Турчин не отрицает стремления к равенству, но с какими-то оговорками. Поскольку это стремление противоречит законам развития и закону движения вещей, проповедывать его в наш век антинаучно. Братство — чисто религиозное понятие. Без Бога, без религии всеобщее братство не построить. Построенное без религии братство опять будет какой-то фаланстерой, конюшной, как было в Парагвае у отцов иезуитов. И это в лучшем случае. А в худшем случае это будет застенки и тюрьма. Без веры в Бога построить достойное человеческое об-

¹²⁶ Артур Кёстлер — английский писатель (1905 — 1983), автор известного романа «Спящая тьма». Имеется в виду его статья «Человек — ошибка эволюции» (см. том II, раздел VII), опубликованная на русском языке в журнале «Время и мы», 1977, N°17.

щество невозможно, ибо человек сводится до уровня какой-то машины или до уровня животного, с которым можно делать все что хочешь. Двадцатый век это доказал.

«...для всех социалистов общественное благо — высшая цель, которую [...] должна иметь личность» (с. 125). Мы пуганые воробьи. Нас на мякине не проведешь. Религия — благо для человека. А для общественного блага есть государство с судом и полицией (в Обществе Независимых — служба защиты), которое его обеспечивает. Но если общественное благо — самоцель для каждого рядового человека, то это ширма. Люди, которые будут тобой руководить, тебя попирают и на которых ты будешь работать, горбя спину, якобы будут заботиться о твоём общественном благе.

Религия, Бог — это правда. Без них, при их отрицании, все на лжи построено. Интеграция, человечество, высшая цель, общественное благо — только слова. Общественное благо при социализме приводило всегда к якобинскому Конвенту с его комитетами общественного спасения и общественной безопасности. Почему-то общественное благо со всем этим очень тесно связано. А религия может без этого обходиться и обходится. Христианское государство имело минимальное количество принуждения. На Россию было десять тысяч жандармов. Чего ж тут дальше говорить! Хорош жандарм Европы, который на всю свою махину имел десять тысяч жандармов. Сейчас в СССР одних штатных сотрудников КГБ, по самым скромным подсчётам, больше трехсот тысяч человек. Вот цифры, вот оно — общественное благо. В Китае, наверно, миллионами исчисляются эти работники.

Господарь Турчин берет на себя очень тяжелую задачу защитить еще какую-то новую волну социализма. Его стремление можно рассматривать как плод незрелого ума. А может быть, человек просто не понимает, что занимается каким-то общественным вредительством? Не общественное благо будет у людей, а общественное вредительство. Турчин хочет людей в новую западню загнать. Интеграцию у Турчина надо понимать как стремление к объединению, содружеству. Он говорит, что

есть интеграция отрицательная и положительная. Отрицательная — это «эффект толпы», «массовый психоз», а также экстаз подчинения, отказ от бремени свободы. Интеграция со знаком плюс — это «чувство локтя товарища», «радость быть членом коллектива». В отношении отрицательных явлений можно ввести термин «интеграция». Действительно, это кое-что объясняет. А можно и другой термин придумать. Но зачем какую-то еще интеграцию вводить в отношении таких положительных явлений, как дружба, любовь, настоящее братство, монастырское содружество, рыцарский орден? Эти понятия веками уже существуют. Не нужно ничего изобретать.

«Тоталитаризм — это варварская, уродливая форма социализма, когда интеграция индивидуумов достигается ценой насилия над ними» (с. 126). Значит, социализм, который хочет нам предложить Турчин, можно думать, будет не тоталитарным и не уродливым, а хорошим и религиозным. Надеюсь, что он нам это докажет. Сейчас социализм построен целиком на марксистских принципах, и он уродливый и тоталитарный. Почему же новое марксистское построение должно быть религиозным? Гони природу в дверь, она войдет в окно — только поэтому. Потому что Турчин не разобрался в христианстве, не понимает его, не имеет ни опыта религиозного, ни религиозного воспитания. Христианская культура не появилась на ровном месте. Дикарь тоже верит в леших. Школа Леви-Брюля¹²⁷ обнаружила у него в двадцатом веке даже глубину, мистические горизонты, более высокую одаренность, чем у нас. Дикари живут в каком-то интересном мире, где все живое, где взаимность связей, которая для нас не существует. Но по сравнению с христианством душа дикаря не дает ему ни глубины, ни широты, ни перспективы. Какая-то пустота у человека, если он христианства не понимает.

Турчины начинают нам объяснять, что они устроят

¹²⁷ Люсьен Леви-Брюль (1857 — 1939) — французский социолог и этнограф, известный своими работами о первобытных народах, в которых противопоставил рациональной мысли дологическое и мистическое мышление.

замечательный религиозный социализм. Все время у них преклонение перед Марксом, Энгельсом. С одной стороны, они плохие, а с другой стороны, они знали естественные науки на уровне своей эпохи, были учеными в области общества. Сколько же можно этим кажждением заниматься? Скажи, что ты марксист, или разберись в этих ученых и докажи, что их ошибки такие, что уничтожили всю их систему. Предсказать ничего не может марксизм, какие-то глупости всегда получаются. Построили точно по его модели общество — получается кровавая баня. Все это на марксистов не действует. Да вы же опасные люди, маньяки. Ладьте со своей кибернетикой, но не лезьте, господа, в другие области, в общество.

В пространстве и времени наш господарь тоже не разобрался и находится на уровне Канта. Кант отказался признать пространство и время вещами в себе и считал их формами нашего восприятия. Но ведь это самое слабое место Канта, который убоился бездны премудрости и вспять обратился.

«Существуют алгоритмически неразрешимые проблемы [...] уйма невозможностей, которые ограничивают нашу способность предсказания» (с. 134). В знаковых системах, которые являются системами идеальными, и то нельзя предсказать, остановится ли система или нет, исходя из начальных ее данных. Таково положение в науке, о котором докладывает нам наш физик. Можно ли перенести эти методы науки на создание общества, на создание жизни людей? Поскольку в идеальных, отвлеченных схемах и то огромная, непреодолимая трудность, как же можно научным способом строить общественную систему? Как бы ни была великолепна машина, она все-таки не заменит человека. У машины нет интуиции, нет способности получить Божественные откровения, озарения, сделать какое-то изумительное открытие. Люди, которых мы называем великими, обладают этими способностями и в исключительно трудной обстановке, в очень сжатые промежутки времени, находят правильные решения. Это путь человека, но не путь машины. Поэтому, если нам говорят, что с помощью научных способов можно построить человеческое обще-

ство, заранее надо сказать, что это не путь. У каждой области есть свои методы. Я с величайшим уважением отношусь и к математике, и к современной физике. Вполне понятно, что это области, которые бурно развиваются, но это только начало познания, и далеко до того, чтобы считать, что основные узловые точки уже расставлены. Непочатый еще край работы. И переносить методы этих наук на наши житейские дела и отношения все равно что в микромир лезть со стороны машины. Ничего в нем тогда не поймешь. И то же самое произойдет, катастрофа, если будут переносить тонкости микромира на макромир, и главное, на макромир живой, общественный. Физика должна решать свои задачи, свои вопросы. Надо разделять. Между профессиями разных областей существует разделение труда. Между кибернетической машиной и человеком, между простым человеком и великим человеком, тоже существует разделение труда. Это мы давно знаем.

Турчин приводит модель Конта (с. 137), который тоже хотел алтари богов заменить алтарем обожествленного человека и предложил какую-то утилитарную систему, которая соответствует марксистской схеме. Раз Турчин понимает, что к одной и той же схеме Конт пришел и Маркс пришел, то почему он думает, что предложит нам что-то другое?

Социализм отличается от традиционных религий отсутствием трансцендентного (с. 135). Это приведет к партийным бюрократам, которые будут внедрять эту идеологию, чтобы лучше управлять людьми. Старая схема. Не выскочишь из нее. Как только выкидывают Бога, так возникает страшная сборная секта, и она обязательно изобретает для себя какого-то кровавого идола. Вся история безбожных сект на этом построена.

«Христианская теология поражает меня своей унылой бесплодностью» (с. 138). Турчин считает, что «сейчас ее нельзя рассматривать иначе как анахронизм». По его мнению, «трансцендентные религии не свободны полностью от идолопоклонства (чего стоит один принцип непогрешимости Римского Папы)» — с.139. Вот и получается «культ вождя, культ класса, культ расы», то, что в человеческом обиходе заменяет религию. Расписался

Турчин в своем невежестве. Он даже отрицает культ человечества, который тоже приводит к идолопоклонству.

«Для религии научной эпохи догматическая вера неприемлема» (с. 144). Добрался Турчин и до догматов. Вообще говоря, схема у него такая. Он обвиняет и ругает все, что давно уже ругали другие. Безбожники ругают догматы, называют верующих идолопоклонниками. В марксизме он тоже ругает то, что уж нельзя не ругать. Столько об этом написано, столько сказано! Он в одну кучу все валит. У марксизма есть плохие места, а вот он предложит что-то лучшее. Что же он предлагает? «Прогресс достигается путем метасистемного перехода. Элементом метасистемы [...] является наша способность постоянно разграничивать сферу знания и сферу воли» (с. 144). Хорошо, разграничение — это разграничение, но оно ведь должно приводить к каким-то решениям, к каким-то взглядам, к каким-то выводам. Иначе какое же это разграничение? Знание устанавливает вывод, а воля его продвигает в жизнь. Иначе это бессмыслица; иначе это не религия, а маниловские мечтания. Наверное, он все-таки так это понимает. А если так, если мы установили знание, чем же тогда какое-то положение, которое мы взяли на вооружение, отличается от догмата? Тем, что догмат — это надежная, вечная, Богом данная величина, утвержденная ареопагом святости, мудрости, проверенная веками. Турчин же нам предложит какую-то мысль, которая родилась у него в голове, и назовет ее метасистемным переходом. Для своей собственной жизни он может им пользоваться. Но он хочет предложить подобие морали Канта для общества, он кладет ее в основу своего социализма. Так это, пожалуй, еще более страшная будет вещь, чем марксизм. Марксизм хоть не прятал свои установки: борьба классов, диктатура пролетариата, уничтожение буржуазии, захват средств производства в свои руки. Все это было расписано, и все это было выполнено. Здесь же ловушка: ничего этого не говорится. Он хороший человек, ничего плохого не замышляет. Но это значит, что людям, которые, допустим, согласились бы с такой установкой, было бы еще удобней, чем Марксу: даже предлагать ничего не нужно.

Звучит это примерно так: «Мы предлагаем современную религию, у нас нет ни догматов, ни идолов, мы движемся метасистемными переходами», а уж что такое метасистемные переходы, мы знаем — «а вы будьте любезны подчиняться». К этому и придет. Людей, которые либо не согласны с этой установкой, либо, по мнению новых мыслителей, не способны ничего сделать, не будут спрашивать о метасистемном переходе. Опять править будут «мыслители» — группа, класс бюрократов, класс жрецов, будем говорить. Спасибо.

«Вместо догматической веры в то, что «так надо, ибо это есть Добро», современная религия предлагает человеку совершить личный волевой акт установления Высшей Цели, сделать свободный выбор и осознать свободу в этом выборе» (с. 145). Это нам все знакомо. Кант хотел на этой основе мораль утвердить, но она была обречена на провал. «Сделать свободный выбор». По кантовской установке, выбор должен быть и моральный. Но Турчин расширил этот выбор, перенес его и на область построения жизни. Что ж, каждый человек будет решать, как он хочет? О каком социализме тогда говорить? В этом случае нужно сказать: «Я — одиночник. Я могу иметь маленький клочок земли, совершенно изолированный, и там буду одиночно творить на основании своего вывода. Если я полезу в другой, чужой огород, я нарушаю волю другого человека. Я свободный выбор делаю, но делаю за счет другого». Это уже не высшая цель. Такое предложение в самом зародыше обречено на провал, в нем полностью отсутствует логика. Социализм — это общество, это совокупность людей. Как же можно каждому человеку на свой страх и риск действовать? Это будет скорей анархия, возврат к раннему капитализму, *laissez faire, laissez passer*¹²⁸. Высшая цель и тому подобные слова нужны людям всегда, чтобы украсить даже свои преступления.

Турчин считает, что Маркс находит законы развития «в диалектике Гегеля и — по его собственному выражению — «переворачивает их с головы на ноги» — объяв-

¹²⁸ Пусть будет так (франц.).

ляет законами природы» (с. 146). По его мнению, это произвол, они законами природы не являются. Опять я с Турчиным нахожусь в большом противоречии. Я доказал, что эти законы действительно являются законами природы, причем универсальными законами природы. Надо будет послать ему мою книжечку.

Интересный штрих. Турчин хочет идти путем Великой Эволюции, то есть развития, и отбрасывает универсальные законы развития, не ставя ничего на их место. Без инструмента, без оружия, вторгается в область, где, собственно, без них и делать нечего. По его мнению, «идея эволюции — связующее звено между наукой и религией» (с. 148). Если под религией понимать нашу христианскую религию, то это утверждение неверно. Потому что законы Менделя, мутация — словом, вся современная генетика с помощью Божественных откровений объясняют эволюцию как творческую эволюцию. Эволюция существует, но как творческая эволюция, в которой Бог принимал решающее участие. Такое соединение Бога и эволюции правильно. Но раз Турчин Бога отрицает, все это ему кажется анахронизмом. Универсальных законов у него, оказывается, нет. Это тоже какая-то ерунда. Эволюция у него происходит как интеграция многих подсистем. Законы Гегеля он не признает, но на странице 149 объясняет, что все, что в законах развития есть, входит в его подсистему. Он признает механизм управления, борьбу противоположностей, тезис — антитезис, синтез как единство, где продолжается борьба, даже до отрицания отрицания доходит. Таким образом, это просто жульничество. Только что, на странице 146, он сказал, что Маркс произвольно ввел новые законы природы, что универсальные законы природы не доказаны. Теперь он скрытным образом ими описывает свою метасистему, но не говорит прямо, что стоит на законах развития. Почему у него все происходит и почему надо отбросить противоположности этой подсистемы? Какая-то путаница. Вещи, которые на языке кибернетики не так уж просты, надо еще запутать и через их призму рассматривать явление перехода количества в качество, отрицание отрицания и другие явления. Но это совершенно неоправданно, это не научный прием, а

прием человека, который пишет диссертацию и хочет выехать на этой путанице. Только так можно это рассматривать.

Итак, законы развития существуют; Турчин их признает. Уже за это ему спасибо. Все-таки непонятно, как все у него получается. Как быть со вторым началом термодинамики, с законом движения вещей, который, конечно, он не знает? Как можно идти от низшего к высшему? Почему это происходит? Ведь законы развития этим совершенно не занимаются. В какую сторону пойдет развитие, которое зависит от перехода количества в качество, то есть, по сути дела, от перехода энергии? А переход энергии от низкого потенциала на более высокий потенциал невозможен без преодоления сопротивления. Одним словом, он попадает в тиски закона движения вещей и второго начала термодинамики.

О Великой Эволюции он толкует на странице 151 в терминах почти Тейяра де Шардена: «верхушечная почка растущего дерева, активная точка Великой Эволюции». В фантастическом социализме Турчина свободная воля человека должна сохраняться. Тогда какой же это социализм? Бессмертие, по мнению Турчина, это его вклад в Великую Эволюцию Вселенной (с. 155). Именно у безбожников такая точка зрения, что какие-то великие люди бессмертны в своих вещах... Но нас интересуют не великие люди, а все.

«Под мощным воздействием критического разума представления о бессмертии души и о загробной жизни, некогда совершенно конкретные и ясные, становятся все более абстрактными и бледными, теряют свою эмоциональную убедительность» (с. 155). Напрасно. Оттого, что мы потеряли эти представления, мы превратили жизнь в ад. Надо вернуться к ним. Мы делаем, как какие-то молодые козлы, неоправданные прыжки. Наконец добрались.

Социализм, который признает Турчин, — это «религиозно-этическое учение, провозглашающее Высшей целью человека неограниченную социальную интеграцию при обеспечении и развитии творческой свободы личности» (с. 156). Под социальной интеграцией надо понимать социальное объединение, объединение в ка-

кие-то формы. Но раз у Турчина — формы, то не может быть речи о творческой свободе личности. Как понимать творческую свободу человека? Возможность творить? В Советском Союзе можно творить, если не трогаешь советской власти, идеологии. Другое дело, что за это ты получишь гроши или ничего не получишь, а может, стенку получишь или тебя обворуют. Но творить все-таки ты можешь. Это малоутешительно. А интеграция уж совсем неутешительна. Слово «интеграция» слишком неопределенное слово. Про положительную и отрицательную интеграцию Турчина мы уже говорили. Как понять социальную интеграцию? Толпа — это социальная интеграция; массовый психоз — социальная интеграция; шайка, партия — тоже социальная интеграция. Слишком неопределенно. На такие вещи нельзя ловить людей. В девятнадцатом веке, в начале двадцатого на это ловили. Люди были неопытные, ничего еще от прелестей власти не вкусили. Тогда можно было такими словами бросаться, и на них попадались простачки, также профессора. Но теперь мы уже столько пережили, что понимаем, что сокрыто за каждым словом и что из него получается. Словечки вроде как невинные, а за невинным словом идет вереница ужасов. Разве можно так? Если ты предлагаешь что-либо, то каждое твое слово должно быть выражено языком предельной ясности, чтобы со всех сторон его осветить, защитить. Надо самому найти все минусы, которые оно несет, найти гарантии против возможных злоупотреблений. Только такой подход возможен. Играть словами все равно что играть головами.

«...непосредственной силой, движущей массами людей, являются чувства, эмоции» (с. 157). А раз так, мы должны тем более давать в пределах наших возможностей наиболее надежные предложения, с наибольшими гарантиями их осуществления. Чтоб можно было их оценить хладным умом, взвесить со всех сторон. Ведь чувства вступают в действие, когда ум перестает работать, и можно таких дров тогда наломать! Опять будет повторение пройденного, вечная наша трагедия. Пока ты не вынес предложение на волю, ты обязан обсудить его в думе, с экспертами, с людьми мысли, с людьми,

которые могут тебя расшифровать, разобрать по косточкам, и ты сам должен стремиться к тому, чтобы тебя как можно глубже и резче раскритиковали. И если из твоего предложения останутся одна-две строчки, ты должен быть очень благодарен тем, кто помог тебе в этом. Один даст две строчки, другой — две строчки, глядишь — из этого какой-нибудь объединяющий гениальный ум может действительно что-то создать. Вот так надо действовать, а не с важным видом какие-то скороспелки создавать: писать книги, защищать диссертации на чужом хребте.

У Турчина идея бессмертия неотделима от интеграции личности. Об интеграции мы узнаем из его книги, а с идеей бессмертия человек живет. Почему же интеграция с каким-то Иван Ивановичем должна быть связана с моим бессмертием? Или опять этот безбожный тезис: мое бессмертие, мои дела, мои связи позволили построить какую-то плотину, какое-то сооружение. Вот в таком только безбожном смысле можно понимать это утверждение Турчина. Иван Иванович окажется каким-то негодяем, а я с ним буду связывать свое бессмертие. Партия сатанистов меня обманет, а я буду с этими негодяями связан в бессмертии. Нет, бессмертие — это бессмертие души. Но для этого надо душу признавать. От признания где-то в разговоре души — ни тепло и ни холодно. Признание души должно быть кирпичом, на котором строится здание. А если нельзя ни сознаться, ни признаться в наличии души у человека, то это — интеллигентская муть. Над Турчиным довлеет материализм. Он не отошел от марксизма. Для него химические методы воздействия на мозг, биологические возможности, «материалистический подход к интеграции» открывают людям «фантастические возможности» (с. 158). Да ни в коем случае. Чтобы еще какие-то негодяи в облики ученых нас в рабов превратили! Такие ученые подлежат искоренению из рода людского, а их лаборатории — закрытию. Это слишком опасная вещь. А для Турчина это — интеграция. Господи, какое страшное слово! Под эту интеграцию можно все подвести: и работу над разрушением человеческой личности, и психбольницы. Меня интегрируют с больными. Я здо-

ровый, а меня бросают к сумасшедшим: интегрируйся! Этим словом можно любую гадость, любую мерзость объяснить. Ведь для этого уже есть идеология, способная объяснять преступления, придавать им благообразный вид. Теперь интеграцией и метасистемным переходом можно будет любое преступление оправдывать.

«Социализм является прямым наследником великих религий прошлого, это единственная великая религия, возможная в век науки» (с. 158). Вот до чего Турчин дошел. Сами турчины ничего не могут сообразить. Я уже говорил об их обезьянничании. Всё у них слепки. Высшая цель — не изобретение Турчина. Это Царствие Небесное, Царствие Божие, выполнение воли Божьей.

Великая Эволюция неотъемлемой частью «входит в мышление ученого, особенно физика, биолога, кибернетика» (с. 159). И эти жрецы науки будут судьями, потрошителями всего, чем обладает человечество. У них все переосмысливается, например религиозные чувства. Переосмысливание религиозных чувств — это уже работа мозга. Нельзя чувства заменить мыслями. Это совершенно разные области. Турчин хлопочет о том, чтобы религиозные чувства или их переосмысливание были современными. На современном языке, может быть, нужно объяснять некоторые Божественные откровения, приближать их к нам, облегчая чтение книги Божественного Бытия. Это другое дело. К вере это не имеет отношения. Можно верить без этого, и даже лучше верить без этого. Но наш ум любознателен. В борьбе с безбожием, для того чтобы утвердиться в вере, чтоб не сомневаться, не колебаться, полезно излагать Божественные истины с помощью открытий науки на уровне эпохи. Я это и делаю. Но это не значит, что такое изложение в какой-то мере вытесняет религиозное чувство. Если человек принимает мое объяснение — это еще не вера. В грандиозное величие Бога он должен верить. Мы познаем только несколько малюсеньких лучей Бога. Они нам просто помогают в Него верить, но не заменяют веру. А Турчин хочет переосмыслить религи-

озное чувство. Но чтобы его переосмыслить, надо сначала осмыслить, что есть Бог.

На странице 161 Турчин никак не примирит догмат с критическим подходом науки. Да при чем это? Какой бы ты ни занимался наукой, у тебя есть какие-то положения, в которые ты веришь, хотя сам их экспериментально не проверял. Первый, второй, третий законы Ньютона никто экспериментально в свое время не проверял, да и сейчас каждый их учит по учебнику. Тем более Божественные откровения; попробуй их проверить. Но люди великой святости, великого гения к ним приобщились, и они нам показывают путь. Вот в чем мудрость, а не в том, что каждый мудрец будет проверять Божественные откровения. В свое время Лютер угостил своих протестантов их проверкой, и в результате протестантство разбилось на сотни сект.

Свою науку, физику, новую физику микромира — будто другой физики уже нет — Турчин пихает в общество (с. 163). Это же самая пока неизученная часть науки. Надо брать из науки реперы, узловые точки, в которых мы совершенно уверены, на которые мы можем опираться. Здание делается на фундаменте, а не на болоте. Болото надо осушить и найти там твердые точки. На этих твердых точках, установленных строго наукой, например на универсальных законах природы, мы можем создавать общество или, во всяком случае, помогать его создавать. Это же бред — на самых рыхлых, самых неизученных еще местах, которые колеблются, как волны морские, на зыби что-то строить, чуть ли не новое общество. Мы знаем, как ведет себя пространство и время в микромире, но если мы частичные наши соображения возьмем и перенесем на общество, то построим сумасшедший дом.

Для Турчина кибернетическое мышление все. Вот и великолепно: ты кибернетик и занимайся кибернетикой. Вот я — механик, но я же не переношу механику на общество, хотя это легче сделать. Механика основана на твердых законах соотношений работы, энергии. Действительно это можно бы перенести на общество, и это пытались сделать. Но с какой стати всюду пихать установки механики? И не нужны они для того, чтобы за-

ниматься обществом! Для этого имей другой арсенал. Хотя мы знаем заранее, что законам механики подчиняется все, что в физическом мире существует и имеет массу покоя.

Сама кибернетика взята с человека; она копирует человека. Обратная связь, память, программы — это все работа души-мозга, ничего больше. Кибернетики об этом забыли или просто не знают, что душа есть, и теперь на человека переносят поведение машины.

Прекрасно, что Турчин часто тоталитаризм ругает. Но он не понимает, что сам тоже ведет к тоталитаризму, что у него дорожка та же самая. Пышные фразы, которые он употребляет, — еще более губительный путь ко всем страшным явлениям в обществе, и негодьям еще легче прятаться за такую фразеологию. Она нужна для того, чтобы обманывать людей, для того, чтобы им пыль в глаза пускать, для того, чтобы объяснять преступления. А он придумал еще более удачную вещь: совсем прятать концы идеологии и говорить на языке, который еле понятен людям. Еще кое-как людям понятны слова и словосочетания «количество», «качество», «борьба противоположностей». Язык человеческий. А «метасистемный переход», «интеграция личности», «кибернетические обратные связи» будут употреблять несколько десятков ученых, да заучат эти словосочетания несколько тысяч негодяев, чтобы прятать за них свои преступления.

Конечно, раз Турчин — физик, он не может обойтись без моделей. Раньше общество уподобляли газам; отдельные частички, атомы, представляли собой модель человека, а газ или жидкость в сосуде — общество. Вот примерно на таком элементарном уровне это себе представляли. На кибернетическом уровне на первом плане — мысль; прежде всего, у нас есть система, подсистема, высшая система, между ними связи, управление — и получается модель общества. Но это — модель человека. Отбрось словеса и исходи действительно из человека. Скажи, что модель общества должна подражать человеку, а вовсе не какой-то машине, о которой еще сами кибернетики не договорились, не знают, что эта машина окончательно из себя будет представлять. Одни гово-

рят, что у машины есть ощущения, другие говорят, что у нее их нет. Одни говорят, что машина мыслит, другие — что нет. Одни говорят, что эта машина может сама себя воспроизводить, другие над этим смеются.

Давайте говорить о человеке. Живой человек — это вещь наиболее изученная. Вот с него и надо делать модель общества. Кстати, между человеком и обществом самая тесная связь, а не между грудой железа, электронных частичек и человеком. Это же какая-то дичь опять. Фразеология — это идеология. Вот, например: «новый уровень иерархии, управляющий высшим уровнем организации интегрируемых подсистем» (с. 167). С такими подсистемами мы далеко не уедем.

«Учение Христа — путь к социализму» (с. 168). Откуда Турчин это взял? Он должен изложить хотя бы основные аксиомы своего положения. Просто болтовня. Один переписывает с другого. В наши дни мировоззрение «христианства стало препятствием для дальнейшего движения». Чему же оно препятствует? «Социалист должен рассматривать христианина как своего предшественника» (с. 168). Господа, вы сначала сделайте модель, договоритесь, что такое социализм, постройте его хоть на каком-то малюсеньком островке, изучите его, пригласите нас. Вот тогда вы будете иметь право предполагать, что христианство устарело и вам мешает. Но я думаю, что именно вы со всей вашей современной фразеологией окажетесь самыми устарелыми и жалкими людишками восемнадцатого века¹²⁹.

Есть у Турчина и здравые мысли, потому что с человека взята кибернетика. «Попытка осуществлять интеграцию организованных систем, начиная не с верхнего, а с нижнего или среднего уровня иерархии управления, в частности с экономического уровня в случае социальной интеграции, — это кибернетический абсурд» (с. 169). Это совершенно ясно. Но зачем весь этот кибернетический туман напускать? Повторяю: исходи из че-

¹²⁹ Восемнадцатый век — век просветителей и деистов, подготовивших Французскую революцию.

ловека. А что такое человек? Человек — это душа и тело. Что такое христианство? Это наука о душе и ее соотношении с телом. Это все прямые вещи. А нам предлагают путь от человека к машине, от машины к каким-то социальным системам и от них к человеку. Предлагают тебе ехать не прямым путем, куда надо, а всегда через Северный полюс.

Отношение Турчина к религии очень мне напоминает отношение к ней авторов «Гуманистического манифеста II»¹³⁰. Надо отметить, что Маркс, чтобы себя возвеличить, назвал прежних социалистов утопистами, прежних материалистов вульгарными, свой марксизм диалектическим, свой социализм научным. В сущности, по той же схеме действует и Турчин. Он находит в марксизме — нетрудно это сделать — всякие ошибки, преступления и показывает, что у него является религией, что политикой. Так что критическая сторона у Турчина часто на уровне. Но все это делается им для того, чтобы расчистить дорогу для своего социализма.

Религия возникает на основе Божественных откровений. У Турчина — на ровном месте. Религия должна содержать в себе элементы безошибочности от проникновения к нам из трансфизических миров посредством одаренных людей огромных драгоценных идей, которые собираются и проверяются в течение тысячелетий. Турчин не понимает этого; все это ему кажется ненаучным. Но наука не только то, что в пробирках и колбочках, а то, что пронизывает идея Создателя, разум Создателя. К этому должна стремиться настоящая наука, и на всех своих этажах она невольно к этому приходит. Поскольку Турчин отбрасывает Божественные откровения, остаются какие-то догматы, кем-то придуманные, и он их заменяет своими квазидогматами. Для него это вполне закономерно.

«Иерархия в той или иной форме необходима для

¹³⁰ Манифест опубликован на русском языке в сборнике «СССР. — демократические альтернативы» (ФРГ, изд. Ахберг, 1976). Его составили в 1973 году два редактора американского журнала «Гуманист» и подписали около трехсот человек, как западных авторов, так и представителей третьей эмиграции.

организации больших систем. Это — закон кибернетики, и от него никуда не денешься» (с. 171). Иерархия существовала в человеческом обществе на всех его этажах, которые доступны нашему пониманию. Какой-то родоначальник был даже в племенах; уже там были жрецы. При чем тут кибернетика?

Обществу Конта в виде гигантского часового механизма с иерархией зубчатых колесиков Турчин противопоставляет «структурно-функциональный параллелизм» кибернетической системы (с. 172). Это значит, что каждый этаж занимается какой-то отдельной функцией; в верхнем этаже функция более сложная, чем в нижнем этаже, но каждый новый этаж не мешает предыдущему, не перекрывает его функций; взаимно функции друг другу помогают. На такой основе должно быть построено общество. В общем-то это правильно, так устроен человек, так устроена живая природа. Опять это не кибернетика, модель взята с живого человека.

Правильная мысль: «правление закона — одно из величайших изобретений человечества» (с. 174); «общество, где управляет закон, а не люди, дает нам пример структурно-функционального параллелизма». Есть люди, «которые толкуют закон и следят за его исполнением». Их управление определяется не волей, а правами и обязанностями (с. 174). Это совершенно верно. Эти мысли в основе «Общества Независимых», но они меньше всего взяты из кибернетики. Они взяты из человеческой природы и природы общества, из ее хороших образцов. Верны и следующие соображения: «Организация управления — задача чрезвычайно трудная и творческая [...] нужно построить иерархию понятий и параллельную ей структурную иерархию [...]».

«Для пресечения злоупотреблений многие организации вводят дополнительный уровень в своей структуре, который не отдает руководящих распоряжений, а только контролирует деятельность других уровней» (с. 175). В Обществе Независимых на этом создана его защита. Турчин считает, что контролирующий орган не должен быть слишком близок к контролируемому органу. Тоже верно. Поэтому в Обществе Независимых служба защи-

ты — это совершенно надстоящее общество, организация, «тема», используя термин Турчина.

«Стремление уничтожить рынок путем государственных декретов — типичное социалистическое варварство, результат механистического мышления и полного непонимания основных черт эволюционного процесса» (с. 176). Это все так. По его словам, кибернетика стоит за рынок. «Для кибернетика разрушение рынка или «буржуазного» права — такое же варварство, как разрушение машин и железных дорог» (с. 182).

«Стать выше собственности [...] собственность есть просто форма управления предметной компонентной цивилизацией [...]» (с. 184). Турчин считает, что путем реформ можно собственность изжить. Здесь выпирает теоретик, не знающий ни жизни, ни обстановки на производстве, ни положения рабочего. Веками доказано, что собственность — это источник независимости человека. И мы будем за нее бороться. В будущем социализме господаря собственность будет устранена. Пусть он в нем и живет.

Государство как инструмент социальной интеграции, который всегда необходим (с. 185). Это хорошо. Как мы знаем, социалисты на словах против государства, но Турчин считает, что государство все-таки необходимо. Раз он за управление, за иерархию, тут уж без государства никуда не денешься.

Для Турчина социализм — это интеграция и свобода. Интеграцию он понимает как сложную иерархию, взаимозависимость систем, обратные связи, управление одной системы посредством другой. Это — элементы, которые требуют дисциплины, подчинения. И свобода в этих условиях будет занимать весьма подчиненное положение. Надо четче было определить, что такое свобода. В этом отношении вообще путаница происходит. В Свободном мире надо относиться очень внимательно к этому понятию.

«... социализм — это явление культуры, это религия и способ жить в соответствии с этой религией». Турчин и подобные ему авторы — бессовестные люди. Чтобы пропихнуть свою систему, они не стыдятся ее захваливать, предлагают необоснованные определения, назва-

ния — словом, охмуряют людей. Вот так просто нам говорят: иерархия и свобода. А почему не иерархия и братство, не иерархия и равенство по части богатства?

«[...] иерархия — это организация, это структура. Большие системы не могут быть организованы иначе как иерархически. Антитеза иерархии — это хаос, беспорядочная куча, толпа, а не свобода» (с. 204). Хорошо сказано.

Турчин сам признает, что его представление о социализме крайне неконкретно (с. 208). Неконкретно, потому что он дает все в философском плане. Необходим, как считает Турчин, такой уровень мышления, потому что у людей в голове философское представление об обществе, о том, чего они хотят, к чему они стремятся. Это очень опасная точка зрения. Вместо того чтобы исходить из какой-то конкретной проверенной модели, он пускает мыльные пузыри. Это самая страшная вещь, когда в голове вздор, не проверенные на деле идеи, непроэкспериментированные, нежизненные, ненаучные. Такие идеи — как туман в голове у человека. И этот туман как раз приводит людей к террору, к уничтожению себе подобных. Надо идти от конкретной кибернетической модели. Сделайте такую модель, проверьте ее, проверьте на себе, проверьте пару десятков лет, — тогда можно создавать какую-то философию. Но безумие начинать с философии, причем очень туманной, и толкать людей на то, чтобы они это экспериментировали на себе самих и на своих детях.

Турчин против революции (с. 211). Он считает, что «разрушительный взрыв, катаклизм, наподобие революции 1917 года [...] наверняка принесет с собой неисчислимые жертвы» и вряд ли поможет «построить лучшее общество». Следует понять, что прежде всего любой ценой надо освободиться от этого режима. Что бы мы затем ни построили на человеческих основах, будет заметно лучше, неизмеримо лучше, чем то, что там сейчас.

Слава Богу, что он за борьбу идей (с. 211).

На странице 212 Турчин объясняет, что еще в первом варианте этой книги он был против борьбы за многопартийную систему в условиях Советского Союза. Он предложил рассматривать «коммунистическую партию в перспективе как интеллектуальный и духовный интегра-

тор общества, действующий в условиях широких гражданских и политических свобод». «[...] желая подчеркнуть открытый и конструктивный характер» своей работы «Инерция страха», он послал ее в журнал «Коммунист». Самое отвратительное у диссидентов, что они спасают свою шкуру, занимаются самоцензурой и невольно этим укрепляют власть, с которой якобы борются. В защиту своей единой системы он предлагает, чтобы политика брала пример с науки. Наука единая; «деление на партии в науке» было бы для нее, для ученых оскорблением. Она разделена на свои отделы, на свои этажи. В таком духе надо построить политическую систему. «Когда ученый делает открытие», то остальные собраты и соотаварищи «бросаются проверять или перепроверять его сообщение в надежде» уточнить его открытие. «То же явление будем наблюдать и в политике, если она будет устроена по образцу и по опыту науки» (с. 216).

Политика и наука настолько разные области, настолько разные там люди, что это совершеннейшая макиловщина. Ученые должны заниматься наукой, а политики — политикой. Политикам надо помочь. Это совершенно верно. Все силы Службы защиты Общества Независимых должны им помогать, но не для того, чтобы политику научно организовать, а для того, чтобы на нее оказать благородное влияние. Это совсем другая картина. Вовсе не по принципу науки надо строить политику — ничего хорошего из этого не получится, и мы не найдем принципов, уничтожающих зависть, стремление к власти и карьере. Политические науки в Советском Союзе несоразмерны с наукой; это — гибель науки.

У Турчина все на аналогиях построено. Можно ли пользоваться аналогиями, в каких случаях, когда это законно? Я остановился на этом в работе о Павлове¹³¹.

¹³¹ «Аналогия может служить доказательством при создании специальной модели, имитирующей действия, которые мы изучаем. Правомерно также пользоваться аналогией как доказательством при изучении различных явлений, которые могут быть описаны одинаковыми дифференциальными уравнениями. Сравнить можно только однородные понятия или предметы...» (Д. П а н и н. Теория густот).

Политика — это борьба интересов, в какой-то мере — руководство обществом, цель которого — выполнение законов. Зачем открывать новые законы? Если хорошие законы действуют, их надо выполнять и к новому закону подходить не как к какому-то открытию, а как к какому-то вынужденному обстоятельству. Обстоятельство должно продиктовать новый закон, или опыт должен к нему подвести. Ничего общего с наукой здесь нет, никаких открытий не нужно делать. И никаких аналогий нет. Если общество будет меняться, то оно будет меняться постепенно, будет подготовлено к этому, наметятся новые точки осцилляции мира-маятника. Наука может этому помогать. Но нельзя строить общество и политику на принципах науки.

«Существует ли нереволюционный путь демократизации? Я думаю, что существует. Путь реформ означает [...] четкое разграничение борьбы за власть и борьбы за идеи и отказ от борьбы за власть в пользу более успешной борьбы за идеи» (с. 225). Такую канитель надо в Академии наук разводить. Это несерьезно. Ни реформа, ни революция. В духе конвергенции Сахарова.

Турчин считает, что попал бы в дореволюционной России в конституционные монархисты, потому что ему нужен, с одной стороны, прогресс, а с другой — структура власти (с. 227). Это разумно. Но «[...] изначальная вина», по его мнению, «лежит на царской власти [...] советское государство идет по тому же самоубийственному пути» (с. 230).

Глава «Инерция страха» (с. 230). «[...] постепенная демократизация, давление снизу и способность к реформам наверху, не выполняются у нас, в сущности [...] из-за инерции страха, вошедшего в нашу жизнь при Сталине. Страх, который парализует общество, — это страх сталинских жертв, страх, испытываемый властью, — страх самого Сталина».

Если не сменить управления, «то это приведет либо к полному окостенению с неизбежным разрушением от внешних причин, либо к революционному взрыву изнутри» (с. 232). Разумно. Ничего другого не нужно ожидать, никакого другого изменения не будет. Представи-

тели правящего слоя не хотят менять свою власть. Вернее всего, что они пойдут на военные авантюры и очень успешно двинутся в этом направлении. И ни о какой демократизации они, конечно, не думают, а, наоборот, хотят всех других превратить в рабов.

«Идея свободы личности — великая идея, лежащая в основе западной цивилизации» (с. 244). Запад нерешительно действует «в распространении этой идеи». Это «свидетельство кризиса западной цивилизации, кризиса веры». Это все верно. Америка и Франция предают своих союзников. О какой свободе личности, о какой защите прав человека можно говорить, когда одну страну за другой бросают в пасть коммунизма?

Советский режим заживо погребает непослушных (с. 247). На себе это испытал.

В Думе¹³² книжку Турчина разобрали бы по косточкам, то есть систематизировали бы все высказывания, извлекли бы все мысли, отделили бы мусор, схожие мысли соединили бы, сделали бы из них соответствующие выводы. Структурный анализ книги позволяет понять, мусор ли данная строчка или она дает совет. Тогда становятся ясными и схема построения книги, и идеи, которые положены в ее основу, и верные идеи, и ложные идеи.

Я не делал полного структурного анализа этой книги. При первом ее чтении подчеркнул то, что мне показалось интересным, значительным или конкретным. При повторном чтении я отметил тоже некоторые места. И наконец, когда я взял в руки эту книгу в третий раз, я подверг подчеркнутые места какому-то обсуждению заново. Я не претендую на то, что охватил здесь все замечания, но думаю, что общая картина вырисовывается, потому что из каждой главы я взял наиболее существенное. И если я даже что-то упустил в одной гла-

¹³² Речь идет о Думе, предлагаемой Д. Паниным в его Обществе Независимых (В кн.: Д. Панин. Держава созидателей): «Этический центр имеет в своем распоряжении коллегии ученых (думы) [...]. Главной задачей Думы является изучение всех новых публикаций».

ве, то оно должно перекрываться ходом мысли в других главах и в итоге дать достаточно обстоятельную оценку этой книги.

Смысл советской пропаганды в том, чтобы всячески человека оглушить. Пускай даже ерунду по радио передают, и он сам знает, что это ерунда и давно в это не верит, но, поскольку изо всех щелей прет эта «информация», деться от нее некуда. Человек перестает думать; он отвыкает, избавляется от привычки думать. На работе надо было как-то думать; пришел домой — теперь голова свободна, получай готовую пищу. Не надо человеку ходить в церковь. Вот в этом и смысл пропаганды.

У религиозных евреев — субботний день. Как тысячу лет тому назад было, так и сейчас: в субботу нельзя работать, но можно думать, размышлять о Боге. Мы же тормозимся. Даже здесь на Западе, где уж такой мощной пропаганды нет, все равно люди находят себе тысячу занятий: кино всякое, развлечения, отвлечения, гости. Нет у нас такого дня, чтобы мы немного беседовали с Богом. Ну, сходим в лучшем случае на мессу или на литургию, и этим все более или менее ограничивается. А вот такого дня, чтобы читать Евангелие, думать, разговаривать о хорошем, что-то не замечал я на Западе. Возможно, это существует в каких-то менее заметных объединениях, в монастырях или у продвинутых в духовном отношении церковных людей. Но нет этого совершенно у людей среднего уровня, что очень плохо.

* * *

В №39-40 «Современника»¹³⁶ — статья Петра Болдырева о монархии и аристократии. «[...] идея правящего меньшинства лучших вряд ли вызывает какие-

¹³⁶ «Современник» — журнал, издававшийся в Торонто с 1960 года.

либо серьезные возражения», — пишет Болдырев. Но он считает, что идея самой власти, принцип господства и подчинения не подходят лучшим. Это совершенно неверно. Аристократия — министры, высшие государственные деятели — считала власть необходимостью, но делала эту власть терпимой, милосердной, карающей настоящие преступления. Ничего не надо выдумывать. Зачем нам снова заниматься неведомыми хитросплетениями ума и потом провалиться, когда у нас уже есть проверенный на деле принцип. Министр из хорошей семьи, хорошо подготовленный, получивший хорошее воспитание в принципах христианства, оставлял след в христианской культуре. Гёте, Томас Мор — образцы такого министра, великолепно ведущего дело. Избрать очень легко такого человека, но такие люди не каждый день рождаются. Ну что ж! Будут, значит, поплоче, похуже. Если есть монарх и у него хороший совет — дума, то министр очень быстро может быть сменен. Он будет министром, пока хорошо ведет дело, совершенно не зависит от какой-то толпы, не подыгрывает тем или иным людям. Ерунда, что лучший не хочет подчиняться и не хочет себе подчинять. Одним словом, есть разные лучшие люди. Есть лучшие артисты, есть лучшие теологи, каждому свое. Теологу, философу, может, и не нужно заниматься государственными делами. Но если он лучший среди правителей, то, конечно, понимает необходимость власти и вовсе не будет ее бросать в грязь; да ему и не позволят это сделать в хорошей монархии.

Вечный вопрос, кто будет судить, лучший ли он или худший, возникает и у Болдырева. Обычно вы очень быстро находите хорошего врача-специалиста, когда заболели раком. Для этого есть не только реклама, но способы узнавания: консультации, опрос, молва. Одним словом, хороший специалист всегда известен. Люди с хорошими задатками, будущие хорошие правители, тоже себя проявляют; сначала на небольшой работе, потом на более ответственной. У людей глаз наметан; нельзя сказать, что одних только дураков выбирают. Но хороший министр требует еще хорошего окружения. Можно самого хорошего человека поставить в министры, но если он будет окружен предателями, изменниками, всякое

его решение может пародироваться, изменяться. Так было с Николаем II в последнюю эпоху его существования.

У каждого человека — свое дело. Для музыканта это музыка, для ученого реализация его познаний зависит от того, что он предлагает, как он преподает, для государственного человека важно, как он ведет дело. И найти человека, умеющего хорошо вести дело, гораздо проще, чем хорошего философа, хорошего теолога, хорошего ученого. Если с философией, теологией, наукой справляются, и не дураки ими занимаются, почему же выражать сомнения, когда речь идет об управлении государством?

Болдырев приводит мнение Бердяева и неокантианца Виндельбанда о том, что управление, подборка управляющего не представляют собой только естественный, временной процесс, но в нем проявляется и метафизическое, вневременное содержание вечных ценностей. Безусловно так. Это говорит в пользу хорошего выбора. Если раньше в значительной мере этот выбор был в какой-то мере произвольным и зависел от интриг, сплетен, козней, действий различных партий, то вполне реально выпестовать людей, которые будут вне этих обстоятельств. Ведь это в русской монархии черт те что творилось в последнее время, а в Австро-Венгерской империи была чистая атмосфера, да и в германских королевских дворцах тоже неплохая. Ибо и Австро-Венгерская, и Германская империи были просвещенными монархиями, которые сменили дурные формы монархии. Зачем же нам равняться по дурным формам? Давайте о хороших говорить. Хорошая монархия может обеспечить хороших правителей, их смену и замену, и их резервуар иметь. Речь идет не об ангелах идеальных, а о хороших правителях, которых вполне может каждое поколение дать. И среди них нужно выбирать.

Болдырев не прав, когда говорит, что вроде плохо, если аристократия превращается в правящее сословие. Наоборот, это очень хорошо. Если аристократия как правящий слой способна давать нужных руководителей, то это как раз то, что нужно. В аристократической обстановке их можно скорей правильно воспитать. Плохо,

если будущий правитель неправильно воспитывается, например на каких-нибудь итальянских идеях. Здесь опять-таки надо иметь глаз да глаз. Из семей, пропитанных ими, не брать людей для правления, а черпать из других источников. Надо иметь хорошие закрытые учебные заведения типа лицеев, где действительно воспитывают настоящих государственных деятелей. В свое время Оксфорд поставлял управителей. Если семьи неважные, а юноши хорошие, то можно из них очень хорошо приготовить того, кого надо.

Правящее сословие должно быть. Оно было и себя оправдало. Но сейчас речь идет о создании рыцарей духа. Сейчас аристократии, в сущности, почти не осталось или очень мало осталось. И среди нее достаточно ловких людей, которые всякие революции устраивали. Нам такая аристократия совсем не нужна. Нам нужна аристократия духа. Будь из любого сословия, но душа чтоб у тебя была благородная, чтоб ты был рыцарем духа. В свое время Римская католическая Церковь породила рыцарство, а вовсе не аристократию.

Монархия, скорей всего, обеспечит нас и традициями, и своими высокими идеями, и правильным естественным положением, и возможностью обеспечить закрытые учебные заведения первоклассными преподавателями для узкого круга людей. Не будем устраивать единую советскую школу.

Рыцари духа смогут создать этический контроль, который создаст гарантии, обеспечивающие конституцию Общества Независимых. Как подбирать людей в рыцари духа? Я достаточно говорю об этом в «Обществе Независимых». Обратимся к рыцарству, к рыцарским орденам. Вспомним, как в них подбирали людей, как выкидывали тех, кто не подходит. Когда что-то новое делаешь, надо всегда опираться на проверенное старое.

В монархии и бюрократия уместной становится. Бюрократия необходима, это скелет управления; никуда не денешься, в управлении чиновники — специалисты. Этих людей тоже можно воспитать, подчинить определенным строгим правилам; им нежелательно быть выкинутыми из своего сословия, и они обеспечивают самое лучшее руководство и, конечно, контроль. Если при

этом будет еще этический контроль, то Общество Независимых сможет как часовой механизм работать.

«Неограниченная монархия ведет к тоталитаризму», — пишет Болдырев. Слово «тоталитаризм» придумано только теперь, появилось оно после появления безбожных диктатур. А в прежние тысячелетия были монархии. Были и тирании, но они очень быстро кончались, а тиран обычно плохо кончал. Зачем же переносить наше теперешнее состояние и вешать ярлыки нашего дня на монархии, которые прекрасно без них обходились в прошлом? Болдырев приводит формулу Аксакова: «Народу — сила мнения, сила власти — правителю». Не Аксаков ее придумал. Безусловно, идея самого самодержавия — это власть. В Обществе Независимых исполнительная власть должна быть самодержавной, то есть она должна действовать на благо народа, страны без всяких тормозов. Тормозом будет только конституция Общества Независимых. Не задевайте этой конституции, действуйте в ее рамках, но решительно, смело, на благо всего народа. История показала, что такое исполнительная власть, ее хорошие и плохие образцы. Можно этим руководствоваться и правила выработать в отношении исполнительной власти. А вот для того, чтобы была формула «народу — сила мнения», чтобы народ был советником, можно предложить на основе микробратств создавать местные управления и самоуправления, города-крепости и давать в Думу достойных их представителей. Я думаю, что создание самоуправлений будет правильной формой правления. Если не хватит у них сил для руководства, им из центра пришлют губернатора, нужных людей. При самоуправлении будет соответствие силы мнения народа и силы власти правителя. Одно будет дополнять другое.

Бердяев придумал профессиональные цеховые объединения, которые должны потом вырождаться в духовные рыцарские профессиональные ордены. Это очень интересная, стоящая мысль, и она вполне укладывается в Общество Независимых.

Совершенно согласен с Болдыревым, что парламент подтачивает общество. Нам нужен не парламент; нам нужна хорошая исполнительная власть и советники ду-

мы. Но должна быть дума, которая не разрушает устоев, отвечает на поставленные вопросы, предлагает, а не требует и, главное, не становится говорильней.

Правильно считает Болдырев, что идея монархии как государственной формы уникальна. «Это власть, которая мыслится как бы «не от мира сего», хотя и для этого мира, взятая из среды этого мира [...] как власть вполне земная — она также и от имени воли народа, пожелавшего власти Помазанника Божьего». Можно и с этим согласиться.

Далее Болдырев говорит, что аристократия, даже не включенная в государственную структуру, служит нормативным элементом общества. Тем самым она представляет собой какой-то голос осуждения, голос совести. При этическом контроле это не так уж важно.

В этом же журнале ее редактор Александр Гедони пишет о создании «Форума». Кажется, это единственный журнал, который додумался до того, чтобы дать все-таки людям возможность свободно высказываться. Этот «Форум» можно будет использовать, если он, конечно, не закроется.

КАК УСТРОИТЬ ЖИЗНЬ В БУДУЩЕЙ РОССИИ

Для государственного устройства будущей России главное — это не подражать, а идти своим путем. У нас неплохо получилось с нашим самодержавием. Историческое прошлое показало, что оно правомерно на больших пространствах и с нашим народом. Для будущей России надо иметь самодержца и предлагаемую мною систему выборов. Она нам даст сторонников Общества Независимых. Допустим, что среди имевшихся программ выиграла, получила большинство голосов программа Общества Независимых. Местная власть тогда повсюду будет в руках сторонников Общества Независимых, которые дадут своих лучших людей в Думу или в правительство. Дума будет из самых головастых. При

этом государь может и сам назначать, кого найдет нужным. Опираясь он будет на этих верных советников. Те, кто не войдет непосредственно в Думу, останутся резервуаром для местных правителей. Само слово «дума» говорит о людях, которые думают, а не болтают. Сторонники программы Общества Независимых, сторонники большинства в этой настоящей Думе будут выслушивать серьезные, обоснованные, обдуманые речи, которые будут печататься и храниться в архиве, а не всякие фейерверки, адвокатские выступления. Как и в государственных делах, закон будет устанавливать, что можно говорить и что нельзя. За неповиновение взимается хороший штраф. Пока ты этот штраф не внесешь, ты не являешься больше представителем народа. У тебя нет денег — пускай тебе избиратели помогают, если они найдут нужным. А нет — неповадно будет тебе и другим наука.

Те, кто побит, войдут в оппозицию. Как оппозиция будет заседать, мне немножко неясно. Пускать ее в Думу, по-моему, просто не нужно. Пустить ее в Думу — это опять разводить там страсти, склоки. Надо параллельно с Думой создать дискуссионный клуб, куда представители Думы тоже могут прийти и сказать оппозиции: «Вот, мы сейчас обсуждаем такой-то проект, какое ваше мнение? Можем его выслушать». Но дебаты должны быть в деловом разрезе, без ругани, без страстей. Преобладать должен ум, а не чувства. Если у тебя чувства преобладают, если у тебя скорей женственная натура — уходи отсюда, ты наверняка будешь оштрафован. В оппозиции останутся тоже люди мысли, которые хоть с нами не согласны, но могут думать, предлагать, а не просто кричать, взывая к чувствам.

Тем самым в мою избирательную систему вносится настоящая демократия: избирают люди, а не монарх, и те, кто избирает, знают, кого они избирают. Это будет избрание представителей народа и вместе с тем их отбор, и люди не смогут просто проголосовать как барашки. Поскольку в Думе будут представители народа, это будет чистая демократия, которую только можно желать на Западе.

Слово «демократия» мне не нравится. Лучше будем

говорить — народное представительство, силы защиты, служба защиты. Служба защиты будет, конечно, поставаться народом. Лучшие представители народа образуют службу защиты, этический центр. Самодержец, во-первых, ограничен законом и преступает его в исключительных случаях. Во-вторых, его контролируют этический центр, силы защиты. И не думаю, чтобы самодержец в этих условиях пошел один против всех. Наверное, он проконсультируется, наверное, ему выскажут свое мнение, например, укажут, что его предложение противоречит конституции Общества Независимых и надо сделать что-то другое. Решение будет взвешивать требования общества и его конституции и поэтому всегда будет приниматься без всяких вето, без всяких осложнений.

Служба защиты — это действительно защита, это лишнее учреждение, люди, которые ходят по стране, к которым легко можно обратиться, пожаловаться, потребовать какого-то расследования. Они не только слуги народа, но и его защитники. Это люди благородные, может быть, даже лучше думских. Потому что при отборе представителей Думы от них требуют ум, хорошие деловые качества и, конечно, не быть негодяем, но высоких требований благородства к ним не предъявляют. Эти высокие требования только для службы защиты, для рыцарей духа. Рыцари духа постоят и за конституцию, и за народ, и за справедливость, и за исполнение законов, и за крепость самого общества. Не дадут в обиду ни общество, ни его установления, ни народ.

Я думаю, что такое сочетание самодержца, более народной демократии и службы защиты было бы очень хорошо для России, а может быть, даже не только для России. Так как при этом как-то сочетаются исполнительная власть и монархия, которая вместе с тем остается под контролем. Законодательство народное — правит государь. Нет больше нездоровой, больной, неверной, ошибочной в своих основах так называемой демократии западного типа с ее многопартийностью. Партии совершенно при этом отпадают. Зачем они нужны? Нужны лиги, союзы, ордены, представляющие собой объединения хороших людей. И для их создания не

обязательно захватывать власть и разрешать партии. Общество Независимых само не придет. Надо создать большинство, которое будет за него, надо убедить большинство народа в его необходимости.

Не нужно путать слово «демократия» и гражданские свободы. Демократию мы видим сейчас, а гражданские свободы и при государе были. Раньше честная, неподкупная благородная линия правления в какой-то мере дворянством выполнялась; дворяне были на государственной службе. А сейчас надо у людей создать благородство духа, абсолютно независимое от государства. В этом сила, новизна назначения людей. И Церковь не будет при этом какими-то ненужными делами заниматься, а создавать людей доброй воли, повышать их моральный уровень, заниматься душами. Управлять же страной совершенно не ее дело.

В ходе революции в умах надо будет основательно подготовить людей. Будущий хороший строй, будущая Россия могут быть, только если нравы будут лучше. При дурных, звериных нравах никакой хорошей России не получится. Подготовка в этом духе должна быть уже проведена. Надо будет ясно доказать, что фальшивое стремление к равенству — гибельная вещь. Равенства нет, есть неравенство. Но неравенство должно служить поводом к улучшению, к усовершенствованию, к подъему. Личность, интересы всякого человека, который не равен другому по своей силе, значению, должны охраняться законами. После страшного погружения в рабскую мораль, когда позволялось и брать, и воровать у государства и врать государству, надо будет сделать большой крен в сторону честности, создания честности. Поэтому мне представляется сейчас важным, чтобы народ понял, как достичь этой честности, и на этой основе построить общество.

В каждом поселке, скажем в каждом избирательном участке, имеется определенное количество рабочих, крестьян, врачей, юристов, журналистов. Надо создать из

них ряд местных сословий: крестьян, рабочих, кустарей, ремесленников, инженеров, врачей, коммерсантов... Основной признак — честность. Человек должен ее доказать и рассказать о том, что был нечестен в силу таких-то причин. Хорошо, прошлое забывается. В настоящем он берет на себя обязательство неуклонной честности, а о ее нарушениях он сам должен дать сигнал, сознаться. Такое добровольное признание в значительной степени облегчит его судьбу. Если же его нечестность два-три раза будет обнаружена другими, то он из сословия выбывает, и нечего ему обижаться. Эти сословия будут состоять по возможности из микробратств, иногда смешанных. Микробратства не помеха, а только помощь. С одной стороны, предлагаемые сословия дадут возможность защитить корпоративные интересы, с другой стороны, они станут политической первоосновой. В сословиях люди хорошо друг друга знают, проверили свой главный признак, который положен во главу угла, — честность, и, таким образом, это живые единицы, из которых должно быть построено будущее общество.

Скрытое (на уровне труда) сопротивление населения режиму КПСС довело страну до катастрофы, СССР оказался на грани экономического краха. И возникла необходимость «перестройки» у Горбачева. Ее цели:

1. Принудить население добросовестно работать на режим, для чего требуются экономические реформы.
2. Сохранить полноту власти в руках Горбачева и номенклатуры КПСС.

Но подлинные реформы допустить нельзя: если они осуществляются, то приведут к гибели режима. И остаются реформы на словах, в виде смутных обещаний, приманок, некоторых уступок в нематериальной области. Примером может служить «Закон о нетрудовой деятельности», которая должна целиком проходить под контролем государства в сфере запретов, умолчаний и препятствий. Такие уступки не находят нужного режиму отклика населения, которое давно убедилось в лживости режима.

В силу самих вещей перестройку Горбачева ожидает

провал. Что делать Горбачеву, когда провал станет несомненным? Предполагаю ответить на этот вопрос рядом статей¹³⁷.

* * *

Все же нельзя не сознаться, нельзя не признаться в том, что Володю Чернявского мы сами запутали. Конечно, он сам предложил книгу обо мне, но мы с ней сразу согласились и завалили его материалом. У нас самих плана не существовало. Мы надавали столько материала, что хватило бы на добрых три книги и с разными направлениями. Когда прошло какое-то время после приезда Володи Чернявского, я прослушал кассеты бесед с ним. Ясно вырисовывалась одна книга, которая собрала в себе рассуждения, будем говорить, досужие мои рассуждения — или о прочитанных книгах, или о современных, или о каких-то событиях. Этот интересный материал может дополнить «Записки Сологдина» и «Записки Панина», если они будут написаны.

В этих кассетах выделяется разгромная линия против сил зла, которые ополчились на Панина. Книгу об этом надо писать мне самому, ибо невероятно трудно меру знать, про кого что сказать и как сказать, чтоб не впасть в сведение личных счетов. И только зряшная трата времени — поручать ее рукам и глазам другого человека.

Сейчас проясняется и план этой книги. Она должна состоять из двух частей. Первая — для Запада, вторая — для Советского Союза. Они должны быть разными. То, что важно и интересно для Запада, совершенно необязательно повторять Советскому Союзу. И чтобы изложение не получилось в форме жалоб или сведения счетов, надо на деловой почве все строить. Для Советского Союза, может, подойдет, как я думал сначала, название «Обращение к силам освобождения»; и не обязательно «к силам освобождения», можно другую форму найти. А для Запада, например, «Как отстоять Свободный мир». И

¹³⁷ Эта запись сделана Д. Паниным в сентябре 1987 года за два месяца до его смерти. Написать задуманные статьи он не успел.

тогда эта книга будет гораздо шире того, что мы с Иссой говорили Володе Чернявскому. Ведь то, что произошло со мной, в сущности, есть выражение слабостей, недостатков Запада. Вот эти слабости, недостатки надо бить, а случай Панина можно в виде малюсенькой иллюстрации дать, en passant¹³⁵, совершенно незаметно. Надо говорить о недостатках демократии, о том, как на Западе, хотя он и считается Свободным миром, неумело используют само понятие свободы, о профсоюзах и компартиях, которые в нем господствуют, и о том, как Запад неумело борется с коммунизмом. В краткой, деловой форме можно описать все недостатки, которые я обнаружил за эти годы на Западе. Это будет полезно. И вместе с тем не нужно скрывать свой личный опыт, но его следует передать, соблюдая достоинство и чувство меры.

Если удастся мне написать книжку о силах освобождения и поставить ребром вопрос о создании рыцарей духа, о применении в борьбе чистых средств — единственного нашего оружия, — то очень небольшая часть людей, и главным образом из простых слоев населения, отзовется на мой призыв. Возможно, отзовется и кое-кто из тех, кто вновь приехал.

Намечаются две книги, которые хочу успеть написать.

В первой книге надо будет сначала с точки зрения универсальных законов природы разделить демократию, доказать, что в свободе надо разобраться, что христианская свобода — для зрелых людей, а не для мальчишек и всяких разрушителей. Демократия была построена на совершенно неверных принципах. Пример возможной, приличной демократии — общество, которое я предлагаю. Неверные принципы, заложенные в сегодняшней демократии, приводят к бедствиям. Люди совершенно пренебрегают глубинными законами жизни, не занимаются ими и даже не подозревают, что они существуют. Это тоже дает чудовищные плоды. Из обоснованной критики Запада следует, что подражать ему надо весьма

¹³⁵ Между прочим (франц.).

осторожно и в тех областях, где он бесспорно имеет достижения. Можно будет и поспорить, правильно ли на Западе решен вопрос о монархии и не лучше ли он был решен в нашем самодержавии. Книга эта будет явно предупредительная, но также и созидательная, потому что взамен раскритикованного будут даны деловые советы.

Часть второй книги будет посвящена критике ряда сторон западной жизни.

Первую книгу предположительно назову «Ребятам с Волхонки-Зил». Вторую книгу думаю сделать как продолжение моих «Записок». Но, конечно, не Сологодина, а Панина. В «Записках Панина» будет раздел: критика современных писателей, приехавших на Запад, с точки зрения сохранности их творческого прибора. Спад творчества связан всегда с порчей творческого прибора. Остальная часть этой книги будет в виде новелл. Надо постараться в лагерной части воспроизвести то, что сказано в эпитафии к моей прежней книге¹³⁶, дать, как это было в жизни.

Для Советского Союза книга должна быть сделана в форме предостережений и примеров. А основное — совет. Само это слово можно и заменить, найти какое-то другое. Немало надо будет сказать как о недостатках демократии, так и о недостатках советского партийного строя, а также о монархии и даже о том самодержавии, какое было в России. Зная, как мы сами о западном мире неверного мнения держались, надо дать людям возможность о нем судить, не будучи на Западе. Рассказать о нем надо советскому рядовому человеку не в форме жалоб, а, наоборот, в форме рекомендаций: «Вот мнение. Судите, как дело идет на Западе. Вот его сильные стороны, вот как там люди сами себя секут и ослабляют. Не надо нам повторять это у себя, мы достаточно пострадали и поумнели; мы можем выбрать что-то более свое, более нам присущее».

¹³⁶ Речь идет об эпитафии к «Запискам Сологодина»: «Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья идет валяться в грязи» (Второе Послание Петра 2:22)

Не поучения и советы надо давать, а рекомендовать. Рекомендацию ты можешь отбросить, принять — не принять. Если человек все, что он говорит, передумал, продумал, если все вытекает из его опыта и, главное, из его системы, которая тоже на опыте построена, — это совсем другое дело, это не учительство.

Надо будет об эмиграции сказать. Тут уж ты имеешь полное право и даже обязан. Ты испытал ее на своей шкуре, тогда как другие люди ее даже и по книгам не знают. Для них она какой-то мираж, как примерно и для нас самих была до приезда сюда. В центре этой книги будет наша собственная судьба. Но надо будет немножко по истории пройтись и сказать о разрушительной роли интеллигенции. Одновременно надо производить поиск. Неужели эмиграция такая вымороченная часть человечества, что живой души не найдешь? Мы ведь не ищем, очень уж сами особняком живем.

Для двух книг о том, как отстоять Запад и устроить жизнь на Востоке, у меня много готовых решений о свободе, демократии, национальном вопросе, Обществе Независимых. Другие вопросы тоже живут в моей душе: терроризм, отсутствие помощи христианам Ливана. И мои соображения об этом тоже надо наговорить на кассеты — пригодится. Особой архитектоники не требуется, чтобы соединить тематически проблемы демократии, партии, национальный вопрос. Ничего мудреного не надо творить; в конспективной, сжатой форме будет все изложено. Так что прослушивание кассет открыло мне глаза; прояснилось, что нужно делать.

В книге рекомендаций силам освобождения следует начать с обстановки, с людей в Советском Союзе. Мне хорошо известна эта среда, и даже естественно для меня с нее начать. И сказать людям: «Мы потеряли восемьдесят миллионов. Среди них были лучшие люди. Мы же стали людьми второго, третьего сорта. Очень много среди нас сломленных, неуравновешенных, нервных, пятнадцать — тридцать процентов психически больных.

Огромнен процент пьяниц. Личность человека повреждена. Какая-то неполноценная психика у людей, потому что режим сделал все, чтобы разрушить личность. Имеется несколько миллионов стукачей и ретивых дружинников — карьеристов среди членов партии и комсомола. Груз настолько тяжелый, что мы не можем взирать на себя как на полноценных людей».

Для идеальной демократии или даже для такой демократии, как на Западе, требуется определенный уровень людей, их понимание свободы, умение уважать друг друга, веротерпимость. Всего этого у нас нет, все это у нас вытравлено, выкорчевано. Невозможно нам поэтому рассчитывать на срочное овладение демократическими формами. Да оно и не нужно. Дело показало, что демократия ничего не стоит, что она построена на неверных основаниях. И вещь немыслимая — перевести немедленно всю массу в демократы. Это будет самообман, и предоставит он возможность ловкачам опять сесть на шею народную. Вполне возможно, что из двухсот пятидесяти миллионов человек наберется миллионов тридцать не пьяниц, кроме того и верующих, которые везут весь воз, работают на заводах, электровозах, в шахтах, отвечают за свои участки и которые, может, и пьют дома, но в меру, не пропивают всё. С этими лучшими людьми возможен переход к другой системе, но он уже будет осуществляться по линии перехода к Обществу Независимых.

Этим лучшим людям надо предоставить возможность руководить страной на основе монархических начал. Вернуться примерно к тому, что у нас было в России в начале двадцатого века или в последней трети девятнадцатого века. Нечего бояться слова «монархия». Монархия вполне нам подходит, она нас выручала; и когда она была, была Россия, когда она исчезла, Россия исчезла. Так что самый правильный совет — перейти сейчас на монархическую форму правления, на самодержавную форму правления. Кто будет монархом? Может даже, им выберут выдающегося человека, который себя уже показал, — человека благородного, отважного, умного. Если такой человек появился бы — исполать детинушке, начинай новую династию. Но если это невоз-

можно, если это вызовет много всяких трений, может, придется остановиться на отпрысках Романовых. Я против этого тоже ничего не имею. Монархия должна быть окружена хорошими советниками. Пускай монарх будет отправлять полноту исполнительной власти, но вся законодательная власть должна быть у Думы. Монарх может вето наложить, но это вето должно быть обосновано, произвола здесь уже не будет. Должны быть законы и конституция как основной закон. Власть монарха будет не ограничена. Но конституция требует от всех, и от монарха, соблюдения определенных правил поведения; это исключает произвол. Самодержавие, но без произвола.

В этой книге надо будет разобрать все слои пирамиды¹³⁷ и установить, насколько они испорчены, повреждены. И показать, что они не могут быть использованы сейчас как полноценный материал для самостоятельной демократической работы и устройства общества. Гораздо проще будет перейти на монархический способ правления, чтобы только лучшие люди принимали участие в руководстве. Моисей водил сорок лет иудеев, которые были в рабстве. Нам тоже надо будет лет сорок или пятьдесят, пока новые поколения нарождаются, пока люди, которые пережили террор, изживут в себе третью мораль¹³⁸. Эта рабская мораль сейчас совершенно необходима. Без нее невозможно существовать в этом обществе. Но она загрязняет человека, снижает его уровень, и, конечно, с ней надо будет немедленно покончить. Как только с режимом будет покончено, следует обеспечить нравственное выздоровление. Нельзя считать себя полноценным человеком и тем более настоящим христианином, если пользоваться моралью рабов в новой России. За воровство на заводе или где угодно бу-

¹³⁷ «Структура советского общества представляет пирамиду. В высшей ее точке находятся генеральный секретарь ЦК КПСС и тесно связанное с ним Политбюро. Каждый следующий слой угнетает нижележащие слои и сам подвержен угнетению вышележащих слоев» (Как провести революцию в умах в СССР. — В кн.: Д. Панин. Держава созидателей).

¹³⁸ См. сноску 111 на с. 193.

дут карать по всей строгости закона, без всяких скидок и без всяких симпатий. И надо будет уничтожить комплексы у членов партии и комсомольцев, зараженных третьей моралью. Немалое время займет изжить, выкинуть из себя «мораль рабов», которая в каждом из нас сидит.

В конституции должны быть записаны очень серьезные вещи. Например, безбожная агитация среди детей будет рассматриваться как тягчайшее преступление. Взятие на вооружение марксизма и деятельность какой-нибудь объявившейся партии, у которой заметны следы марксизма, будут считаться шарлатанством и даже преступлением. Заниматься этим будут Академия наук и институты, которые являются прообразом Думы. Самой жизнью будет выдвинута Дума: ей нужно будет защищать население, детей, незрелых людей, помогать им, находить для них правильный путь. Вокруг престола будет служба защиты, которая поможет самодержцу обращать внимание на то, что он может как исполнительная власть исправлять. Силы защиты смогут накладывать вето. Конечно, будет принят закон против монополий, а также против профсоюзов, которые будут заниматься политической деятельностью. Придется быть строгим к тем, кто не будет вписываться в рамки нашего общества. Недовольные могут создавать свои партии, если не нарушают законов, охраняющих личность, государство, или направленных против шарлатанства, безбожия.

Надо будет, конечно, издать для общего сведения энциклопедию. Но если найдутся люди, которые будут опровергать изложенное в них, то они должны это делать на уровне Думы, то есть на уровне людей сведущих, специалистов своего дела. Если какие-нибудь безбожники найдут новые аргументы — будем их обсуждать. Но они должны быть научно обоснованы. Безбожники могут и свой журнал иметь, но научный.

Свободе не мешают, а наоборот, способствуют строгие законы. Если есть строгие законы, то, соответственно, в пределах строгих законов появляется свобода. Свобода должна быть ответственной. Она возможна только через полусвободу, доказательство, обоснование.

Следует стремиться к высокой свободе, а не использовать ее для разрушения человека и общества. Мы уже достаточно натерпелись, на разрушения уже насмотрелись.

Конечно, при указанных требованиях может появиться сразу большое количество недовольных, аргумент которых будет такой: «Наши права, наши возможности стесняют; мы — свободные люди, мы были в рабстве, теперь нас снова ограничивают». Такой ход мыслей можно понять. Он будет исходить от тех, кто имел власть, положение и снова хочет их приобрести. Когда они окажутся в предлагаемых нами условиях, придется им брать уже не карьерой, не чесанием языком и писанием подлых статей, а действительно трудом. Нужно ли идти им навстречу? Они на нашем хребте ехали шестьдесят с лишним лет, пора и поработать им на равных условиях. Предлагаемая система может не понравиться и каким-нибудь интеллигентам, у которых голова еще забита мусором марксизма и безбожия. Но идти на поводу у них мы не будем. Конечно, предлагаемое общество не понравится кагебистам и прожженным стукачам. Что делать... Преследовать и сажать мы их не будем, но, во всяком случае, не дадим использовать их профессию. Мы рассмотрим всех, и окажется, что рабочие, крестьяне, то есть трудовой, заводский люд, совершенно не пострададут. На заводе многие будут в акционерном обществе; у рабочего будет право распоряжаться, судить и рядить, предлагать; местные свободы несколько не ограничиваются. Но только в условиях рамок свободы не нарушай общества, не уничтожай других людей, не подбивай людей на беспорядки и безобразия. Я думаю, и крестьянам, и рабочим, всем трудовым людям это может только понравиться. Мы уже обожглись, мы потеряли слишком много людей, мы вторично всего этого разрушения не позволим. В эмиграции это, конечно, не понравится НТС, который хочет приехать и начать тут княжить и владеть. Не выйдет. Энтэсовцы будут на общих основаниях. И обязательно будет закон, запрещающий тайные общества.

Не будет больше сотрясения воздуха вреднейшими лозунгами, совращающими людей. Крикуны, которых в

процентном отношении всегда лишь небольшая кучка, должны будут, как все, подчиняться законам. Мы сумеем им доказать, что стремление к равенству в демократии — это путь к общему рабству. Мы напомним им о примере Чарлза Дарвина, который совратил миллионы людей в безбожие и чья теория оказалась антинаучной. Мы не будем вводить цензуру, а будем действовать огромными штрафами, которые отобьют сразу у издателей охоту печатать вещи, нарушающие законы природы.

Надо будет определить, как обращаться с определенной категорией людей — стукачами — в будущей России. Особенно злостных стукачей, конечно, надо судить так, как судили в Германии нацистских извергов. Среди нескольких миллионов стукачей есть люди, которых сломали при вербовке, и они стучали по каким-то мелочам, старались выкрутиться. Их можно отпустить после покаяния, но их имена должны стать известны. Это будет достаточно хорошей воспитательной мерой.

Несколько слов о важном отряде работников в СССР, их руководящем и среднем составе со всевозможных военных заводов и о работниках секретных научно-исследовательских институтов. Это так называемые почтовые ящики. Эти люди представляют собой очень большую и опасную силу. Боюсь, что для революции в умах и для любого способа свержения режима она будет одним из больших тормозов. Эта категория населения не представляет собой каких-то особенных приверженцев режима. Ну, оплачивают их чуть получше. Но они находятся под непрерывным гнетом секретности. «Ящики» пронизаны сексотами, как нигде в другом месте. В тридцать седьмом — тридцать восьмом году и даже до тридцать девятого года, когда я работал в пятом КБ¹³⁹, это было страшно. Вокруг меня были совершенно раздавленные люди. Мало кто из них мог бы заявить: «да нет, я не буду выполнять это задание». Сам факт, что тебе дали допуск к секретной работе, уже говорил о том, что ты проверен и тебе оказано доверие. Ясно, что любым возражением ты внушал недоверие. Значит, ты

¹³⁹ Конструкторское бюро.

не можешь работать в этой системе, и тебя могут посадить или с тобой случится что-то еще худшее. Вот такая картина. И когда изо дня в день, из года в год человек в атмосфере слежки, проработки на собраниях, исчезновения людей, посадки, у него вырабатываются защитные механизмы, которые делают его не способным не то что на какие-то действия, но даже на разговор. С этими людьми разговаривать очень опасно: это первые доносчики. Даже если данный человек не сексот, то, услышав какой-нибудь подозрительный, по его мнению, разговор, он побежит обязательно доносить. У него уже выработалось доносительство. От него все время его требовали на всех собраниях, заседаниях, инструктивных совещаниях; спецотдел внушал ему это каждый день; и вот у него душонка стала совершенно сморщенной, изувеченной — иначе уже не может себя вести. Костяк таких людей, увы, существует и сегодня, и с ними надо быть очень осторожным. В мое время в «ящики» стремились люди, которые делали карьеру; обычно активные, энергичные, деловые, очень образованные.

В связи с «почтовыми ящиками» вспомнился Зиновьев. В какой-то мере он прав, говоря о них. Там действительно так развратили людей, так их разложили, что на них в какой-то мере рассчитывать невозможно. Они свыклись, имеют свой хлеба кус, правда без масла. Вот всего и опасаются. «Мало ли что станется с этого режима; ладно, уж как-нибудь, только существовать бы в нем». В этой части Зиновьев прав. Таких людей несколько десятков миллионов. Но это же не говорит о всем народе и не говорит о том, что если так живут люди, то с этим надо согласиться.

Нашей борьбе такие люди нанесут большой урон, не столько тем, что будут бороться против нас — это гиблое дело, — сколько тем, что мы не сможем опираться на них и вербовать среди них своих людей. Среди миллионов, которые так работают, конечно, будут сотни тысяч людей, особенно молодых, не потерявших еще образа человеческого. Но ставку придется делать на рабочих, крестьян и на прослойку грамотных людей в служилом люде. Опытные рабочие на заводах, заводский люд, как я его называю, не имеют никаких преиму-

ществ, получают в общем-то гроши, какие-то грошовые премии, но тащат весь воз, за все отвечают, все шишки на них валятся. Они знают эту систему насквозь и находятся в положении эксплуатируемых, униженных, оскорбленных, потому что в первую очередь именно они полностью лишены всяких свобод и всяких прав, у них нет никаких привилегий. Из таких изнуренных людей как раз и вырабатываются силы освобождения. Нельзя говорить, что они уже есть, их нужно еще сформировать. И для этого необходима революция в умах.

Конечно, не режим хорош, а Запад слаб. У работников тех же «ящиков» создается впечатление, что Запад всегда всех продает и предает и им не поможет. А раз так, лучше уж держаться режима: какое он ни дерьмо, все-таки мы уже к нему привыкли, мы уже занимаем в нем какое-то положение. Вот примерно такой ход мыслей, который очень далек от того, что этот режим можно считать народным.

Власть должна быть твердая именно для того, чтобы не было никаких потрясений. Жизнь в стране должна быть уверенной. Выборов, после которых можно произвести изменения, не должно быть. Идеалы многопартийности, плюрализма, прагматизма — не для нас. Следует дать рекомендацию твердой самодержавной власти, власти просвещенной монархии. Когда мы шли своим путем развития, у нас дело шло. Когда мы с него сворачиваем на какие-то западные проулки, получается у нас не просто плохо, а ад кромешный.

Какой-то части людей захочется заниматься политикой. Это несомненно. Людей держали в страхе, о политике слова нельзя было сказать, так что может образоваться такое течение, что из огня да в полымя попадем. Там нельзя было ничего делать и здесь ничего? Да нет, помилуйте, — говорите, предлагайте, советуйте. Но если при этом вы будете нарушать законы, пеняйте на себя. Мы не дадим вам власти устраивать политические, а не экономические забастовки, разрушать то, что мы будем налаживать. Это заранее выкиньте из головы. Но если вы хотите говорить, спорить с нами, доказывать — ми-

лости просим. Я думаю, что какая-то дума обязательно будет и в эту думу будут выбраны и говоруны. Но этих говорунов мы поставим в некоторые рамки. Мы не позволим, чтоб было как в царской Думе, когда ее использовали для разрушения всех основ страны.

Правды мы не боимся. Если против нас будет не просто какая-то пропаганда, а нам укажут наши слабые места, то мы будем их исправлять и даже благодарить за такое указание. Но если нам будут доказывать необходимость третьего пути и опять требовать национализации, мы это проводить не будем. Сначала нам докажите, что имеете право отстаивать вашу точку зрения, что она конкурентоспособна и ее можно в какой-то мере защищать. Если она выдержит испытание, скажем, в Академии наук или в Думе, которую предусматривает Общество Независимых, — другое дело. А снова какой-нибудь коммунизм Ленина мы вам не позволим проводить.

Легче всего сводить счеты, но меньше всего следует мстить. Надо делать выводы; христианство не мешает делать выводы. Выводы — это защита населения от потрясений и от будущих возможных безобразий. Люди должны отдохнуть, полечиться, набраться сил, похозяйствовать каждый своим умом, предложить, что ему хочется, развернуть свои способности. Но это не значит, что можно разворачивать свои способности именно в той области, в которой мы сейчас меньше всего подкованы, в которой у нас меньше всего опыта.

Америка и все демократические страны обнаруживают такие слабости, такие прорехи, такой развал, что это не предмет для подражания. Кроме того, развал связан с предательством, трусостью; люди опускаются, государственных деятелей нет. Идти по пути подражательства нам не с руки. У нас был свой путь. К сожалению, нам его поломали, и много бедствий из-за этого на нас обрушилось.

Конечно, если население согласится с Обществом Независимых, если мы его сумеем довести до населения, тогда вся картина в значительной мере упростится.

Если люди пойдут в силы защиты, то эти силы будут огромной помощью для власти. Но на первых порах, пока мы не можем всех людей повернуть к Обществу Независимых, надо еще многое поломать в их прежней жизни, и в этом случае нам надо будет рассчитывать на свои силы, на свой путь, на свою природную смекалку и меньше всего быть обезьянами.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя 5

I

- К статье В. Бровкина «П. Ткачев и революционный
экстремизм» 7
 «Азеф» Романа Гуля 9
 «Сириус» Н. Ульянова 17
Николай II у Солженицына и Вырубовой 22
 Записки Тэффи о гражданской войне 25
 «Рыцари тернового венца» 29
 «О единой и неделимой России» 32
 Эмиграция 35
Некоторые соображения к книге «Созидатели
и разрушители» 51
 О русском народе. Лапти 54
 «Этап во время войны» М. Штейнберг 56
 Как воспринимать гения 59
 «Русская идея» Бердяева 68
Национальный вопрос в журнале
 «Факты и мысли» 72
 «Беда века» С. Рафальского 77
 «Голос из голоса» Нилова 80

II

- «Факультет ненужных вещей» Домбровского 81
 Лагерь у В. Аксенова 90

Андрей Синявский	93
Из бесед с Владимиром Чернявским:	
Мой путь после забастовки в Экибастузе	107
Моя родословная. Принцип собственности	114
Освобождение из лагеря. В ссылке	115
У сестры в Москве. Отъезд в Востряково.	
Мои работы	123
К книге В. Чернявского «Третий раунд»	131
Три единоборства	164
Вечная мораль и категорический императив Канта	165
Роль толчков в процессе творчества	168
Вариант моей молодости	173
Приложение: Письмо Глебу Струве	181

III

Слои советского общества	183
К статье Зиновьева «За что боролись, на то и напоролись»	186
«Зияющие высоты» Зиновьева	191
М. Агурский об идеологии национал-большевизма	203
«Князь мира сего» Г. Климова	205
«Идеальное государство Геннадия Шиманова»	206
«Инерция страха» Турчина	228
П. Болдырев о монархии и аристократии	263
Как устроить жизнь в будущей России	268
Как отстоять Свободный мир	273

Список фотографий

На первой стороне обложки:

Димитрий Панин. Антверпен. 80-е годы.

На последней стороне обложки:

1. Димитрий Панин после лекции, *Бретань, 1977 г.*

2. Мария Валериановна Панина (урожденная Опрянина) - мать Димитрия Панина.

3. Отец Александр и Андрей Шмеманы у Паниных. *Север, 1974 г.*

4. Владимир Чернявский и Димитрий Панин. *Север, 1976 г.*

ИБ № 6919

Редактор *Т. Горбачева*. Художник *Т. Иващенко*. Художественный редактор *К. Баласанова*. Технический редактор *Е. Мишина*. Корректор *Е. Рудницкая*. Подписано в печать 29.05.98. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 14,16. Тираж 3000 экз. Заказ 1495. Изд. № 8547. Лицензия ЛР № 020846 от 23 декабря 1993 г. ОАО Издательство «Радуга». 121839, Москва, пер. Сивцев Вражек, 43. При участии МП «Лерокс». Лицензия № 178 от 21.01.98. 220113, Минск, ул. Восточная, 64-182. Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в типографии издательства «Белорусский Дом печати». Беларусь. 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ISBN 5-05-004624-6

9 785050 046246